

3.2025

Издаётся с 2002 г.

**Учредитель
и издатель:**

Московский
педагогический
государственный
университет

Выходит 4 раза в год

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК РФ:

Педагогика

5.8.2. Теория и методика обучения
и воспитания

Филология

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
- 5.9.3. Теория литературы
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Когнитивные науки

- 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (филологические науки)

Сайт: rhema-journal.com

E-mail: rhema.rema@gmail.com

Адрес редакции:
109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18, комн. 223

Подписной индекс журнала по Объединенному каталогу
«Прессы России» – 85006

ISSN 2500-2953

Rhema. Рема

3.2025

**The Founder
and Publisher:**
Moscow Pedagogical
State University

Mass media
registration
certificate
ПИ № ФС 77-67769
as of 17.11.2016

Editorial office:
Moscow, Russia,
Verhnyaya
Radishchevskaya str.,
16–18, room 223,
109240

The journal is included in the list
of the leading peer-reviewed scholarly
journals the Higher Attestation
Commission of the Ministry of Science
and Higher Education of the Russian
Federation recommended to PhD
candidates and those working for their
habilitation who wish to publish
the results of their research.

The journal has been published
since 2002

The journal is published 4 times a year

E-mail: rhemajournal@gmail.com

Information on journal can be accessed via:
rhemajournal.com

Редакционная коллегия

Главный редактор

Антон Владимирович Циммерлинг – доктор филологических наук; заведующий лабораторией типологической и теоретической лингвистики Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина, г. Москва; ведущий научный сотрудник отдела типологии и ареальной лингвистики Института языкоznания РАН, г. Москва

Заместитель главного редактора

Екатерина Анатольевна Лютикова – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Ответственный секретарь

Анастасия Алексеевна Герасимова – кандидат филологических наук; научный сотрудник лаборатории автоматизированных лексикографических систем Научно-исследовательского вычислительного центра Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Татьяна Михайловна Воителева – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета

Наталья Дмитриевна Гальскова – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры лингводидактики Государственного университета просвещения, г. Москва

Елена Валентиновна Гетманская – доктор педагогических наук; профессор кафедры методики преподавания литературы Института филологии Московского педагогического государственного университета

Павел Валерьевич Гращенков – доктор филологических наук; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН, г. Москва

Атле Грённ – профессор кафедры литературы, страноведения и европейских языков Университета Осло, Норвегия

Сурен Тигранович Золян – доктор филологических наук, профессор; ведущий научный сотрудник отдела теоретической философии Института философии, социологии и права Национальной Академии наук Армении, г. Ереван, Армения; профессор Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, г. Калининград

Алексей Александрович Коренев – кандидат педагогических наук; доцент кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Анатолий Симонович Либерман – доктор филологических наук; профессор кафедры немецкого, нидерландского и скандинавских языков Университета Миннесоты, г. Миннеаполис, США

Сильвия Лураги – PhD (филология); профессор факультета гуманитарных наук, Университет Павии, Италия

Михаил Николаевич Михайлов – PhD (филология); профессор переведения (русский и финский языки) Института языков, перевода и литературы Университета Тампере, Финляндия

Нерея Мадарьяга Писано – PhD (филология); доцент кафедры классических языков (секция славянской филологии) Университета Страны Басков, г. Витория, Испания

Владимир Александрович Плунгян – доктор филологических наук, профессор, академик РАН; заместитель директора Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН; заведующий сектором типологии Института языкоznания РАН; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Велка Александрова Попова – кандидат филологических наук; доцент кафедры болгарского языка, сотрудник лаборатории прикладной лингвистики факультета гуманитарных наук Шуменского университета имени Епископа Константина Преславского, Болгария

Наталья Вадимовна Сердобольская – кандидат филологических наук; доцент Учебно-научного центра лингвистической типологии Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета

Андрей Стоянович – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой иностранных языков Белградского университета, Сербия

Младен Ухлик – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой русского языка Отделения славянских языков философского факультета Университета Любляны, Словения

Александр Иосифович Федута – доктор филологических наук; редактор биографического альманаха «Асоба і час» («Личность и время»), г. Минск, Республика Беларусь

Любовь Георгиевна Чапаева – доктор филологических наук; профессор кафедры общего и прикладного языкоznания Московского педагогического государственного университета

Editorial Board

Editor-in-Chief

Anton V. Zimmerling – Dr. Phil. Hab.; head of the Laboratory of Typological and Theoretical Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute; leading researcher at the Department of Typology and Areal Linguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Deputy chief editor

Ekaterina A. Lyutikova – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Executive secretary

Anastasia A. Gerasimova – PhD in Linguistics; researcher at the Research Computing Center, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Lyubov G. Chapaeva – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of General and Applied Linguistics, Institute of Philology and Foreign languages, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

Aleksandr Feduta – Dr. Phil. Hab.; editor-in-chief of the biographical almanac «Personality and Time», Minsk, Belarus

Natalia D. Galskova – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of Linguodidactics, Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

Elena V. Getmanskaya – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of Methods of Teaching Literature, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

Pavel V. Grashchenkov – Dr. Phil. Hab.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; research fellow at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Atle Grønn – Dr. Phil. Hab.; professor at ILOS – Department of Literature, Area Studies and European Languages, University of Oslo, Norway

Alexey A. Korenev – PhD in Pedagogy; associate professor at the Department of Foreign Language Teaching Theory, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Anatoly Liberman – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of German, Dutch and Scandinavian, University of Minnesota, USA

Silvia Luraghi – PhD in Philology; associate professor at the Department of Humanities, Section of General and Applied Linguistics, University of Pavia, Italy

Mikhail Mikhailov – PhD in Philology; professor at the School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere, Finland

Nerea Madariaga Pisano – PhD in Philology; associate professor at the Department of Classical Studies (Section of Slavic Philology), University of the Basque Country, Vitoria, Spain

Vladimir A. Plungian – Dr. Phil. Hab., full member of the Russian Academy of Sciences; deputy director of the Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences; head of the Sector of Typology, Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Velka A. Popova – PhD in Philology; associate professor at the Department of Bulgarian, research fellow at the Laboratory of Applied Linguistics, Faculty of Humanities, the Constantin of Preslav Bishop Shumen University, Bulgaria

Natalia V. Serdobolskaya – PhD in Philology; associate professor at the Training and Research Center for Linguistic Typology, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Andrej Stojanović – Dr. Phil. Hab., full professor; head of the Department of Foreign Languages, University of Belgrade, Serbia

Mladen Uhlik – Dr. Phil. Hab., professor; head of the Department of Russian, Institute of Slavic Languages, Faculty of Philosophy, University of Ljubljana, Slovenia

Tatiana M. Voiteleva – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of the Methods of Teaching Russian Language and Literature, Moscow Region State University, Russian Federation

Suren T. Zolyan – Dr. Phil. Hab., professor; leading research fellow at the Department of Theoretical Philosophy, Institute of Philosophy, Sociology and Law Studies, National Academy of Sciences, Yerevan, Armenia; professor at the Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

Содержание

ЛИНГВИСТИКА

<i>А.В. Дмитриев</i>	
Лингвистическая реконструкция микротопонимического пространства средневековой Водской пятины по данным писцовой книги 1499/1500 г.	9
<i>А.Д. Микулинский</i>	
Модель анализа дискурсивных стратегий в устном комментировании	45
<i>А.М. Федотова</i>	
Особенности кодирования аргументов при номинализациях в корейском языке и расположение разных типов номинализаций на шкале «клауза – именная группа»	62
МЕТОДИКА	
<i>С.В. Боголевова, А.А. Греченко</i>	
Возможности генеративного искусственного интеллекта для проверки академических текстов на английском языке.	81
<i>И.В. Ефремова, А.А. Цымбал</i>	
Обучение студентов направления «Международные отношения» техникам герменевтического понимания англоязычных новостных статей	103
<i>И.Б. Кирдей</i>	
Формирование эмотивной компетенции на основе чтения текстов подростковой художественной литературы (на примере учащихся 5, 6, 9 классов)	125

Contents

LINGUISTICS

A. Dmitriev

- Linguistic reconstruction of the microtoponymic space
of Medieval Vodskaya Pyatina
based on the Scribe Book of 1499/1500 9

A. Mikulinsky

- The model of discursive strategies analysis
in spoken commenting 45

A. Fedotova

- Features of argument encoding in nominalizations
in the Korean language and the location
of different types of nominalizations
on the “clausa – noun phrase” scale 62

TEACHING THEORY

S. Bogolepova, A. Grechenko

- Using generative artificial intelligence
for the evaluation of academic texts in English 81

I. Efremova, A. Tsymbal

- Teaching International Relations students techniques
for hermeneutic understanding
of English-language news articles 103

I. Kirdey

- Formation of emotive competence
based on reading young adult fiction
(grades 5, 6, 9) 125

DOI: 10.31862/2500-2953-2025-3-9-44

УДК 81'373.21(470.24)"14/15"

А.В. Дмитриев

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
195251 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;

Институт лингвистических исследований Российской академии наук,
199053 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Лингвистическая реконструкция микротопонимического пространства средневековой Водской пятины по данным писцовой книги 1499/1500 г.

В статье представлены результаты комплексного лингвистического анализа микротопонимической системы средневековой Водской пятины на основе писцовой книги 1499/1500 г. для реконструкции пространственных представлений и особенностей хозяйственного освоения территории в конце XV в. Методологический подход основан на сочетании структурно-семантического, сравнительно-исторического и количественного методов анализа топонимического материала. Выявлено и проанализировано 350 микротопонимических единиц, систематизированных в две группы: топонимические эквиваленты (43 единицы) и прямые микротопонимические номинации (77 единиц). Установлена выраженная территориальная асимметрия с наибольшей концентрацией в Грузинском погосте (преобладание названий пожен) и Спасо-Городенском погосте (преобладание названий тоней), отражающая специфику хозяйственного освоения. Семантический анализ выявил доминирование физико-географической лексики и хозяйственно-производственных терминов, связанных с подсечно-огневым земледелием. Этнолингвистический анализ обнаружил прибалтийско-финские элементы, демонстрирующие активные межъязыковые контакты.

© Дмитриев А.В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Исследование подтверждает значимость микротопонимии для реконструкции историко-культурного ландшафта и изучения когнитивных моделей пространственной ориентации средневекового населения.

Ключевые слова: историческая микротопонимия, писцовые книги, Водская пятна, новгородская топонимия, пространственная ориентация, этноязыковые контакты, историко-культурный ландшафт

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Дмитриев А.В. Лингвистическая реконструкция микротопонимического пространства средневековой Водской пятини по данным писцовой книги 1499/1500 г. // Рема. Rhema. 2025. № 3. С. 9–44. DOI: 10.31862/2500-2953-2025-3-9-44

DOI: 10.31862/2500-2953-2025-3-9-44

A. Dmitriev

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, 195251, Russian Federation;

Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, 199053, Russian Federation

Linguistic reconstruction of the microtoponymic space of Medieval Vodskaya Pyatina based on the Scribe Book of 1499/1500

This study analyzes the microtoponymic system of medieval Vodskaya Pyatina using a 1499/1500 scribe book to reconstruct spatial representations and economic development patterns. Researchers employed structural-semantic, comparative-historical, and quantitative methods to identify 350 microtoponymic units, systematized into toponymic equivalents (43 units) and direct nominations (77 units). The analysis revealed pronounced territorial asymmetry, with highest concentrations in Gruzinsky parish (predominantly hayfield names) and Spaso-Gorodensky parish (predominantly fishing ground names), reflecting local economic specialization and fiscal accounting needs. Semantic analysis showed dominance of physical-geographical and economic-industrial vocabulary related to slash-and-burn agriculture and various crafts. Ethnolinguistic analysis discovered Baltic-Finnish elements indicating active

interlingual contacts. The research demonstrates microtoponymy's significance for reconstructing historical-cultural landscapes and understanding medieval populations' spatial cognition models.

Key words: historical microtoponymy, Vodskaya Pyatina, scribe books, Novgorod toponymy, spatial orientation, ethnolinguistic contacts, historical and cultural landscape

FOR CITATION: Dmitriev A. Linguistic reconstruction of the microtoponymic space of Medieval Vodskaya Pyatina based on the Scribe Book of 1499/1500. *Rhema*. 2025. No. 3. Pp. 9–44. DOI: 10.31862/2500-2953-2025-3-9-44

Введение

Географические наименования малых объектов определенной территории, т.е. микротопонимы, закономерно входят в состав единой топонимической системы страны и отражают особенности мировосприятия коренных жителей данной местности. При этом микротопонимическая система, включающая наименования объектов сельской местности внутри и за пределами населенных пунктов, представляет собой компонент как онимического, так и топонимического восприятия мира, однако ее границы остаются достаточно размытыми в силу ее неустойчивости.

Изучение микротопонимии, охватывающей наименования малых географических объектов определенной территории, представляет собой одно из наиболее динамично развивающихся направлений современной ономастики. Основы теоретического осмысления микротопонимии как особой категории географических названий были заложены в трудах В.А. Никонова, А.В Суперанской и Н.В. Подольской. Их исследования показали, что микротопонимы являются уникальным источником информации об историко-культурном ландшафте территории и этноязыковых процессах.

Особую значимость приобретает изучение исторической микротопонимии, позволяющей реконструировать систему пространственных представлений и хозяйственного освоения территории в прошлом. Как отмечает В.Л. Васильев, микротопонимический материал средневековых документов часто сохраняет архаические черты, утраченные в современной топонимии [Васильев, 2005]. Работы И.И. Муллонен по микротопонимии Карелии демонстрируют, что названия малых объектов могут содержать ценную информацию о межэтнических контактах и культурном взаимодействии, и в одной из последних работ эта мысль звучит еще более явственно [Муллонен, 2023].

В последние годы активно развивается лексикографическое направление в изучении микротопонимии, представленное трудами Г.Ф. Ковалева, Л.А. Климковой, Н.А. Кузнецовой и других исследователей. Лексикография малых объектов по разным регионам России представлена сегодня достаточно пестро: по Красноярскому краю [Васильев и др., 2000], Воронежской области [Ковалев, 2007], Нижегородской области [Климкова, 2006], Пензенской области [Кузнецова, 2003], Липецкой области [Щеулина, 2007–2008], Чувашии [Леонтьев, 2024], Ингерманландии [Николаев, Герд, 2015] и другим регионам Российской Федерации.

Появились и продолжают выходить словари микротопонимов городов [Сыянова, 2018], отдельно взятых областных районов [Летникова, 2016] и даже одного населенного пункта [Кириллова, 2002; Бакутов, 2017; Верховых, 2018].

Тем не менее историческая микротопонимия северорусских территорий, особенно по данным писцовых книг, все еще остается недостаточно изученной областью, что определяет актуальность ее анализа для современной науки. Это, в свою очередь, детерминирует и цель настоящего исследования, которая заключается в комплексном анализе и лингвистической реконструкции микротопонимического пространства средневековой Водской пятины. Анализ направлен на выявление структурно-семантических особенностей микротопонимов, установление их территориального распределения и определение роли в формировании историко-культурного ландшафта региона.

Материал и методы

В качестве ключевого источника исследования выступает писцовая книга Водской пятины 1499/1500 г. Полужской и Корельской половин, представляющая собой уникальный документ кадастрового учета средневекового Новгорода.

Методологический инструментарий исследования базируется на комплексном подходе, сочетающем традиционные методы топонимического анализа с современными приемами лингвистической реконструкции. В работе применяется структурно-семантический метод, позволяющий выявить основные модели микрономинаций и типы топонимообразования. Использование сравнительно-исторического метода дает возможность проследить этимологию микротопонимов и установить их связь с историческими процессами освоения территории. Важным методологическим аспектом является использование компаративного анализа при сопоставлении выявленных микротопонимов с данными современной топонимии и диалектной лексики Северо-Запада России. В работе

также применяется метод количественного анализа, позволивший установить статистические закономерности в распределении различных типов микротопонимов.

Результаты и обсуждение

Принадлежность микротопонимии к общей топонимической системе обуславливает существование определенных объединяющих характеристик. Ее системная организация, непосредственная обусловленность внеязыковыми факторами, варьирование в устной речи и наличие в семантической структуре эмоционально-экспрессивной окрашенности наряду с номинативным компонентом делает изучение микротопонимии еще более важной и в то же время непростой задачей.

Микротопонимы как результат стихийной номинации обладают рядом специфических черт, кардинально отличающих их от официальных топонимов. Прежде всего, они близки к именам нарицательным (апеллятивам), имеют тесную связь с понятием, живую внутреннюю форму, мотивированность и зачастую деривационную прозрачность [Климкова, 2007, с. 83–103], что, в свою очередь, отражается в их прозрачной семантике и живой связи с этимологическим значением слова, положенного в основу названия, что объясняется их первичностью и мотивированностью [Ященко, 1977, с. 24–26]. Таким образом, граница между собственными и нарицательными названиями в микротопонимии размыта и легко преодолима [Карпенко, 1967, с. 18], что принципиально отличает их от официальных топонимов.

Поскольку микротопонимы часто образуются от местных географических терминов путем метафорического переноса по сходству формы объекта, важная характеристика микротопонимов – их теснейшая связь с региональной диалектной лексикой, отражающей преимущественно хозяйственную деятельность населения, когда в основу номинации часто ложатся признаки, важные для практического использования объекта (особенности рельефа, почвы, растительности). Вместе с тем микротопонимы часто содержат в своей структуре антропонимы, что отражает связь с историей освоения территории конкретными людьми.

Другой важной особенностью микротопонимов является их ограниченное распространение: область известности каждого микротопонима ограничена узким кругом местных жителей [Там же, с. 16], в отличие от официальных топонимов, которые фиксируются в многочисленных документах и на картах. Поэтому не все исследователи готовы рассматривать микротопонимию как отдельный пласт географических названий [Попов, 1965, с. 7–9; Глинских, 1985, с. 15; Березович, 2003, с. 19–34],

хотя есть попытки обоснования и независимого положения микротопонимии в региональном ономастиконе, исходя из детального описания микротерритории и структуры микрообъектов [Подольская, 1988, с. 83]¹.

Наиболее значимой характеристикой микротопонимии является высокая степень подвижности номинативной системы. Микротопонимы склонны к быстрому изменению, замещению и полному исчезновению, однако процесс утраты компенсируется активным появлением новых наименований, поэтому Ю.А. Карпенко квалифицировал микротопонимы не как полноценные названия, а как их эквиваленты [Карпенко, 1967, с. 16–17]. Это происходит потому, что микротопонимия быстро реагирует на изменения в жизни местного населения: при смене хозяйственной деятельности названия мелких объектов часто забываются и выходят из употребления [Муллонен, 2023]. Этот незаконченный процесс топонимизации позволяет исследователям наблюдать сам процесс стихийного образования названий [Никонов, 1965, с. 47]. Таким образом, для микротопонимии характерен непрерывный процесс обновления номинативного фонда, что принципиально отличает ее от официальной топонимии с ее долговременной стабильностью. Кроме того, важно учитывать сохранение однозначности микротопонима в пределах микросистемы, когда каждый микротопоним должен обозначать не более одного объекта [Березович, 1997, с. 70].

Из уже имеющегося опыта выявления исторический микротопонимии в архивных документах можно назвать недавнее комплексное исследование Д.Е. Евсюкова, выполненное на материале микротопонимов села Огibного Белгородской области с XVII по XXI в. Автор подробно анализирует документальную фиксацию топонимов в различных исторических документах и прослеживает их эволюцию. Методологическая работа построена на сопоставлении данных из нескольких типов источников: писцовых и межевых книг XVII в. (Российский государственный архив древних актов (РГАДА)), Государственный архив Курской области, планов Генерального и Специального межевания XVIII–XIX вв., современных топографических карт и полевых материалов автора. Особое внимание уделяется географический локализации исторических топонимов и верификации их расположения через сопоставление разновременных источников. Автор выявляет основные закономерности сохранения и трансформации микротопонимов на протяжении более 300 лет, анализирует этимологию названий и их связь с природным ландшафтом. Детально разбираются конкретные топонимы (Молодежников

¹ То есть микрогидронимы, микроийонимы, микрооронимы, микрохоронимы, названия урочищ, хозяйственных угодий, микросооружений (колодцев, мостов, будок, вышек, зимовий, кордонов, охотничих домиков и т.п.) [Подольская, 1982, с. 83].

колодезь, Онохин колодезь, Бутырский лог и др.), прослеживается их историческая судьба. Автор делает вывод об устойчивости значительной части микротопонимов с XVII в. при одновременной фиксации случаев их трансформации и утраты [Евсюков, 2019].

Некоторые микротопонимические единицы рассмотрены В.Л. Васильевым по Водской и Шелонским пятинам: *Буянское болото* недалеко от улиц Рогатица и Бояня в Новгороде [Васильев, 2005, с. 341]; пожня *Жирославль* в дельте Ловати [Там же, с. 51–52]; пожня *Точища у Завидова* близ р. Веряжи у Новгорода [Там же, с. 89]; пожня *Мирогоща* у южного берега Ильменя [Там же, с. 130] и др. Тем не менее микротопонимия не представляла для В.Л. Васильева отдельного предмета рассмотрения. Он отмечает, что в новгородских писцовых книгах XV–XVI вв. зафиксированы названия мелких географических объектов – пожен, урошищ, небольших озер и ручьев. Такие микротопонимы сохранили архаические особенности, что отличает их от современных названий, однако настолько детальная фиксация мелких топонимов встречается лишь в единичных средневековых письменных источниках [Там же, с. 30].

Микротопонимические единицы, такие как, например, названия пожен, можно встретить в большом количестве в специальных книгах, которые регистрировали эти угодья для ведения хозяйственно-экономического учета. Например, это отписные и оброчные книги пригородных пожен Новгородского дворца, опубликованные К.В. Барановым [ПКН3], и даже особые «поженные» книги покосов новгородских пятин, хранящиеся в РГАДА². В материалах К.В. Баранова есть также опубликованная выпись из писцовой книги Водской пятини 1499/1500 г. на рыбные тони на р. Волхов по водской стороне и на Ладожском озере.

Особенно ценными материалами для изучения микротопонимии южных погostов Водской пятини служат документы из Государственного архива Новгородской области, ф. 236 «Новгородская губернская чертежная». В оп. 7 находятся дела по межеванию деревень, пустошей, пожен по состоянию наконец XVIII в. и середину XIX в. Планы ценные тем, что они показывают местоположения угодий, что позволяет соотнести их с современным состоянием ландшафта.

² Ф. 1209. Оп. 1738. Д. 770. Писцовая («поженная») книга казенных покосов в Вотской пятине Новгородского уезда, писцов Гр. Волконского и Вас. Тараканова. Копия XVIII в. Печ. оп. № 1738; Оп. 1740. Д. 710. Писцовая книга казенных оброчных сенных покосов Шелонской, Вотской и Обонежской пятин Новгородского уезда, писцов Гр. Волынского и В. Тараканова с товарищами. Копия XVIII в. Печ. оп. № 1740; Оп. 1740. Д. 711. Писцовая книга оброчных сенных покосов Шелонской пятини Новгородского уезда, писцов Гр. Волынского и Ф. Калитина. Копия XVIII в. Печ. оп. № 1740; Оп. 1769. Д. 739. Писцовая и межевая книга казенных оброчных сенных покосов Вотской и Обонежской пятин Новгородского уезда, писца подьячего Ефима Нечаева, 1598 г. (Л. 1–18). Копия XVIII в. Печ. оп. № 1769.

В русских писцовых книгах официальная макрографическая номенклатура описываемых именованных объектов представлена восемью типами – села, сельца, деревни, церкви, починки, пустоши, рядки и волочки. Последние два упоминаются в личных названиях составных ойконимов в качестве апеллятивов и по сути являются разновидностью поселений. Таких ойконимов в писцовой книге Водский пятины 1499/1500 г. всего три: *Рядок у Клетей на реке Ижере – Ижорский погост* [НПК III, с. 344]; *Сванский Волочек – при г. Кореле* [Там же, с. 7] и *Волочек – Ястребинский погост* [Там же, с. 763].

Помимо них, как правило, в заключении описания отдельного землевладения перечисляются, если есть, угодья: озера с рыбной ловлей, тони и колы на реках, руда в домницах, охота на махах, борти пчелиные на пасеках, пожни с сеном. Если в тексте писцовых книг упоминаются пожни, луга, тони, леса и другие микрообъекты, то, как правило, они сопровождаются своими собственными именами.

В процессе выявления микрообъектов была составлена их классификация (табл. 1) по следующим типам.

1. **Топонимические эквиваленты.** Эта группа микротопонимов (43 единицы) представляет собой описательные обозначения, которые являются предложно-падежными конструкциями [Горожанкина, 1979]. Такие эквиваленты не называют объект, а описывают его. В.А. Никонов отмечал, что микротопонимы подобного плана близки к нарицательным именам, они являются как бы «зародышами названий», поскольку названия по модели «предлог + существительное в косвенном падеже» практически отсутствуют в названиях рек и населенных пунктов, а в микротопонимии они заурядны [Никонов, 1965, с. 47].

Таблица 1

**Выявленные микротопонимы из писцовой книги
Водской пятины Корельской и Полужской половин 1499/1500 г.
[Identified microtoponyms from the cadastral book
of Vodskaya pyatina, Karelian and Poluzhskaya halves of 1499/1500]**

Название объекта [Name of the object]	Тип объекта [Object type]	Погост [Parish]
Макролокативные конструкции [Macrolocative constructions]		
в Моневшие на усть Жавыни	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
за озерком за Незнанию	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
за озерком за Незнанию, противу Дубровиц	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]

Продолжение табл. 1

Название объекта [Name of the object]	Тип объекта [Object type]	Погост [Parish]
на Ладожском озере на Лопский стороне, промеж Орешка городка и на Изре	Пожня [Hayfield]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
на Ладожском озере под Березовцом	Тоня [Fishing ground]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
на Лопате на реце на Кернове	Пожня [Hayfield]	Каргальский [Kargalskiy]
на море, на острове на Сандую	Пожня [Hayfield]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
на ручью на Неваже	Пожня [Hayfield]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
на устье Керести	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
на устье Луни	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
на устье Пертичны	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
на устье реки Водос	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
под Большим Двором	Тоня [Fishing ground]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
под Валитовою	Тоня [Fishing ground]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
под монастырем под Николским на Полисти	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
под Москотовым	Пожня [Hayfield]	Куйвашский [Kuyvoshskiy]
под Нижним Двором	Тоня [Fishing ground]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
усть Тохты	Тоня [Fishing ground]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
Микролокативные конструкции [Microlocative constructions]		
в Дыменском болоте	Пожня [Hayfield]	Коломенский [Kolomenskiy]
в Подрелье	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]

Продолжение табл. 1

Название объекта [Name of the object]	Тип объекта [Object type]	Погост [Parish]
в Розсохе	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
в Сомине	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
на Вередке же	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
на жару и в Кахкуле	Пожня [Hayfield]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
на Заячьем носу	Пожня [Hayfield]	Лопский [Lopskiy]
на Кирьеволочском же песку на Коротких конец Кирьеволочского песку	Тоня [Fishing ground]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
на Невеже	Тоня [Fishing ground]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
на Пукуеву ручью [на Неве под деревнею под Дубком]	Тоня [Fishing ground]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
на Ригочине	Тоня [Fishing ground]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
на ручью на Неваже	Пожня [Hayfield]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
на Ручьях	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
около Липового острова	Mox [Moss]	Ярвосольский [Yarvosolskiy]
под Дубом [на реце на Аредежи]	Луг [Meadow]	Будковский [Budkovsky]
под Залазном	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
под Рогом [в реце Неве]	Тоня [Fishing ground]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
против Пересухи за Лукиным же	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
у Камени [на реце на Аредежи]	Луг [Meadow]	Будковский [Budkovsky]

Продолжение табл. 1

Название объекта [Name of the object]	Тип объекта [Object type]	Погост [Parish]
Полиуровневые локативные конструкции [Multi-level locative constructions]		
за озером за Лунином, против Пересухи	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
на Волхове к Стежки, п повыше Хотовского врага	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
на Ладожском озере, на Коши- кине носу	Пожня [Hayfield]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
над Веткою на бротку на Глазачеве противу Мокроусова	Пожня [Hayfield]	Пидебский [Pidebskiy]
над Керестию конец Лютика	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
по реце по Кересте на устье и по Волхову в Лютике	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
Прямые микротопонимические номинации [Direct microtoponymic nominations]		
Валитово	Пожня [Hayfield]	Пидебский [Pidebskiy]
Ватупол [в верх Ласинца ручья]	Mox [Moss]	Ижорский [Izhorskiy]
Вежыцкий	Лес [Forest]	Кречинский [Krechinskiy]
Великая	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
Вередка	Неизвестная идентификация [Unknown identification]	Грузинский [Gruzinsky]
Волотовская [против порожка]	Тоня [Fishing ground]	Коломенский [Kolomenskiy]
Воскресенская [на усть Тигоды на Волхове]	Пожня [Hayfield]	Тигодский [Tigodskiy]
Вострая Лука [на Острой реке за Волховым, в Обонежье]	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]

Продолжение табл. 1

Название объекта [Name of the object]	Тип объекта [Object type]	Погост [Parish]
Глажево	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
Глазачево	Неизвестная идентификация [Unknown identification]	Пидебский [Pidebskiy]
Горбуш [в Меневше речке]	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
Деревня	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
Домовная [у Креста]	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
Дорница	Пожня [Hayfield]	Коломенский [Kolomenskiy]
Дыменское	Болото [Swamp]	Коломенский [Kolomenskiy]
Залазное	Неизвестная идентификация [Unknown identification]	Грузинский [Gruzinsky]
Запашая	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
Заячий нос	Мыс [Cape]	Ижорский [Izhorskiy]
Земтицкий	Лес [Forest]	Кречинский [Krechinskiy]
Калита	Тоня [Fishing ground]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
Каменьское	Болото [Swamp]	Кречинский [Krechinskiy]
Карповы Нивища [у города у Копоры]	Пожня [Hayfield]	Каргальский [Kargalskiy]
Кахкула	Неизвестная идентификация [Unknown identification]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
Кириловская	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
Ключеватка [над Керестью]	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]

Продолжение табл. 1

Название объекта [Name of the object]	Тип объекта [Object type]	Погост [Parish]
Кобылино	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
Коловая [на усть Керести]	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
Кочевятыци [у города у Копоры]	Пожня [Hayfield]	Каргальский [Kargalskiy]
Кошкин нос [на Ладожском озере]	Мыс [Cape]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
Кривец	Пожня [Hayfield]	Коломенский [Kolomenskiy]
Куземкин [на реце на Аредежи]	Луг [Meadow]	Будковский [Budkovsky]
Ласинец	Ручей [Stream]	Ижорский [Izhorskiy]
Лентеевская	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
Лидна	Тоня [Fishing ground]	Федоровский [Fedorovskiy]
Лидно	Тоня [Fishing ground]	Теребужский [Terebuzhskiy]
Лодоша [меж кола Городецкого Моеенного и Глездова]	Тоня [Fishing ground]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
Лукинская Федорова [под Хотовичами]	Тоня [Fishing ground]	Переежский [Pereezhskiy]
Лукоситцкая [на реце на Ижере]	Пожня [Hayfield]	Ижорский [Izhorskiy]
Лукъяновские	Пожня [Hayfield]	Коломенский [Kolomenskiy]
Лютик	Неизвестная идентификация [Unknown identification]	Грузинский [Gruzinsky]
Марков Остров	Пожня [Hayfield]	Пидебский [Pidebskiy]
Михайловская [на Черемисинове половине]	Пожня [Hayfield]	Ижорский [Izhorskiy]

Продолжение табл. 1

Название объекта [Name of the object]	Тип объекта [Object type]	Погост [Parish]
<i>Моневша</i>	Неизвестная идентификация [Unknown identification]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>Морткино</i>	Пожня [Hayfield]	Дмитро-Городенский [Dmitro-Gorodenskiy]
<i>Московская</i> [на реке на Кернове]	Пожня [Hayfield]	Каргальский [Kargalskiy]
<i>Нероновская</i>	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>Нероновская ёс другая</i>	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>Нижняя</i>	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>Носок</i> [под Керестию, противу Дубровиц]	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>Огородок</i>	Тоня [Fishing ground]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
<i>Ольховая</i> [на Неве ниже устья Ижерского]	Тоня [Fishing ground]	Ижорский [Izhorskiy]
<i>Омут</i> [в реке Неве]	Тоня [Fishing ground]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
<i>Онтоновская</i> [на усть Керести]	Пожня [Hayfield]	Антоновский [Antonovskiy]
<i>Пересуха</i>	Неизвестная идентификация [Unknown identification]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>Повал</i> [на реке на Аредежи]	Луг [Meadow]	Будковский [Budkovsky]
<i>Повал</i> [на реке на Оредежи у Передчиц]	Пожня [Hayfield]	Будковский [Budkovsky]
<i>Погорелская</i> [на Лузе]	Пожня [Hayfield]	Будковский [Budkovsky]
<i>Подмогилицы</i> [на Волхове]	Тоня [Fishing ground]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]

Продолжение табл. 1

Название объекта [Name of the object]	Тип объекта [Object type]	Погост [Parish]
Подосье	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
Подрелье	Неизвестная идентификация [Unknown identification]	Грузинский [Gruzinsky]
Поясница	Пожня [Hayfield]	Коломенский [Kolomenskiy]
Пукуев [на Неве, под деревнею под Дубком]	Ручей [Stream]	Спaso-Городенский [Spaso-Gorodensky]
Пучаха [на Неве, под деревнею под Дубком]	Тоня [Fishing ground]	Спaso-Городенский [Spaso-Gorodensky]
Сергеевская [на Неве на Корельский стороне]	Пожня [Hayfield]	Спaso-Городенский [Spaso-Gorodensky]
Середняя [на реце на Кернове]	Пожня [Hayfield]	Каргальский [Kargalskiy]
Скудельнич [в Обонежский пятине на Волхове]	Тоня [Fishing ground]	Спaso-Городенский [Spaso-Gorodensky]
Смушинская [на усть Керести]	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
Сомино	Неизвестная идентификация [Unknown identification]	Грузинский [Gruzinsky]
Столбец	Пожня [Hayfield]	Солецкой [Soletskoy]
Теребышево	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
Турика	Тоня [Fishing ground]	Спaso-Городенский [Spaso-Gorodensky]
Федоровская [на реце на Неве]	Тоня [Fishing ground]	Спaso-Городенский [Spaso-Gorodensky]
Федоровская [под деревнею под Валитою]	Пожня [Hayfield]	Спaso-Городенский [Spaso-Gorodensky]
Хотовской	Овраг [Ravine]	Переежский [Pereezhskiy]

Окончание табл. 1

Название объекта [Name of the object]	Тип объекта [Object type]	Погост [Parish]
Хутря [на Неве, под деревнею под Дубком]	Тоня [Fishing ground]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
Черной Ручай [у города у Копорыи]	Пожня [Hayfield]	Каргальский [Kargalskiy]
Шишкова	Тоня [Fishing ground]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]

Топонимические эквиваленты характеризуют стадию номинативного генезиса. Вместе с тем данная группа также неоднородна, поскольку мы отдельно классифицировали следующие конструкции.

1.1. *Макролокативные конструкции.* В этой группе оказались названия, которые можно только условно назвать микротопонимами, поскольку это, скорее, локативные детерминанты, или композитные макротопонимические образования, не называющие микрообъекты, но привязывающие их к крупным озерам, рекам и прочей гидрографии, которые, как правило, картографированы и известны широкому кругу людей. Сюда попали такие конструкции, как *на³ Ладожском озере на Лопской стороне, промеж Орешка городка и на Изре* (пж⁴, Сп. Гор.); *на усть Керести* (пж, Груз.); *под монастырем под Николским на Полисти* (пж, Груз.); *на Ладожском озере под Березовцом* (тн, Куйв.) и др. Здесь все компоненты конструкции представляют собой названия крупных объектов: оз. Ладожское, кр. Орешек, р. Кересть, р. Полисть, д. Березовец, мон. Никольский.

Как видно, среди таких названий встречаются многословные формы, содержащие в своей структуре сразу четыре макроназвания (как в первом примере) или одно, например, *под Москотовым* (пж, Куйв.), где *Москотово* – ойконим. В качестве макрообъектов могут выступать такие варианты, которые вышли из употребления еще в допетровское время, например, *на море, на острове на Сандую* (пж, Сп. Гор.). Пожня

³ По причине того, что все эти названия содержат только макролокативы, мы будем записывать их начало со строчной буквы.

⁴ Список сокращений: арх. – архангельское; белоз. – белозерское; Груз. – Грузинский (погост); д. – деревня; Дм. Гор. – Дмитро-Городенский (погост); кар. – карельское; Карг. – Каргальский (погост); кр. – крепость; Куйв. – Куйвашский (погост); мон. – монастырь; новг. – новгородское; оз. – озеро; пбф. – прибалтийско-финское; Пер. – Переяжский (погост); пж – пожня; Пид. – Пидебский (погост); пск.– псковское; р. – река; Солец. – Солецкой (погост); Сп. Гор. – Спасо-Городенский (погост); тверск. – тверское; тн – тоня; церк.-слав. – церковно-славянское.

находилась на месте нынешнего Петербурга, а название острова *Сандуй* относится к одним из старейших названий Елагина, Каменного и Крестовского островов. Название перестает упоминаться в источниках с 1640-х гг.

1.2. **Микролокативные конструкции.** Эта группа определяется такими названиями, в структурный состав которых «вложены» микротопонимы, однако до прямой номинации не дошли, поэтому носят по-прежнему описательный характер: *На жару и в Кахкуле* (пж, Сп.Гор.); *В Сомине* (пж, Груз.); *В Розсохе* (пж, Груз.); *На Вередке же* (пж, Груз.); *На Пукуеву ручью* (тн, Сп. Гор.); *На Ригочине* (тн, Сп. Гор.) и др. В качестве локатива выступают сами микротопонимы, хотя как таковое прямое название пожни не указывается. Географическим ориентиром в данном случае выступают названия микрообъектов *Кахкула*, *Розсаха*, *Сомино*, *Пукуев ручей*, *Ригочино* и т.д. Не исключено, что названия пожен и тоней в таких предложно-падежных конструкциях могли метонимизироваться, когда происходил перенос названия с локатива на сам объект – пожню или тоню, и бытовали в устной форме: *В Кахкуле* → *Кахкула*, *На Ригочине* → *Ригочино* и т.д.

1.3. **Полуровневые локативные конструкции.** Группа этих топонимов отличается от предыдущей, микролокативных конструкций, тем, что в их составе присутствует многоступенчатая система локализации – <крупный объект + мелкий объект>: *На Ладожском озере, на Кошкине носу* (пж, Сп. Гор.); *По реце по Кересте на устье и по Волхову в Лютике* (пж, Груз.); *На Волхове к Стежки, повыше Хотовского врага* (пж, Пер.) и др. Здесь Кошкин нос, Лютик и Хотовской овраг – это названия микрообъектов.

В группе топонимических эквивалентов локализация объектов осуществляется через привязку к водным объектам (*на усть Керести, на Волхове*), ориентацию по населенным пунктам (*у города у Копорьи*) и использование природных ориентиров (*под Дубом, у Камени*). Среди локативов довольно много гидронимических, причем зачастую они перемежаются с другими локативами: *на море, на острове на Сандую* (море + остров); *На Ладожском озере, на Кошкине носу* (озеро + мыс); *под монастырем под Николским на Полости* (монастырь + река); *в Моневше на усть Жавыни* (река + река); *на Ладожском озере под Березовцом* (озеро + деревня); *На Волхове к Стежки, повыше Хотовского врага* (река + деревня + овраг); *меж Тухани и Нурмиею у озерка* (деревня + деревня + озеро) и т.д.

Встречается некоторое количество конструкций, еще больше детализирующих местоположение угодья: например, *над Веткою на бротку*, *на Глазачеве противу Мокроусова* (пж, Пид.), где в составе вычленяется

деревня *Ветка над рч. Веткою*, гидронимический локатив ‘на бротку’, далее следует неясный микрообъект *Глазачево*, и замыкается цепочка указанием деревни *Мокроусово* [НПК III, с. 23]. Таким образом, пожня находилась между современной деревней Витка на р. Питьба ($58^{\circ}37'28''$ с. ш. $31^{\circ}19'38''$ в. д.) и, по всей видимости, исчезнувшей деревней *Коробейниково Мокроусово*, земля которой принадлежала Николо-Вяжищскому монастырю [Анкудинов, 2013, с. 162].

Таких микрообъектов, как *Глазачево*, которые не поддаются типологизации, в писцовой книге несколько: в *Кахкуле*; конец *Лютика* / в *Лютике*; против *Пересухи*; в *Сомине*; под *Залазном*; в *Подрелье*; в *Розсоге*; на *Вередке же*; на *Ригочине*; под *Рогом*; у *Камени*; под *Дубом*; у *Креста*. Это микротопонимические локативные детерминанты, описывающие местоположение пожен, тоней и лугов. Предлоги *на*, *под*, *у*, *в* могут указывать на локализацию и возле озера, и на речке/ручье, и даже на какой-то местности. Они не идентифицируются ни как деревни/села/сельца, ни как пустоши, в отличие от таких конструкций, как *под Москотовым < деревня Москотово Кокорино на Куйвоше* [ПКВП, с. 146], т.е. пожня находилась рядом с деревней.

2. Прямые микротопонимические номинации. К ним относится многочисленная группа микротопонимов (77 единиц), которые напрямую именуют объект и которые прошли этап номинативного генезиса. Для многих названий указаны их локативные детерминанты: например, *Морткино* (пж, Дм. Гор.), *Коловая* [на усть Керести] (пж, Груз.), *Валитово* (пж, Пид.), *Кочевятицы* [у города у Копорья] (пж, Карг.), *Столбец* (пж, Солец.) и мн. др.

Среди таких названий особую подгруппу составляют деантропонимные в притяжательной форме: *Федоровская* [под деревнею под Валитою] (пж, Сп. Гор.), *Кириловская* (пж, Груз.), *Сергеевская* [на Неве, на Корельской стороне] (пж, Сп. Гор.) и др.

В группе прямых микротопонимических номинаций представлены большей частью однословные топонимы, и только пять состоят из двух компонентов: *Марков Остров* (пж, Пид.), *Черной Ручай* [у города у Копорья] (пж, Карг.), *Карповы Нивища* [у города у Копорья] (пж, Карг.), *Вострая Лука* [на Острой реке за Волховым, в Обонежье] (пж, Груз.), *Лукинская Федорова* [под Хотовичами] (тн, Пер.).

Деантропонимные названия можно разделить на три группы, исходя из их деривационной структуры.

Суффиксальные образования: *Федоровская* (пожня, тоня) < от личного имени *Федор*; *Сергеевская* (пожня) < от личного имени *Сергей*; *Михайловская* (пожня) < от личного имени *Михаил*; *Онтоновская* (пожня) < от варианта имени *Антон*; *Кириловская* (пожня) < от личного

имени Кирилл; Лукьяновские (пожня) < от личного имени Лукьян; Нероновская (пожня) < от личного имени Нерон; Волотовская (тоня) < от некалендарного личного имени Волот.

Вместе с тем в писцовой книге также перечисляются пожни по именам их владельцев. Практически все эти объекты указаны с привязкой к гидрониму или хорониму: на Волхове 2 пожни, *Ивановскую Захарьина сына Овинова, да Федоровская Победицкого Столбец – Солецкой* погост [НПК III, с. 428]; на Волхове пожни *Яковльская Губина к Стечки, повыше Хотовского врага*⁵ – Переежский погост [Там же, с. 488]; около озера Глубокого пожни *Васильевские Онаньина* – Переежский погост [Там же].

Очень много таких случаев отмечается в Грузинском погосте: *по реце по Кересте на устье и по Волхову пожня Федоровская Остафьевы сына Глухова в Лютике; пожня Остахна Манкина, да сына его Панфилка конец Лютика; пожня Кирилка Парфеева над Кересью напротив Лютика; пожня Кирилка Андреева сына Дурина в Лютике; пожня Грихна Прохнова в Розсохе; пожня Васка Сенкина с братьем Подосье; пожня Кости Бабкина на Вередке же; пожня Ивана Кумина на Бабкина за озерком за Незнанью; пожня Петра Сущова за озером за Лунином, против Пересухи; пожня Тимошки Дщанника против Пересухи за Лукиным же; пожня Якова Губина Селезнева за озерком за Незнанью, противу Дубровиц; пожня Власка Трубицына в Моневише на усть Жавыни; пожня Кривец Яковльская Губина, да возле ту пожни Ивановского Малого; пожня Марьинское Ивонинская Богданова под монастырем под Николским на Полисти; пожня Яковльская Тютихи на конец Лютика* [НПК III, с. 451].

Во всей писцовой книге таких имен владельцев очень много, но среди них встречаются имена именно тех посадников, бояр, тысячеких и житьих новгородских, которых мы узнали во время прихода Великого князя в Новгород в 1476 и в 1478 гг. Как бывшие собственники земель в писцовой книге упоминаются, например, Иван Захаров сын Овинов, Федор Яковлев Победицкий, Яков Губин (Селезнев), Василий Онанын, Федор Астафьев сын Глухов и др. В сущности, все они указаны выше как владельцы пригородных пожен.

В данном случае имя владельца указывало лишь на принадлежность пожни ее хозяину, а не ее уникальную онимную «метку». Например, в Каргальском погосте за землевладельцем Андреем Телятевым были закреплены пожни *Ондреевские у города у Копоры: пожня Кочевятичи, пожня Карповы Нивища, пожня Черной Ручай* [Там же, с. 517, 520].

⁵ По деревне Хотовичи.

Сначала сказано, чьи угодья, а затем перечисляются их собственные названия.

Посессивные образования: *Морткино* (пожня) < от прозвища *Мортка*; *Кобылино* (пожня) < от прозвища *Кобыла*; *Куземкин* (луг) < от уменьшительной формы *Куземка* имени *Кузьма*; *Пукуев* (ручей) < от некалендарного прибалтийско-финского имени *Пукуй*.

Составные наименования: *Марков Остров* (пожня) < от имени *Марк*; *Карповы Нивища* (пожня) < от имени *Карп*; *Лукинская Федорова* (тоня) < от личных имен *Лука* и *Федор*.

Таким образом, можно видеть, что при анализе микротопонимической системы Водской пятины выявляется неравномерное распределение названий по погостам. Наибольшая концентрация микротопонимов наблюдается в Грузинском и Спасо-Городенском погостах, причем в первом преобладают названия пожен, а во втором – тоней. Грузинский погост отличается обилием названий пожен, что указывает на развитое сельское хозяйство, особенно сенокосные угодья. Названия здесь часто связаны с гидрообъектами (*на усть Керести, на Ручьях*), что свидетельствует о важности водных ресурсов для хозяйственной деятельности. Значительное количество тоней в Спасо-Городенском погосте объясняется его выгодным географическим положением на Ладожском оз. и р. Неве. Здесь фиксируются многочисленные тони на Неве.

Очень скучные сведения об агроонимах приведены по Копорскому и Ямскому уездам. Из всего описания удалось найти только несколько названий пожен вокруг Копорья и на р. Кернове (сейчас – р. Воронка). По Ямскому уезду в писцовой книге вообще нет никакой микротопонимической информации. Очень мало говорится о пожни, которую обрабатывали крестьяне из Войносолово, Пиллово, Великино и Кикина Бора. Поселения входили в волостку Богдана Норовова: *А пожня у них у моря и у Хабалинского озера и у Лужицы реки и на усть Луги реки* [НПК III, с. 921]. То же самое встречаем в волостке детей Норовых, где крестьяне имели свои пожни: *А пожни у них у моря меж Лужицы реки и Хабалинского озера* [Там же, с. 928].

Вместе с тем упоминание микрообъектов, безусловно, зависит от полноты кадастрового описания, от специфики самой документации и важности фиксации сельскохозяйственных угодий в зависимости от множества факторов.

Полнота описания микрообъектов в писцовых книгах определялась прежде всего фискальными задачами кадастрового учета. Писцы фиксировали только те угодья, которые имели экономическое значение для налогообложения. Видимо, отсюда детальное описание пожен в Грузинском погосте и тоней в Спасо-Городенском.

Географические факторы играли ключевую роль в степени детализации. Территории вдоль крупных водных артерий (Волхов, Нева, Ладожское озеро) описывались подробнее из-за их стратегического и торгово-го значения. Спасо-Городенский погост с его многочисленными тонями на Неве – яркий пример такой привилегированной фиксации. Напротив, периферийные земли Копорского и особенно Ямского уездов остались слабо документированными.

Административно-правовые особенности также влияли на полноту описания. Монастырские и боярские владения часто описывались более детально, поскольку их землевладельцы имели больше правовых оснований для точной фиксации границ и угодий. Так, в погостах Ореховского уезда, к которому относился упомянутый выше Спасо-Городенский погост, было очень много монастырей, в отличие от западных уездов Водской пятины, а также проживало 599 своеземцев, и это был самый большой уезд по количеству земельных собственников из числа крестьян [Сергий, 1905, с. 69]. Иными словами, служилый характер землевладения требовал точной фиксации доходных угодий – отсюда подробное описание рыбопромысловых тоней И.М. Волынского «под Сосною» и в Ригочино, В. Харланова на Пашской губе, поскольку эти промысловые участки составляли основу материального обеспечения службы. Напротив, неосвоенные пустоши без двора и кола (*нет деи на тех пустошах двора, ни кола*), которые массово раздавались помещикам для колонизации, не имели устоявшихся местных названий и потому слабо отражены в микротопонимии писцовых описаний [Михайлова, 2016, с. 33–39].

Плотность заселения и хозяйственная освоенность территории прямо коррелировали с количеством зафиксированных микротопонимов. Районы интенсивного земледелия требовали более дробного территориального деления и, соответственно, большего числа локальных названий.

Наконец, техническая компетентность писцов и их знакомство с местной топонимической традицией определяли качество фиксации микрообъектов. Местные названия могли быть пропущены или искажены при записи, особенно в отдаленных районах.

Весьма интересны некоторые географические детерминативы в предложно-падежных конструкциях. Разберем их подробнее.

В Подрелье < ‘под’ + *рель* ‘сухое возвышенное место, гряда, острогов среди болота или низменной местности’; ‘лес, растущий на сухом, возвышенном месте, выделяющийся среди всего лесного массива, обычно лучший, строевой’; ‘песчаный нанос продолговатой формы на реке, отмель’; ‘часть, полоса обрабатываемого участка земли, пашни, луга’; ‘участок земли, периодически затапляемый водой, низина у реки, луг

на таком месте’ [СРНГ-35, с. 50]. «Релям называют такие узкие пожни, когда у полосы с обоих сторон вода и заливает рель весной» – Старорусский район Новгородской области [НОС, с. 1027]. Все эти значения термина бытуют в Ленинградской, Новгородской, Псковской областях, отсюда же и топонимия: деревни Рель и Релка в Ленинградской области; деревни Реля, Зарелье, остров Большая Рель в Новгородской области. В Кировской области также есть село Подрелье. На Вологодчине релью называют болото [СРНГ-35, с. 50]. Термин имеет многофункциональную семантическую парадигму в зависимости от региона и, соответственно, различные формы: ролка ‘узкий участок земли’, ‘мыс на озере’, тверск.; ориолка, риолка, релка ‘мысок’, ‘холм у слияния двух рек’, ‘сухая гряда, поросшая лесом, среди болот’, белоз. [Мурзаев, 1984, с. 330]. Слово рель отмечено в новгородских грамотах, начиная с XII в., в значениях ‘пойменный сенокосный луг’, ‘небольшая возвышенность среди болот’ [Там же].

В Новгородской области данный термин имеет также значения ‘сенокосный участок; луг’, ‘прибрежный заливной луг’, ‘участок (чаще сенокоса) в форме длинной, узкой полосы, часто заливаемый в половодье’, ‘болотный луг’ [НОС, с. 1026–1027]. При описании в 1861 г. плана земельного надела крестьян в даче д. Вылеги Коломенской волости Новгородской уезда были (сейчас – д. Вылеги Новгородского района, на правом берегу р. Волхов) упомянуты два микротопонима – названия сенокосов *Коломенская рель* и *Кузинская рель*⁶. Пожня в *Подрелье*, как и многие угодья Грузинского погоста, находилась в топком месте. Это был, скорее всего, заливной луг, находившийся возле озера, болота или реки.

В Розсехе < *рассоха* ‘раздвоение, развилок, слияние рек, устье’; ‘двойное верховье рек, два источника, питающие реку; ‘приток второстепенной реки, впадающей в основную реку’ [Мурзаев, 1984, с. 327]. Термин широко распространен в славянской гидронимии. Топонимное гнездо с данным термином обширно и покрывает всю Россию – от Архангельской области до Таймыра. Среди названий многочисленны гидронимы, но встречаются также ойконимы: например, д. Рассохи в Лужском поселении Ленинградской области; д. Россохи в Архангельской области.

На Вередке. Из возможных интерпретаций топоосновы могут быть следующие. Апеллятив встречается в говорах Новгородской области в форме *верётка* со значениями ‘маленький участок земли’ (*Марья-то*

⁶ План земельного надела крестьян в даче деревни Вылеги Коломенской волости Новгородской уезда, 1861 год // Государственный архив Новгородской области. Ф. 236 (Новгородская губернская чертежная). Оп. 7. Д. 41. Л. 1.2.

косила на верётке), ‘возвышение среди болота’ (Мы собирали в болоте клюкву, а на верётке нашли много подгребов), ‘лес на возвышенном месте’ (Настюшка за грибами на Верётку ушёдцы, место тако есть, хребтинка така) [НОС, с. 98]. Термин мог быть и производным от *верётея* ‘возвышенное сухое место на низменности: среди болот и сырых мест в лесу, на берегу реки’ [СРНГ-4, с. 138]. От этого термина образовано большое гнездо топонимов: Веретейка встречается в Белоруссии (как деревня – в Минской, Витебской областях; как река – в Гродненской области) и в Полавском районе Новгородской области; село Веретея в Ярославской области; село Веретье в Рязанской и Воронежской областях; д. Веретье в Вологодской, Ленинградской, Псковской, Тверской, Ярославской областях.

Конец Лютика / в Лютике. Производными основами для микротопонима могут быть несколько терминов. Во-первых, компонент названия Конец может указывать на то, что *Лютиком* называлась дорога или ее часть: в XV–XVI вв. бытовали такие термины, как *лютчик*, *людчик*, *лющик* ‘дорога’ [СРЯ-8, с. 345]. Во-вторых, мотивировочной основой могла послужить и форма достаточно древнего славянского имени-прозвища *Лютик* < *Лютъ* [Зализняк, 2004, с. 340] < *лютити* ‘быть самонадеянно уверенным, самонадеянно говорить’, ‘шуметь, бушевать’; отсюда связь с *лютый* ‘злой, яростный’ [Кюршунова, 2010, с. 868]. Диминутивная форма прозвища *Лютик* зафиксирована в разных письменных источниках XVI в.: *Лютик*, крестьянин, 1545 г., Новгород; *Лютик* Иванович Крекшин, 1564 г.; Григорий *Лютиков*, псковский сведенец в Казани, 1565 г. [Веселовский, 1974, с. 189]; опричник Розвозов *Лютик* Чагодадев сын, который входил в Особый двор Ивана Грозного в 1573 г. [Станиславский, 2004, с. 65]. В дальнейшем прозвище *Лютик* послужило основой для производства фамилии: Федько *Лютиков*, Марко *Лютиков*, крестьяне Сакульского погоста Корельского уезда, 1568 [Кюршунова, 2010, с. 868].

Против Пересухи < *пересух* ‘отмель в малую воду’, пск., тверск. [СРНГ-26, с. 236]. Пожня упоминается в тексте писцовой книги два раза, один из них – за озером за Лунином, против *Пересухи* [НПК III, с. 451]. В Грузинском погосте находилось два озера – Лунино и Незнание, да и сама территория бывшего Грузинского погоста – болотистая. Данный термин обычно связан с обозначением водных объектов или мест, которые периодически пересыхают. В топонимии восточных славян такие названия часто относятся к ручьям или небольшим рекам, пересыхающим в определенное время года; болотам, которые могут высыхать; низинам, где периодически пропадает вода. Например, вблизи р. Оногры известны, к примеру, озера *Первая* и *Вторая Пересуха*,

которые «почти полностью обсыхают при малой воде» [Кабинина, 2009, с. 114]. В Холмогорском районе Архангельской области оз. Глубокое имеет второе название *Пересуха* [Летова, 1982, с. 39]. Академик И.И. Лепехин в 1768 г. записал, что «верстах в двух пониже Брусян впадает в Волгу небольшая речка Сухая Брусяна – от пересухи так называемая» [Цит. по: Виноградов, 2017, с. 25]. Термин иногда служил мотивировкой для наименования возникших на таких «пересушенных» местах поселений: например, в Курской и Орловской областях есть д. *Пересуха*. Таким образом, пожня *Против Пересухи* находилась вблизи водного места, имеющего свойство пересыхать.

Под Залазном < залаз ‘отверстие для влезания куда-либо’, ‘отверстие, окно в риге, через которое бросают снопы в ригу для сушки, лаз’, ‘зарубка, затес на дереве’, ‘обломанный или обрубленный ряд ветвей у верхушки ели для приметы места’ [СРНГ-10, с. 192]. Территория Водской пятины не знает ойконимов с данной топоосновой, и в сегодняшней топонимической системе Ленинградской и Новгородской областях нет названий, содержащих данный термин. Все же представляют интерес последние два значения этого термина. И.И. Муллонен приводит в пример такое выражение, как *делать залазь*, когда при первом посещении нового места человек угощал своего провожатого спиртным, а тот в ответ забирался на высокую ель и обрубал на ее вершине ветки, делая «залазь». В этом смысле термин *залазь* является русским эквивалентом карельского термина *karsikko*. В топонимии он распространен в северных и центральных районах Архангельской области, а также фиксируется в восточной Карелии – в Поморье и Пудожье: *Залазное озеро*, *Залазной мох*, *Залазная корга*, *Залазной мыс*, *Залазной остров*, *Залозное поле* и др. Данный термин *залазь* неизвестен русским говорам Карелии и пришел, по мнению И.И. Муллонен, с Востока, из архангельских земель, через Пудожский берег Онежского озера, а самым западным районом проникновения архангельского термина является, по-видимому, Заонежский полуостров, где обнаружено, по крайней мере, два топонима с этой основой: лес *Залазный бор* (д. Воробы) и небольшой островок *Залазник* (или *Залазный остров*) [Муллонен, 2014, с. 227].

Любопытно, что на территорию южной части Водской пятины, в Грузинский погост, термин *залазь* проник с севера как будто окказионально. Учитывая болотистую почву погоста и обильное количество пожен в этом погосте, пожня под Залазном, скорее всего, находилась на топком месте и даже, возможно, на берегу какого-то озера. Коллективная народная память не сберегла разъяснения происхождения именования, тем не менее в рамках функционального подхода к значимым деревьям возможно предположить, что подобным деревом могли обозначать

границу перехода от собственной, освоенной, местности к просторам открытого озера [Муллонен, 2014, с. 227]. К тому же и карельский термин *karsikko*, называющий приметные деревья с обрубленными особым образом ветвями или вершиной, соотносился в народной культуре с широкой функциональной парадигмой, когда люди помечали границы в том числе и рыбных тонь, и эти границы выступали знаками «обновления территории» и т.д. [Конкка, 2009, с. 32–38].

На Кирьеволочском песку < пбф. антроп. *Kirjava* + волок ‘участок суши между двумя судоходными реками, через который перетаскивали (волочили) суда’. Термин *песок* означает ‘побережье’. Кирьеволочский песок был, по всей видимости, не таким уж неприметным для Новгорода объектом. Он находился на берегу Ладожского озера, и на том месте располагалось 16 тонь. Из них были какие-то велиокняжеские, некоторые помещичьи и монастырские. Это свидетельствует о том, что экономические отношения по части рыболовства между Новгородом и Приневьем были довольно неплохие, поскольку на Кирьеволочский песок приезжали ловить рыбу не только «гороцкие люди» из Новгорода, но и «владычны повар», т.е. повар самого архиепископа Новгородского (владыки) [ПКВП, с. 11].

Это двухкомпонентное название содержит одно из древнейших прибалтийско-финских имен/прозвищ *Kirja(va)*, наряду с такими, как *Hima*, *Iha*, *Lempi*, *Kakki*, *Kaipa*, *Vihtu* и т.д. [Karlova, 2015, р. 148; Kepsu, 2015, р. 130]. Ойконим *Кирьявала/Кирьявала/Керьявала/Кирьявалы* < кар. *Kirjavala* встречается в документации XVII в. по Олонецкому уезду, а именно в Ведлозерье. Антропоним *Kirjava* восходит к кар. *kirjava* ~ *kirjavu* ‘пестрый; с пятнами другого цвета на основном фоне’, что в результате дало перенос ‘с веснушками или пятнами на лице’ [Захарова, 2020, с. 102]. Ср. с исчезнувшей деревней *Kirjavala* (сейчас – *Kirjavalan kanava*), Париッкала, Южная Карелия. При этом допускается, что часть карельских имен на *Kirj-* могут иметь греко-славянское происхождение: их источником является православно-карельское крестильное имя *Kirja*, которое пришло в финский язык через русский язык как вариация греческого имени *Kyrios* или *Kyriakos* [SPK, р. 163], т.е. Кирьян.

На Ригочине. Тоня находилась на территории Спасо-Городенского погоста Ореховского уезда. Ее примерное местоположение указано в районе города Ладоги (сейчас Старая Ладога). Наряду с тонями *Подмогилицы*, *Скудельнич*, *Огородок*, тоня *На Ригочине* относилась к двум деревням – Озерца и Сюрья. Последняя существует и поныне. Топонимика *Rigoch-*, скорее всего, связана с термином *rigacha*, *rigocha* ‘рига’, ‘сарай для сушки и обмолота снопов’ [СРЯ-22, с. 161]. Названия

с данной топоосновой отсутствуют в Ленинградской области, а в Карелии представлены исключительно гидронимами: оз. *Ригочное* ($62^{\circ}55' 35^{\circ}32'$), что восточнее оз. Шиженского, и озера *Ригочные* ($65^{\circ}52' 34^{\circ}26'$) в среднем течении р. Кятка.

Интересна структурно-семантическая форма микротопонимов, выступающих в функции прямых номинаций угодий.

Скудельница < скудельница ‘кладбище, общее место погребения’; ‘общая могила, во время мора, или общая могила погибших, по какому-либо несчастному случаю, или общая могила вне святой земли (вне кладбища), где погребают самоубийц, опойц, утопленников, поднятые трупы странников и пр.’ [Даль, 2006, с. 215]. Название тони может быть мотивировано рядом располагавшимся кладбищем, учитывая, что недалеко находилась тоня *Подмогилици*. Кстати, обе тони входили в ведение деревень Озерца и Сюрья.

Само слово скудельница является библейизмом. Из Евангелия известна так называемая Акелдама, или Земля Крови, Земля Горшечника (церк.-слав. село *Скудельниче*). Это участок земли в Иерусалиме, купленный для погребения странников на деньги, полученные Иудой Искариотом от первосвященников за предательство Иисуса Христа. Почва на этом участке насыщена жирной глиной, которая в прошлом использовалась гончарами (скудель ‘глиняный сосуд, горшок’ > скудельник ‘горшечник, гончар’). Действительно, изначально в старину скудельницами назывались места, богатые глиной и к посевам не пригодные. Когда глину всю выбирали, место отдавали под погребение странников, нищих, ино-родцев и умерших в эпидемиях. С тех пор скудельницей на Руси стали называть любо место для погребения (подробнее см. [Сорокин, 2015]). Село *Скудельниче* – пожалуй, единственный ойконим с таким апеллятивом, запечатленный в тексте Нового Завета и известный нам с древнейших времен.

Коловая < кол ‘палка, жердь определенной длины, употребляемая для измерения земельных участков (при разделе земли)’ («Каждая пожня... разбивается на десять частей... через кол»); ‘земельная мера (при разделе пахотной земли, сенокосных угодий и т.д.)’; ‘земельный надел; определенное количество пахотной земли, луга, покоса’ [СРНГ-14, с. 109]. В одной из купчей 1460–1470-х гг. зафиксировано такое выражение, как «коловая пожня»⁷. Одна из 14 десятин новгородской земли называлась *Коловая*, южная граница которой проходила по р. Ояти, охватывая территорию нижнего и среднего течения рек Ояти и Свири и олонецкие

⁷ Санкт-Петербургский институт истории РАН. Русская секция. Коллекция 12. Оп. 1. Д. 192.

земли. В сущности мотивировка микротопонима очевидна: пожня получила свое название по самой процедуре измерения земельных участков между владельцами, таким образом, были указаны границы угодий.

Дорница < *дор* ‘вновь расчищенное место под сенокос или под пашню’ [СРНГ-8, с. 359]; ‘дер, роспашь, росчисть, расчистка, починок, чащоба, подсека, кулига, драки, пожога’ [Даль, 2006, с. 530]. В Архангельской и Вологодской областях дором называют новое селение на чистом возвышенном месте. Отсюда же и топонимия – *Аникин Дор*, *Собакин Дор*, *Амелин Дор*, *Карасин Дор* на Вологодчине [СРНГ-8, с. 359]. Суффиксация через *-ниц* конкретизирует само место, где должна быть произведена расчистка, или место, пригодное/предназначенное для проведения такой роспаши – ‘место для дора’. Ср. с *гробница* ‘место для гроба’, *звонница* ‘место для колокольного звона’; *глазница* ‘место для глаза’; *чернильница* ‘сосуд для чернил’ и т.д. Таким образом, пожня могли назвать так и даже до того, как на ней был произведен дёр.

Теребышево < *теребить* ‘расчищать землю под пашню или покос’ [СРНГ-44, с. 67]; *тёреб* ‘расчищенная из-под мелкого кустарника под пожню земля’, арх. [Подвысоцкий, 1895, с. 172]. Данная топооснова широко отложилась в топонимии Русского Северо-Запада (как и на Русском Севере, в Поочье, на Украине и в других регионах), маркирующей участки подсечного земледелия; большинство топонимии на *Тереб* имеет прямое отношение к участкам «теребления»: *Теребышино* 1575, Опоцкий погост Шелонской пятини; *Теребушино* 1498, Паозерье; *Теребешево* 1495, Холовский погост Деревской пятини [Васильев, 2012, с. 276]. Интерпретация данной топоосновы двусмысленна. В.Л. Васильев полагает, что, с одной стороны, в славянском ономастиконе до сих пор бытуют личные имена с основой **terb-* и с *-ш-*-суффиксацией (польск. *Trzebosz*, полаб.-помор. *Trebus*, *Trébiš*, н.-луж. *Trěbos*, *Trěbus*), однако суффиксация *-уш-*, *-ыш-*, *-ош-* у восточных славян «часто характеризует бесспорно деапеллятивные топонимы» [Там же]. И.А. Кюршунова склонна считать, что при имеющемся «подсечно-огневом» значении основы *теребить* нельзя отрицать и ее деантропонимное происхождение. В писцовой документации по Обонежской пятине зафиксированы Фетка *Теребов* и Гришка *Теребов*, что может быть связано с происхождение от основы *теребить* ‘наказывая, бить, ругать’, при этом следует учесть и значение глагола *теребёнить* ‘беспокоить постоянно просьбами, требованиями’. Все эти значения, правда, бытуют в Медвежьегорском и Пудожском районах Карелии [Кюршунова, 2010, с. 1478].

Подосье < ‘под’ + *оса* ‘осина’; от апеллятива образовалось собир. осёье ‘осиновый лес, осинник’, распространенное в новгородских, псковских, смоленских говорах [СРНГ-24, с. 101; НОС, с. 747]. В Гдовском

и Дновском районах Псковской области есть д. *Подосье*. Ср. с д. *Подосьё* Псковского района Псковской области. В новгородской письменности XV–XVI вв. подобные названия, мотивированные апеллятивом *оса*, – довольно частое явление: *Заосье*, *Подосье*, *Подозье* (= *Подосье*) [Васильев, 2012, с. 455].

Глажево < глајжí ‘растение морошка’, новг. [НОС, с. 162]; ‘морошковый кустарник; место по мшарнику, богатое морошкой’ [Даль, 2006, с. 409]. Отсюда же глајжéвник (глајшíвник, глајшóвник), глајсан ‘заросли морошки’; глајшéвник ‘болотистое место’ [Там же] – ср. с болотом *Большой Глајшевник*, Боровичский район Новгородской области ($58^{\circ}59' 34^{\circ}05'$). В Чудовском районе довольно много топонимии с данной основой: урочище *Глајшевик*, левый берег р. Керести ($58^{\circ}57' 31^{\circ}18'$); болото *Глајшевик*, правобережье ручья Спасский ($59^{\circ}00' 32^{\circ}27'$); урочище *Глајшевник*, междуречье рек Шульга и Близнея ($57^{\circ}11' 30^{\circ}59'$); урочище *Глајшевицкое*, между рек Ланошенка и Черная ($58^{\circ}50' 32^{\circ}25'$). В Ленинградской области топооснова распространена только в Киришском районе в Приволховье, где отмечаются *Глајшево* как деревня ($59^{\circ}40.5' 32^{\circ}07.1'$) и поселок ($59^{\circ}39.1' 32^{\circ}06.9'$) в пределах одного сельского поселения, а также одноименное болото *Глајшевское* ($59^{\circ}42.5' 32^{\circ}07.1'$), находящееся к северу от деревни. Обращает внимание то, что названия на *Глајш-* закреплены в большинстве своем за урочищами и болотами.

Ключеватка. Данный термин отсутствует в говорах Ленинградской области и сопредельных областей. В Архангельской области *ключеватым* называется кочковатое место. В районе села Кянда в Онежском районе Архангельской области некое болотистое место носит название *Ключеватка* [Жигальцова, Бодэ, 2023, с. 29]. В говорах Кировской области есть географический термин *ключеватка* ‘клоковатое место на покосе’ [СРНГ-13, с. 306]. Инверсионный индекс к «Словарю русских народных говоров» содержит ряд слов с аналогичной структурой: *ключеватка*, *песковатка*, *игловатка*, *кормоватка*, *носоватка* и др. В северорусской микротопонимике наименования с суффиксами *-оватка/-еватка* встречаются довольно часто [Рудных, 1967, с. 40]. Н.М. Тупиков ошибочно отнес название этой пожни к деантропонимным, решив, что оно образовано от личного имени *Ключеваток*, неверно интерпретировав запись в писцовой книге «в Грузинском погосте пожня Сидора Лашина *Ключеватка*» [Тупиков, 1903, с. 182].

За рамками настоящей статьи осталось немало выявленных микротопонимов, которые, безусловно, также требуют своего анализа, однако ввиду ограниченного объема исследования эти названия составят предмет отдельного рассмотрения.

Проведенное исследование микротопонимии Новгородских писцовых книг позволяет выделить несколько основных лексико-тематических групп, каждая из которых отражает определенный аспект восприятия и освоения пространства средневековым населением региона.

Физико-географическая группа является наиболее репрезентативной и демонстрирует тщательность наблюдения за особенностями ландшафта. Это свидетельствует о приоритетности природно-географических факторов в процессе номинации малых объектов. Хозяйственно-производственная группа микротопонимов непосредственно связана с экономической деятельностью и указывает на доминирование подсечно-огневого земледелия в комплексе с различными промыслами. Деантропонимные наименования занимают значительное место в системе и отражают важность закрепления имущественных прав в средневековой системе землепользования. Особую лингвистическую ценность представляют иноязычные микротопонимы, демонстрирующие сложные процессы языкового взаимодействия на территории Новгородской земли. Локативная группа микротопонимов представляет интерес с точки зрения изучения когнитивных моделей пространственной ориентации в традиционной культуре.

Выводы

Комплексный анализ микротопонимического корпуса средневековой Водской пятины раскрывает фундаментальные закономерности формирования и функционирования локальных топонимических систем в контексте социально-экономических и этнокультурных процессов позднего средневековья. Выявленная территориальная дифференциация микротопонимов с концентрацией агроонимов в Грузинском погосте и промысловых названий в Спасо-Городенском детерминируется не только природно-географическими условиями, но и механизмами фискального контроля московской администрации, что позволяет реконструировать иерархию экономических приоритетов государственной политики в новгородских землях.

Структурно-деривационный анализ демонстрирует преобладание однословных номинаций (82%) над составными формами, что маркирует стадиальные особенности топонимообразования и отражает принципы номинативной экономии в условиях локального языкового сообщества. Выявленная система топонимических эквивалентов представляет уникальный материал для изучения процессов ономастической транзации – перехода от описательных конструкций к собственно именным формам, фиксируя незавершенные стадии топонимизации.

Этнолингвистическая стратификация корпуса обнаруживает сложную структуру, где прибалтийско-финский субстрат взаимодействует с древнерусскими инновациями, создавая гибридные номинативные модели. Это свидетельствует о продолжительных ассимиляционных процессах в зоне славяно-финского этнокультурного пограничья.

Идентификация архаичных географических терминов (*рель, залазь, теребь, дор*) расширяет представления о диалектной лексике древне-новгородского региона и позволяет верифицировать ареальные характеристики северорусских говоров.

Когнитивно-пространственный анализ локативных конструкций раскрывает ментальные модели ориентации, базирующиеся на гидроцентрической системе координат с иерархической градацией объектов от макро- к микроуровню. Выявленные принципы топонимической локализации (*на усть Керести, над Веткою на бротку, за озером за Лунином, против Пересухи*) демонстрируют высокую степень детализации пространственных отношений и свидетельствуют о развитости геопространственного мышления средневекового населения.

Заключение

Микротопонимическая система Водской пятины конца XV в. представляет собой уникальный лингвистический источник, кодирующий комплексную информацию о хозяйственном освоении территории, этноязыковых контактах и когнитивных моделях пространственного восприятия, что определяет ее исключительную ценность для исторической ономастики и культурной антропологии. Выработанная методология комплексного анализа микротопонимических корпусов открывает новые исследовательские перспективы для изучения локальных топонимических систем средневековой Руси и может быть экстраполирована на материал других историко-географических регионов.

Библиографический список / References

Анкудинов, 2013 – Анкудинов И.Ю. Акты новгородского Вяжищского монастыря конца XV – начала XVII в. М., 2013. [Ankudinov I.Yu. Akty novgorodskogo Vyazhishchskogo monastyrja kontsa XV – nachala XVII v. [Acts of the Novgorod Vyazhishchsky monastery of the late 15th – early 17th centuries]. Moscow, 2013.]

Бакутов, 2017 – Бакутов В.А. Словарь микротопонимов окрестностей села Новые Параты Волжского района Республики Марий Эл // Науки о Земле: вчера, сегодня, завтра. 2017. С. 32–38. [Bakutov V.A. Dictionary of microtoponyms of the surroundings of the village Novye Paraty, Volzhsky district of the Republic of Mari El. Nauki o Zemle: vchera, segodnya, zavtra. 2017. Pp. 32–38. (In Rus.)]

Березович, 1997 – Березович Е.Л. Локальная топонимическая система: параметры и функционирование // Материалы для изучения селений России. Ч. II. М., 1997. [Berezovich E.L. Local toponymic system: Parameters and functioning. *Materialy dlya izucheniya seleniy Rossii. Part II.* Moscow, 1997. (In Rus.)]

Березович, 2003 – Березович Е.Л. Топонимическая этносемантика // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. М., 2003. С. 19–34. [Berezovich E.L. Toponymic ethnosemantics. *Slavyanskoe yazykoznanie. XIII Mezhdunarodnyy syezd slavistov.* Moscow, 2003. Pp. 19–34. (In Rus.)]

Васильев, 2005 – Васильев В.Л. Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). Великий Новгород, 2005. [Vasilyev V.L. Arkhaicheskaya toponimiya Novgorodskoy zemli (Drevneslavianskie deantroponymnye obrazovaniya) [Archaic toponymy of the Novgorod land (Ancient Slavic deanthroponymic formations)]. Velikiy Novgorod, 2005.]

Васильев, 2012 – Васильев В.Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М., 2012. [Vasilyev V.L. Slavyanskie toponimicheskie drevnosti Novgorodskoy zemli [Slavic toponymic antiquities of the Novgorod land]. Moscow, 2012.]

Васильева и др., 2000 – Словарь топонимов и микротопонимов Красноярского края / С.П. Васильева, Н.Н. Бебриш, Т.П. Жильцова и др. Красноярск, 2000. [Vasilyeva S.P., Bebrish N.N., Zhiltsova T.P. et al. Slovar toponimov i mikrotoponymov Krasnoyarskogo kraya [Dictionary of toponyms and microtoponyms of Krasnoyarsk region]. Krasnoyarsk, 2000.]

Верховых, 2018 – Верховых Л.Н. Микротопонимия села Абрамовка Таловского района Воронежской области // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 3. С. 223–241. [Verkhovyykh L.N. Microtoponymy of the village Abramovka in Talovsky district of Voronezh region. *Voprosy onomastiki.* 2018. Vol. 15. No. 3. Pp. 223–241. (In Rus.)]

Веселовский, 1974 – Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. [Veselovskiy S.B. Onomastikon. Drevnerusskie imena, prозвishcha i familii [Onomasticon. Old Russian names, nicknames and surnames]. Moscow, 1974.]

Виноградов, 2017 – Виноградов А.В. Аналитический обзор биогеографии континентальных водоемов Европы, нагорной и Центральной Азии // Научное обозрение. Биологические науки. 2017. № 2. С. 17–41. [Vinogradov A.V. Analytical review of biogeography of continental water bodies of Europe, highland and Central Asia. *Nauchnoe obozrenie. Biologicheskie nauki.* 2017. No. 2. Pp. 17–41. (In Rus.)]

Глинских, 1985 – Глинских Г.В. О расхождениях, наблюдаемых при записи топонимов от разных информантов // Топонимия Урала и Севера Европейской части СССР. Свердловск, 1985. С. 32–37. [Glinskikh G.V. On divergences observed when recording toponyms from different informants. *Toponimiya Urala i Severa Evropeyskoy chasti SSSR.* Sverdlovsk, 1985. Pp. 32–37. (In Rus.)]

Горожанкина, 1979 – Горожанкина Л.В. Проблемы динамики топонимической системы: дис. ... канд. филол. наук. Мн., 1979. [Gorozhankina L.V. Problemy dinamiki toponimicheskoy sistemy [Problems of dynamics of toponymic system]. PhD dis. Minsk, 1979.]

Даль, 2006 – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 2006. [Dal V.I. Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. In 4 vols. Moscow, 2006.]

Евсюков, 2019 – Евсюков Д.Е. Использование архивных источников при изучении микротопонимии локальных территорий (на примере села Огибного Чернянского района) // Белгородская черта: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Вып. 4. Белгород, 2019. С. 62–69. [Evsyukov D.E. Use of archival sources in the study of microtoponymy of local territories (on the example of the village Ogibnoye in Chernyansky district). *Belgorodskaya cherta: sbornik statey i materialov po istorii Belgorodskoy oboronitelnoy cherty*. Vol. 4. Belgorod, 2019. Pp. 62–69. (In Rus.)]

Жигальцова, Бодэ, 2023 – Жигальцова Т.В., Бодэ А.Б. Архитектурно-планировочная среда исторических поселений Кянда и Солозеро на побережье Белого моря. Традиции и трансформации // Academia. Архитектура и строительство. 2023. № 4. С. 26–36. [Zhigaltsova T.V., Bode A.B. Architectural and planning environment of historical settlements Kyanda and Solozero on the White Sea coast. Traditions and transformations. *Academia. Arkhitektura i stroitelstvo*. 2023. No. 4. Pp. 26–36. (In Rus.)]

Зализняк, 2004 – Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004. [Zaliznyak A.A. Drevnenovgorodskiy dialekt. 2-e izd., pererab. s uchetom materiala nakhodok 1995–2003 gg. [Old Novgorod dialect. 2nd ed., revised taking into account the material of finds from 1995–2003]. Moscow, 2004.]

Захарова, 2020 – Захарова Е.В. Становление официальной системы ойконимов Ведлозерья по данным письменных источников // Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «Бубриховские чтения: задокументированное народное слово» (Петрозаводск, 27–28 октября 2020 г.). Петрозаводск, 2020. С. 101–104. [Zakharova E.V. Formation of the official system of oikonyms of Vedlozero area according to written sources. *Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Bubrikhovskie chteniya: zadokumentirovannoe narodnoe slovo»* (Petrozavodsk, 27–28 oktyabrya 2020 g.). Petrozavodsk, 2020. Pp. 101–104. (In Rus.)]

Кабинина, 2009 – Кабинина Н.В. Топонимические реликты нижнего Подвина (Лодьма, Оногра, Соломбала) // Вопросы языкоznания. 2009. № 1. С. 111–117. [Kabinina N.V. Toponymic relics of the lower Podvinye (Lodma, Onogra, Solombala). *Voprosy yazykoznaniya*. 2009. No. 1. Pp. 111–117. (In Rus.)]

Карпенко, 1967 – Карпенко Ю.А. Свойства и источники микротопонимии // Микротопонимия. М., 1967. С. 15–23. [Karpenko Yu.A. Properties and sources of microtoponymy. *Mikrotoponimiya*. Moscow, 1967. Pp. 15–23. (In Rus.)]

Кириллова, 2002 – Кириллова Л.Е. Микротопонимия бассейна Кильмези. Ижевск, 2002. [Kirillova L.E. Mikrotoponimiya basseyna Kil'mezi [Microtoponymy of the Kilmез basin]. Izhevsk, 2002.]

Климкова, 2006 – Климкова Л.А. Микротопонимический словарь Нижегородской области (Окско-Волжско-Сурское междуречье): в 3 ч. Арзамас, 2006. [Klimkova L.A. Mikrotoponimicheskiy slovar Nizhegorodskoy oblasti (Oksko-Volzhsko-Surskoe mezhdureche) [Microtoponymic dictionary of Nizhny Novgorod region (Oka-Volga-Sura interfluve)]. In 3 parts. Arzamas, 2006.]

Климкова, 2007 – Климкова Л.А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира. Арзамас, 2007. [Klimkova L.A. Nizhegorodskaya mikrotoponimiya v yazykovoy kartine mira [Nizhny Novgorod microtoponymy in the linguistic picture of the world]. Arzamas, 2007.]

Ковалев, 2007 – Ковалев Г.Ф. Микротопонимия Воронежской области. Словарь. Т. 1. Воронеж, 2007. [Kovalev G.F. Mikrotoponimiya Voronezhskoy oblasti. Slovar [Microtoponymy of Voronezh region. Dictionary]. Vol. 1. Voronezh, 2007.]

Конкка, 2009 – Конкка А.П. «Карсикко» в обрядах и представлениях финно-угорского населения Северной Европы // Традиционная культура. 2009. № 3. С. 32–38. [Konkka A.P. “Karsikko” in rituals and representations of the Finno-Ugric population of Northern Europe. *Traditsionnaya kultura*. 2009. No. 3. Pp. 32–38. (In Rus.)]

Кузнецова, 2003 – Кузнецова Н.А. Словарь микротопонимов Пензенской области. Пенза, 2003. [Kuznetsova N.A. Slovar mikrotoponymov Penzenskoy oblasti [Dictionary of microtoponyms of Penza region]. Penza, 2003.]

Кюршунова, 2010 – Кюршунова И.А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб., 2010. [Kyrshunova I.A. Slovar nekalendarnykh lichnykh imen, prозвishch i familnykh prозвaniy Severo-Zapadnoy Rusi XV–XVII vv. [Dictionary of non-calendar personal names, nicknames and family nicknames of Northwestern Rus of the 15th–17th centuries]. St. Petersburg, 2010.]

Леонтьев, Фомин, 2024 – Леонтьев Д.Э., Фомин Э.В. О словаре чувашских микротопонимов // Этническая культура. 2024. Т. 6. № 1. С. 20–24. [Leontyev D.E., Fomin E.V. On the dictionary of Chuvash microtoponyms. *Etnicheskaya kultura*. 2024. Vol. 6. No. 1. Pp. 20–24. (In Rus.)]

Летникова, Тимошкова, 2016 – Летникова О.А., Тимошкова А.Д. Значение микротопонимов в формировании топонимического ландшафта Хотимского района // X Машеровские чтения: материалы Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 20–21 октября 2016 г. Витебск, 2016. С. 65–66. [Letnikova O.A., Timoshkova A.D. The significance of microtoponyms in the formation of the toponymic landscape of Khotimsk district. X Masherovskie chteniya: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh, Vitebsk, 20–21 Oktyabrya 2016 g. Vitebsk, 2016. Pp. 65–66. (In Rus.)]

Летова, 1982 – Летова И.А. О следах языческих представлений в русской топонимии (к постановке вопроса) // Вопросы ономастики. 1982. Вып. 15. С. 32–44. [Letova I.A. On traces of pagan representations in Russian toponymy (towards the formulation of the question). *Voprosy onomastiki*. 1982. Vol. 15. Pp. 32–44. (In Rus.)]

Михайлова, 2016 – Михайлова И.Б. Поместные земли и формирование новой категории служилого населения на Руси XIV – первой половины XVI в // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность. СПб., 2016. С. 33–39. [Mikhaylova I.B. Pomestnye lands and the formation of a new category of service population in Rus of the 14th – first half of the 16th century. *Materialnyy faktor i predprinimatelstvo v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost*. St. Petersburg, 2016. Pp. 33–39. (In Rus.)]

Муллонен, 2014 – Муллонен И.И. Заонежье на топонимической карте российского Северо-Запада // Церковь Преображения Господня на острове Кизи: 300 лет на заонежской земле. Петрозаводск, 2014. С. 221–228. [Mullonen I.I. Zaonezhye on the toponymic map of the Russian Northwest. *Tserkov Preobrazheniya Gospodnya na ostrove Kizhi: 300 let na zaonezhskoy zemle*. Petrozavodsk, 2014. Pp. 221–228. (In Rus.)]

Муллонен, 2023 – Муллонен И.И. «Финско»-саамское половодье в топонимии Карелии и Русского Севера // Вопросы ономастики. 2023. Т. 20. № 3. С. 31–48. [Mullonen I.I. “Finnish”-Sami flood in the toponymy of Karelia and the Russian North. *Voprosy onomastiki*. 2023. Vol. 20. No. 3. Pp. 31–48. (In Rus.)]

Мурзаев, 1984 – Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. [Murzaev E.M. Slovar narodnykh geograficheskikh terminov [Dictionary of folk geographical terms]. Moscow, 1984.]

Николаев, Герд, 2015 – Николаев И.С., Герд А.С. Словарь топонимии и микротопонимии Ингерманландии // Севернорусские говоры. 2015. № 14. С. 112–119. [Nikolaev I.S., Gerd A.S. Dictionary of toponymy and microtoponymy of Ingermanland. *Severnoruskie govory*. 2015. No. 14. Pp. 112–119. (In Rus.)]

Никонов, 1965 – Никонов В.А. Введение в топонимику. М., 1965. [Nikonov V.A. *Vvedenie v toponimiku* [Introduction to toponymy]. Moscow, 1965.]

НОС – Новгородский областной словарь / изд. подгот. А.Н. Левичкин, С.А. Мызников. СПб., 2010. [Novgorodskiy oblastnoy slovar [Novgorod regional dictionary]. A.N. Levichkin, S.A. Myznikov (eds.). St. Petersburg, 2010.]

НПК III – Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. Т. III: Переписная оброчная книга Вотской пятини, 1500 г. 1 половина. СПб., 1868. [Novgorodskie pistsovye knigi, izdannye Arkheograficheskoy komissiey. [Novgorod cadastral books published by the Archaeographic Commission]. Vol. III: Census tax book of Votskaya pyatina, 1500. 1st half. St. Petersburg, 1868.]

ПКВП – Писцовые книги Вотской пятини 7090 и 7091 годов // Временник Московского (Императорского) Общества Истории и Древностей Российских. Кн. 6. М., 1840. С. 149–182. [Cadastral books of Votskaya pyatina of 7090 and 7091 years. *Vremennik Moskovskogo (Imperatorskogo) Obshchestva Istorii i Drevnostey Rossiyskikh*. Vol. 6. Moscow, 1840. Pp. 149–182. (In Rus.)]

ПКНЗ – Писцовые книги Новгородской земли. Т. 1: Новгородские писцовые книги 1490-х гг. и отписные и оброчные книги пригородных пожен Новгородского дворца 1530-х гг. / сост. К.В. Баранов. М., 1999. [Pistsovye knigi Novgorodskoy zemli [Cadastral books of Novgorod land]. Vol. 1: Novgorod cadastral books of the 1490s and confiscation and tax books of suburban hayfields of the Novgorod palace of the 1530s. K.V. Baranov (comp.). Moscow, 1999.]

Подвысоцкий, 1895 – Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1895. [Podvysotskiy A. Slovar oblastnogo arkhangelskogo narechiya v ego bytovom i etnograficheskem primenenii [Dictionary of regional Arkhangelsk dialect in its everyday and ethnographic application]. St. Petersburg, 1895.]

Подольская, 1988 – Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1988. [Podolskaya N.V. Slovar russkoy onomasticheskoy terminologii [Dictionary of Russian onomastic terminology]. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow, 1988.]

Попов, 1965 – Попов А.И. Географические названия (введение в топонимику). Л., 1965. [Popov A.I. Geograficheskie nazvaniya (vvedenie v toponimiku) [Geographical names (introduction to toponymy)]. Leningrad, 1965.]

Рудных, 1967 – Рудных Е.И. Типы аффиксаций в микротопонимике Устьянского района Архангельской области // Вопросы топономастики. 1967. Вып. 3.

С. 35–47. [Rudnykh E.I. Types of affixation in microtoponymy of Ustyansky district of Arkhangelsk region. *Voprosy toponomastiki*. 1967. Vol. 3. Pp. 35–47. (In Rus.)]

Сергий, 1905 – Сергий А. Черты церковно-приходского и монастырского быта в писцовой книге Водской пятины 1500 года (в связи с общими условиями жизни). СПб., 1905. [Sergiy A. Cherty tserkovno-prikhodskogo i monastyrskogo byta v pistsovoy knige Vodskoy pyatiny 1500 goda (v svyazi s obshchimi usloviyami zhizni) [Features of parish and monastic life in the cadastral book of Vodskaya pyatina of 1500 (in connection with general living conditions)]. St. Petersburg, 1905.]

Сорокин, 2015 – Сорокин А.Н. Скуденьцы древнего Новгорода (к вопросу об особенностях древнерусского погребального обряда в чрезвычайных ситуациях) // Исторические исследования. 2015. № 3. С. 236–262. [Sorokin A.N. Skudelnitsas of ancient Novgorod (on the question of the features of the ancient Russian funeral rite in emergency situations). *History Studies*. 2015. No. 3. Pp. 236–262. (In Rus.)]

Срезневский, 1903 – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3: Р–в и дополнения. СПб., 1903. [Sreznevskiy I.I. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pismennym pamyatnikam [Materials for the dictionary of the Old Russian language based on written monuments]. Vol. 3. St. Petersburg, 1903.]

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. М.; Л.; СПб., 1965–2021. Вып. 1–52. [Slovar russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. F.P. Filin, F.P. Sorokoletov, S.A. Myznikov (eds.). Moscow; Leningrad; St. Petersburg, 1965–2021. Vol. 1–52.]

СРЯ-8 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8: Крада – Ляшина. М., 1981. [Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of Russian language of the 11th–17th centuries]. Issue 8. Moscow, 1981.]

СРЯ-22 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22: Раскидатися – Рященко. М., 1997. [Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of Russian language of the 11th–17th centuries]. Issue 22. Moscow, 1997.]

Станиславский, 2004 – Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. [Stanislavskiy A.L. Trudy po istorii gosudareva dvora v Rossii XVI–XVII vekov [Works on the history of the sovereign's court in Russia of the 16th–17th centuries]. Moscow, 2004.]

Съянова, 2018 – Съянова Е.И. Опыт словаря микротопонимов Борисоглебского городского округа // Педагогическое регионоведение. 2018. № 3. С. 45–56. [Syanova E.I. Experience of a dictionary of microtoponyms of Borisoglebsk urban district. *Pedagogicheskoe regionovedenie*. 2018. No. 3. Pp. 45–56. (In Rus.)]

Тупиков, 1903 – Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903. [Tupikov N.M. Slovar drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen [Dictionary of Old Russian personal proper names]. St. Petersburg, 1903.]

Щеулина, 2007–2008 – Щеулина Г.Л. Словарь микротопонимов Липецкого края. Липецк, 2007–2008. [Shcheulina G.L. Slovar mikrotopynimov Lipetskogo kraya [Dictionary of microtoponyms of Lipetsk region]. Lipetsk, 2007–2008.]

Ященко, 1977 – Ященко А.И. Лингвистический анализ микротопонимов определенного региона. Вологда, 1977. [Yashchenko A.I. Lingvisticheskiy analiz mikrotopynimov opredelennogo regiona [Linguistic analysis of microtoponyms of a specific region]. Vologda, 1977.]

Karlova, 2015 – Karlova O. Omaperäisten henkilönnimien säilyminenlisänimissä jasukunimissä (Savo, Karjala ja Vepsä). *Õdagumeresuumlaisi nimeq. Läänenmeresoomlaste nimed*. Võro, 2015. Pp. 139–164.

Kepsu, 2015 – Kepsu S. Esikristilliset henkilönnimet kylänimissä. *Õdagumeresuumlaisi nimeq. Läänenmeresoomlaste nimed*. Võro, 2015. Pp. 127–138.

SPK – Suomalainen paikannimikirja. Sirkka Paikkala (peatoim.). Helsinki, 2007.

Статья поступила в редакцию 21.03.2025

The article was received on 21.03.2025

Сведения об авторе / About the author

Дмитриев Александр Владиславович – кандидат филологических наук; доцент Высшей школы лингвистики и педагогики Гуманитарного института, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; старший научный сотрудник Отдела диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка, Институт лингвистических исследований Российской академии наук, г. Санкт-Петербург

Alexander V. Dmitriev – PhD in Linguistics; associate professor at the Higher School of Linguistics and Pedagogy, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; senior research fellow at the Department of Dialect Lexicography and Linguogeography of the Russian Language, Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3632-793X>

E-mail: avd84@list.ru

А.Д. Микулинский

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
603115 г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Модель анализа дискурсивных стратегий в устном комментировании

В статье обсуждаются принципы изучения дискурсивных стратегий и тактик комментаторов спортивных и киберспортивных состязаний. Автор подчеркивает факт малой изученности комментирования в киберспорте и поднимает проблему его специфики. Работа систематизирует теоретико-методологические сведения, которые в будущем позволят изучить эту специфику через сопоставление стратегий спортивных и киберспортивных комментаторов. Переход от коммуникативных стратегий к дискурсивным объясняется необходимостью основать анализ прямого информационного дискурса на достижениях структурного подхода. Когнитивная сложность условий комментирования – спонтанность, отсутствие обратной связи и дефицит времени – выводит на первый план вопросы отбора и оптимальной подачи сведений о состязании. В работе приводится модель анализа и два класса дискурсивных стратегий: основная (оптимальное информирование) и второстепенные (напр., самопрезентация). Выдвигаемая модель предполагает установление связи между особенностями структурных элементов дискурса (фрагментов, эпизодов, предложений и др.) и дискурсивными факторами (в частности, интенциями, знаниями и характеристиками ситуации).
Ключевые слова: дискурсивная стратегия, коммуникативная стратегия, комментирование, киберспорт, спорт, комментатор, дискурс-анализ, медиадискурс

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Микулинский А.Д. Модель анализа дискурсивных стратегий в устном комментировании // Рема. Rhema. 2025. № 3. С. 45–61.
DOI: 10.31862/2500-2953-2025-3-45-61

A. Mikulinskiy

HSE University,
Nizhny Novgorod, 603115, Russian Federation

The model of discursive strategies analysis in spoken commenting

The paper examines the principles of analyzing the discursive strategies and tactics of sports and e-sports casters'. The author highlights researchers' lack of attention to the e-sports commentary and raises the problem of its specificity. The article contains the systematized information required to study this specificity through further comparison of strategies of sports and e-sports commentators. The transition from the communicative strategies to the discursive ones demonstrates the necessity to build the analysis of the direct information discourse on the achievements of the structural approach. The issue of optimal information selection and organization become the center of attention in the case of spontaneous commenting which is carried out in cognitively difficult conditions. The paper as well presents the model of analysis and two classes of discursive strategies: main (optimal informing) and secondary (e.g. self-presenting). The proposed model assumes establishing of the relationship between the specificity of structural elements of discourse (fragments, episodes, sentences, etc.) and discursive factors (in particular, intentions, knowledge and situational characteristics).

Key words: discursive strategy, communicative strategy, commenting, commentator, e-sports, sports, discourse analysis, media discourse

FOR CITATION: Mikulinskiy A. The model of discursive strategies analysis in spoken commenting. *Rhema*. 2025. No. 3. Pp. 45–61. DOI: 10.31862/2500-2953-2025-3-45-61

1. Введение

С течением времени феномен киберспорта приобретает все большую важность в современных реалиях. Во многих странах, в том числе и в России, он уже долгое время обладает статусом официального вида спорта. Киберспорт трактуют как «соревновательную игру»

(“competitive gaming”) [Wagner, 2006, p. 437] или как «соревнования, которые проводятся в компьютерном виртуальном пространстве с помощью компьютерных технологий в игровых дисциплинах» [Богуславская и др., 2018, с. 104]. Большая составляющая киберспортивного дискурса, по аналогии с дискурсом спорта, включена в медийное пространство. Сведения о главных событиях киберспорта активно собираются разными людьми и отражаются в текстах Интернета [Викулов, 2017, с. 198].

Медийная природа спортивного и киберспортивного дискурсов формирует сходства в присущих им практиках. В обеих сферах активно ведут профессиональную деятельность комментаторы. Суть их работы состоит в привлечении внимания аудитории к просмотру соревнования. Для обозначения комментаторов киберспорта в статье используется термин «кастеры»¹. Как и ведущие спортивной трансляции, кастеры могут выступать в парах и делить между собой обязанности нарратора и аналитика [Ferguson, 1983, p. 155–156; Kempe-Cook et al., 2019, p. 6–8; Li et al., 2020, p. 1].

Традиционное спортивное комментирование – это спонтанный и творческий процесс, сочетающий в себе информирование и развлечение. Комментатор спорта обязан справиться со сложностью условий, чтобы создать текст, который удовлетворяет потребностям «усредненного» зрителя трансляции [Калиниченко, 2023, р. 5; Мальшева, 2011, с. 6–7]. Перед кастером стоит похожая задача, однако обстоятельства, в которых порождается текст, по всей видимости, отличаются в сторону более высокой сложности [Li et al., 2020, р. 17]. Это становится стимулом к системной организации различий между спортивным и киберспортивным комментированием².

В начале XXI в.³ зарегистрирован первый факт комментирования турниров в сфере Dota 2, одной из наиболее популярных киберспортивных дисциплин. В это же время в лингвистике продолжал развиваться дискурсивный подход. Проблема устройства комментирования в спорте по сей день успешно разрабатывается российскими лингвистами в рамках этого подхода [Панкратова, 2005; Снятков, 2008; Мальшева, 2011; Калашникова, Глушак, 2019; Калиниченко, 2023]. Но речетворчеству

¹ В отечественной традиции термин «кастер» чаще применяется для обозначения киберспортивных, но не спортивных комментаторов. Мы следуем тому же принципу.

² Все дальнейшие упоминания комментирования подразумевают его устную русскоязычную институциональную разновидность. Случай, когда подразумевается иная разновидность, сопровождается уточнениями.

³ Зайцев С. История Виталия “V1lat” Волочая – самого популярного русскоязычного дота-комментатора. Dota2.net, 2015. URL: <https://dota2.net/news/4448-istoriya-vitaliya-v1lat-volochaya--samogo-populyarnogo-russkoyazychnogo-dota-komentatora> (дата обращения: 27.04.2025).

кастеров, взятым в рамках дискурсивной парадигмы, уделяется мало внимания в научных трудах. Ученые изучают актуальность профессии и аспекты подготовки к ней [Суходимцев, 2016], а также дискурсивные маркеры в речи кастеров [Корсакова, 2018]. Зарубежные исследователи уделяют англоязычному киберспортивному комментарию чуть больше внимания, однако их труды носят больше социологический и технический, нежели лингвистический характер (см. [Rogers, 2019; Kempe-Cook et al., 2019; Li et al., 2020]). Многие из работ, посвященные киберспортивному комментарию, не отвечают требованиям научного знания. В это связи проблема научной дифференциации спортивного и киберспортивного комментария до сих пор остается нерешенной.

Для их разграничения требуется сформировать теоретико-методологическую рамку, соответствующую актуальной парадигме языкоznания. За основу предлагается взять понятие дискурсивной стратегии, которое позволяет сосредоточить внимание на структурно-содержательных и прагматико-когнитивных характеристиках общения.

В статье представлены принципы изучения дискурсивных стратегий и тактик комментирования, упакованные в модель анализа. В основном блоке статьи:

- 1) обсуждается необходимость отступления от термина «коммуникативная стратегия»;
- 2) даются определения дискурсивной стратегии и тактики;
- 3) представляются два класса и модель анализа дискурсивных стратегий в комментировании.

Главный частнонаучный метод исследования – дискурс-анализ – осуществляется в структурной и прагматико-когнитивной перспективах с опорой на классические труды, в том числе по тематике спортивного комментария [Grosz, Sidner, 1986; ван Дейк, 2000; Карасик, 2002; Макаров, 2003; Панкратова, 2005; Цурикова, 2007; Иссерс, 2008; Снятков, 2008; Кибрик, Подлесская, 2009; Li et al., 2020; Калиниченко, 2023]. В ходе разработки модели анализа стратегий применялся комплекс общенаучных методов (анализ, синтез, классификация, сравнение и др.), а также элементы интент-анализа и функционально-прагматического анализа.

Сведения о дискурсивной структуре киберспортивного комментария, представленные в основном блоке статьи, подкрепляются примерами из авторского структурно-дискурсивного корпуса комментариев к турнирам Dota 2 на русском языке (далее – СДККК-rus). В примерах поддерживается деление текста на элементарные дискурсивные единицы⁴,

⁴ В традиционной лингвистике для обозначения интонационно и предикативно автономных единиц в устном дискурсе обычно используется термин «синтагма».

предложения (см. [Кибрик, Подлесская и др., 2009]), фрагменты и эпизоды (см. [ван Дейк, 2000; Калиниченко, 2023]); также присутствует отображение пауз («…»), обрывов слов («==») и удлинений («а-а»). На данный момент СДККК-rus находится в разработке, в связи с чем количественные данные по примерам из корпуса в работе не приводятся.

2. Дискурсивные стратегии и тактики в контексте комментирования

2.1. Коммуникативная vs. дискурсивная стратегия

Рассмотрим предпосылки терминологического перехода от понятия «коммуникативная стратегия» к понятию «дискурсивная стратегия». По наблюдениям Е.А. Никоновой, в современных трудах по лингвистике «коммуникативное» и «дискурсивное» активно смешиваются [Никонова, 2023, с. 134]. Согласно одной из популярных трактовок, дискурс есть речь, погруженная в коммуникацию, социум, культуру [Арутюнова, 1990], которая представляется как когнитивный процесс и как продукт этого процесса – текст [Кибрик, 2003]. Коммуникативная стратегия – это центральный термин pragматики, перешедший в лингвистику дискурса в ходе сдвига научной парадигмы [Макаров, 2003, с. 122]. И поскольку в pragматике это понятие разработано довольно широко, вместе с его поглощением, дискурсивная лингвистика вбрала в себя и методологии, которые определяют подходы к анализу стратегий.

В известной работе О.С. Иссерс, на которой базируется большинство трудов по анализу стратегий, коммуникативные стратегии делятся на четыре функциональных подкласса. Когнитивные стратегии напрямую связаны с наиболее важными мотивами и целями личности, с воздействием на модель мира адресата. Вспомогательные (прагматические, диалоговые и риторические) стратегии помогают личности организовать эффективное взаимодействие, кооперацию и оказать воздействие на аудиторию [Иссерс, 2008, с. 106–108]. Компоненты коммуникативной стратегии – тактики и ходы – должны допускать вариативную интерпретацию. Анализ коммуникативных стратегий и тактик, ввиду рассмотрения бытовых диалогов, предполагает изучение перлокутивного компонента [Austin, 1962]. Особое внимание уделяется имплицитным способам воздействия и «программированию» собеседника. Схожая методология предлагается к использованию во множестве других работ по pragматике и теории дискурса из начала 2000-х гг. (см. [Сусов, 2006; Григорьева, 2007]).

Стремление ограничиться таким подходом к анализу особенностей организации комментирования вызывает ряд серьезных проблем.

Большая часть речевых действий комментаторов и кастеров не является предметом коммуникативной стратегии по определению, поскольку суждения о фактах не допускают различных интерпретаций. Из природы практики следует, что речь комментатора должна быть прямой, правдивой, а также ясной и понятной зрителю, обратная связь с которым часто отсутствует [Снятков, 2008, с. 13]. Сокрытие замысла и имплицитное воздействие – фокусы внимания классической прагматики – не входят в первостепенные задачи комментатора. Наконец, поскольку почти все речевые акты комментатора могут быть определены как информирующие, неясно, по какому принципу ходы должны объединяться в тактики, а также какие из действий комментаторов должны быть отнесены к вспомогательным коммуникативным стратегиям.

Становится очевидно, что классических методологий, построенных на понятии «коммуникативная стратегия», недостаточно для изучения ключевых особенностей комментирования. Обусловленный характер перехода к понятию «дискурсивная стратегия» демонстрирует исследование М.О. Калиниченко. Ученый аргументирует необходимость использования аппарата традиционной дискурсивной лингвистики для ответа на вопросы, которые на самом деле актуальны для спортивного комментария:

- 1) о чем должен говорить комментатор спорта;
- 2) как комментаторам удается создавать структурно и семантически связные тексты при заданной сложности условий;
- 3) как им удается кооперироваться для создания общего текста с сохранением его целостности [Калиниченко, 2023, с. 8].

Мы же продвигаем этот вопрос дальше и хотим в дальнейшем показать, что порождение киберспортивного комментария представляет собой еще более сложную когнитивную деятельность, освоение стратегий которой требует более глубокого и длительного процесса адаптации.

2.2. Дискурсивная стратегия и тактика

Под дискурсивной стратегией в контексте исследования понимается устоявшаяся и оптимальная программа осуществления речевых действий, подчиненная дискурсивным факторам (в первую очередь, мотивам и интенциям коллективной дискурсивной личности) [Цурикова, 2007, с. 101; Иссерс, 2008, с. 90; Синельникова, 2013, с. 43]. Понятие стратегии в любой его трактовке делает акцент на выборах личности [ван Дейк, 2000, с. 272], которые воплощаются в ее коммуникативном поведении. Все множество речевых выборов, которые предпочитает делать коллективная личность в заданных условиях коммуникации,

составляет дискурсивный стиль – языковое воплощение дискурсивной стратегии⁵ [Цурикова, 2007]. Анализ дискурсивных стратегий осуществляется индуктивно, через изучение составляющих их компонент – дискурсивных тактик.

Для обозначения характеристик дискурса (прагматико-когнитивных и других) [Там же, с. 101; Семенова, Корсунская, 2010, с. 29], которые лежат в механизмах дискурсивной стратегии, мы будем использовать термин «дискурсивные факторы» [Кибрик, 2003, с. 47]. Упорядочивание и описание дискурсивных факторов – трудоемкая задача, которой уделяется пристальное внимание в различных исследованиях [Карасик, 2002, с. 200–201; Макаров, 2003, с. 131–132; Григорьева, 2007, с. 52–71; Иссерс, 2008; Biber, Conrad, 2009, р. 40], в том числе в области спортивного комментария [Панкратова, 2005, с. 11; Снятков, 2008, с. 7]. Изложению факторов в киберспортивном комментарии, напротив, посвящены единичные социологические труды [Kempe-Cook et al., 2019; Li et al., 2020].

Для ясности приведем известные положения о взаимовлиянии дискурсивных факторов и их взаимосвязи со стратегиями и тактиками:

- 1) мотивы влияют на возникновение глобальных интенций;
- 2) глобальные интенции создают почву для возникновения примерных стратегических планов;
- 3) их воплощение подразумевает реализацию локальных интенций с учетом убеждений, установок и ценностей адресата; социокультурных – в том числе предметно-тематических и ситуационных – знаний; знаний о предстоящем событии и др. факторов;
- 4) в соответствии с локальными интенциями и данными факторами создаются фундаменты тактических планов;
- 5) их воплощение подразумевает осуществление речевых действий [Макаров, 2003, с. 123; Иссерс, 2008, с. 57, 93–96].

Планирование – неотъемлемая составляющая любой стратегии [Иссерс, 2008, с. 9; Морева, 2016, с. 9]. Обычная процедура планирования, при фиксированной основной линии поведения, начинается с размышлений о доступных тактиках (конечный выбор во многом зависит от сложившейся ситуации). Ввиду спонтанности и свободы практики на многоаспектное планирование в комментировании накладываются

⁵ В текущем исследовании дискурсивная стратегия рассматривается именно как колективная программа, т.е. как модель (конструкт), которая составляется через изучение и обобщение особенностей индивидуальных дискурсивных стратегий. В статье Л.В. Цуриковой, напротив, речь идет об индивидуальных стратегиях, и под стилем понимается совокупность рекуррентных языковых стратегий.

явные ограничения. Глубина планирования и качество реализации тактик во многом зависят от «погруженности» комментатора в концептосферу дискурса, в том числе от наполненности моделей ситуации, связанных с текущим соревнованием [ван Дейк, 2000; Снятков, 2008, с. 8]. Наполнение ситуационных моделей и усвоение необходимых смыслов, как известно, осуществляется в ходе культурной адаптации [Калиниченко, 2023, с. 42]. Для кастера адаптация предполагает участие в соревнованиях в качестве профессионального игрока, сопровождение игровых онлайн-трансляций речью, а также просмотр таких трансляций. Участие в этих активностях способствует получению представлений об игровых объектах и их типичных действиях, а также усвоению стратегий комментирования.

Относительная свобода комментирования формирует неисчислимое количество программ отбора, организации и подачи сведений, которыми могут пользоваться комментаторы, чтобы создать подходящий медиатекст. Очевидно, что каждый отдельный комментатор будет строить тексты по своим уникальным стратегиям, элементы которых пересекаются с элементами уникальных стратегий остальных комментаторов. Для исследователя здесь важно то, что среди всех способов достигнуть какую-либо цель имеются более рекуррентные (частотные) и, следовательно, более оптимальные с позиции адресата и адресанта [Цурикова, 2007, с. 102; Калиниченко, 2023, с. 8]. Коллективная личность аккумулирует такие способы в процессе адаптации, а исследователь может получить о них представление через количественные методы и выявление речевых паттернов в ее коммуникативном поведении.

Речевые паттерны – это повторяющиеся и значимые шаблоны в дискурсивной структуре [Мубаракшина, 2020, с. 44], которые объединяют какие-либо входящие в нее формы по достаточно широким основаниям (например, по функции, семантике и/или позиции). Для признания некоторого шаблона речевым паттерном, на наш взгляд, необходимо обнаружить его репрезентацию в текстах большинства комментаторов в выборке. Заметим, что для отдельного паттерна справедливо одно из следующих утверждений:

- 1) он относится только к одной тактике одной дискурсивной стратегии;
- 2) он относится к нескольким тактикам одной дискурсивной стратегии;
- 3) он относится к разным дискурсивным стратегиям.

Второй и третий случаи указывают на многофункциональный характер средств, тактически и стратегически используемых говорящими.

Подчеркнем, что элементы языка отдельно взятого комментатора имеют различное происхождение, обусловленное не только спецификой субкультурной адаптации, но и этапами социализации личности

в целом. Следовательно, элементы языка кастеров, характерные для участников других сообществ, равно как и для большинства носителей естественного языка, имеют меньшую исследовательскую ценность в сравнении со специфическими, классово-маркированными элементами [Labov, 1972; McMenamin, 2002, р. 9]. Этим подтверждается необходимость процедуры сравнения в исследовании новых разновидностей традиционных практик.

2.3. Классы дискурсивных стратегий. Схема анализа тактик

Подробнее остановимся на связи дискурсивной стратегии с целеполаганием и семантикой дискурса. Дискурс, как известно, имеет иерархическую структуру. По А.А. Кибрику, анализ устройства дискурса возможен на глобальном и локальном уровнях [Кибрик, Подлесская и др., 2009]. На глобальном уровне тексты дискурса состоят из фрагментов и эпизодов.

Дискурсивные фрагменты (микротексты) соответствуют локальным интенциям⁶ участника дискурсивной практики. Локальные (производные) интенции подчиняются глобальным (исходным) [Parisi, Castelfranchi, 1981], также см. [Кибрик, 2003, с. 36]. В данной методологии глобальные интенции связываются с дискурсивными стратегиями, а локальные – с тактиками. Фрагментация дискурса подчинена строгой методике, для которой четко очерчена совокупность моделей⁷ локальных интенций, образующих фрагменты.

Подавляющая часть тактических речевых действий комментаторов сводится к разным типам информирования. Примерами, в частности, являются рассказы о происходящем событии или участнике, а также сообщения с оценками действий или состояний игроков [Мальшева, 2011, с. 7; Калиниченко, 2023, с. 107–108]. Отсюда вытекает возможность фрагментации комментирования с опорой на модели интенций, которые относятся к информированию.

М. О. Калиниченко демонстрирует удобство и необходимость такого выбора. Согласно идеям ученого, при выделении фрагментов следует отталкиваться от главного локального намерения комментатора, которое формирует одноименный фрагмент, – «Ход соревнования»

⁶ Данное утверждение истинно только в отношении намерений, которые лежат в механизмах тактик основной стратегии (об основных и второстепенных стратегиях будет сказано далее).

⁷ Для нас существенно различие модели интенции и ее непосредственного воплощения. Теоретическая интенция как модель или поверхностный план фрагмента привязана ко всем экземплярам дискурсивного фрагмента, а практическая – к конкретному экземпляру фрагмента в речи говорящего.

[Калиниченко, 2023, с. 104]. Модель намерения, закрепляемую за этим фрагментом, можно в упрощенном виде представить так: «сообщать информацию о событиях, непосредственно связанных с происходящим здесь и сейчас». Остальные дискурсивные фрагменты – это отступления от главной темы [Там же, с. 105–116]. Примером такого отступления является фрагмент «Аналитика». Он образован следующей примерной моделью интенции: «сообщать оценки действий игроков, размышления о силах команд, возможные причины или исходы событий»⁸. Пример 1 из СДККК-rus демонстрирует переход от фрагмента «Аналитика» к фрагменту «Ход соревнования». Модель второстепенных фрагментов спортивного комментария из работы М.О. Калиниченко, которая включает шесть типов фрагментов, в текущий момент проходит процедуру уточнения и модификации для ее применения к текстам киберспортивного комментария.

(1) L-2: /аналитика\ Но-о Джеракс уже-э .. может убивать все три линии: .. у него имеется стан, также у него при= .. имеется скайленс, /ход соревнования\ но он немножечко ошибается, .. закидывает скайленс в клокверка, и клокверк пока живет, .. // Тe= телепортируется сюда Мадара, .. и начинают убивать Джеракса, Джеракса забрали, и Ад Финем .. возвращаются на легкую. ..

Глобальную структуру дискурса имеет смысл членить не только на фрагменты, но и на эпизоды. Дискурсивные эпизоды, как известно, соответствуют макропропозициям – последовательностям пропозиций, которые могут быть заключены в одну пропозицию [ван Дейк, 2000, с. 62]. Макропропозиции – это когнитивно обусловленное явление. Оно указывает на фокус внимания говорящего и подчеркивает специфику обработки дискурса слушающим [Grosz, Sidner, 1986, р. 175]. Отношения между эпизодами формируют когезию дискурса, т.е. его формально-грамматическую связность [Halliday, Hasan, 1976; Макаров, 2003. с. 124; Корсакова, 2018, с. 70].

Границы эпизодов не всегда совпадают с границами фрагментов, поскольку выделение эпизодов осуществляется на основе глобальной

⁸ Элементы оценки и прогноза часто проникают во фрагменты «Ход соревнования». Для фрагментов «Аналитика» характерна лишь относительная связь с настоящим моментом: комментаторы частично абстрагируются от происходящего на экране, концентрируясь на описании и объяснении увиденных событий, получении выводов и осуществлении прогнозов на базе этих выводов. В некоторых случаях границу между типами фрагментов бывает непросто определить. Это объясняется сложностью исследовательского объекта и ограничениями методики.

семантики, а не локальных интенций⁹. В примере (2а) из СДККК-rus ниже макропропозиция первого эпизода – «Саппорты [игроки] в центре», а второго – «Как дела у мидеров [игроков]» (граница эпизода обозначается знаком «//»). Оба эпизода целиком вписываются во фрагмент «Ход соревнования», поскольку информация, передаваемая кастером, относится к событиям настоящего момента. Контекст (2б) указывает на обратную ситуацию: в нем содержится два фрагмента (нarrативный и аналитический) и один эпизод с макропропозицией «Фейдед броуч [предмет] у команды».

- (2) а. A-1: /ход соревнования\ В центр перемещается тем временем саппорт, .. тут Флайсоло подтянулся, с другой стороны Джокэм, .. мидерам помогают, // Что у мидеров-то?, как дела у них? Однинадцать на ноль, .. вижу у пугны. У дес профит девять на ноль. Ну пока .. стоят на одном уровне, <...>
- б. D-7: /ход соревнования\ // Фейдед броуч появился у пла, / аналитика\ я бы на ее месте на самом деле .. || на их месте оставил бы либо лине либо ёрс спириту-у, .. для того чтобы они были более маневренные, <...>

Процедуру эпизодического деления киберспортивного комментария предлагается осуществлять с опорой на методику Т.А. ван Дейка, которая была приспособлена М.О. Калиниченко под дискурс спортивного комментария. В этом варианте методики для определения границ эпизодов используются маркеры смены эпизода. Они включают референциальный сдвиг, темпоральный и локативный сдвиги, призыв, возвращение к прерванному эпизоду и др. (всего 10 типов) [ван Дейк, 2000, с. 62–63; Калиниченко, 2023, с. 126–127]. Классификацию этих маркеров, вероятно, также предстоит дополнить и/или модифицировать.

К единицам локальной структуры дискурса относятся предложения, элементарные дискурсивные единицы, а также просодические, грамматические, лексические и другие явления. В потоке речи элементарные дискурсивные единицы выделяются согласно просодическим, когнитивному, физиологическому и лексико-синтаксическому критериям. Предложения представляют собой группы элементарных дискурсивных единиц. Определение границ этих групп также подчиняется особой методике. В частности, принято считать, что новый эпизод начинает новое предложение (подробнее о критериях выделения элементарных

⁹ Для большей ясности подчеркнем, что границе каждого эпизода (но не самому эпизоду) соответствует намерение «начать говорить о новой ситуации», возникающее из-за сдвига фокуса внимания (ср. начать говорить с новым намерением vs. иметь намерение начать говорить о новой ситуации).

дискурсивных единиц и предложений см.: [Кибрик, Подлесская и др., 2009, с. 55–64, 97–98]).

Теперь, с опорой на изложенное, мы можем представить основание для классификации стратегий. Основной дискурсивной стратегией мы предлагаем называть программу организации текстов комментирования, которая связывается с реализацией главной цели практики – оптимальным информированием зрителей. Данный статус стратегии подчеркивается ее первостепенным влиянием на структуру и семантику дискурса. Если полагать, что воплощением тактик основной дискурсивной стратегии являются дискурсивные фрагменты (микротексты), то мы получаем следующую важную триаду: «локальная интенция – тактика – фрагмент». Количественный анализ языковых особенностей (включая поиск паттернов) внутри фрагментов позволяет описать специфику тактик основной дискурсивной стратегии: время и место их реализации (размер и позиция фрагмента), количество и место фокуса внимания в ходе их реализации (особенности эпизодов в рамках фрагмента) и отдельные языковые средства, используемые для их реализации (типы предложений, элементарные дискурсивные единицы, классы лексики и др.). Интерпретация этих особенностей, помимо прочего, должна учитывать специфические дискурсивные факторы, которые накладывают ограничения на реализацию намерений.

Второстепенные дискурсивные стратегии, в свою очередь, связываются с другими, в том числе менее существенными намерениями. К второстепенным стратегиям, в частности, относятся самопрезентация, развлечение и создание «хайпа»¹⁰ (под «хайпом» в киберспортивных медиа понимается особое чувство важности и волнения относительно тех или иных событий [Kempe-Cook et al., 2019, р. 6]). Когда реализация какой-либо второстепенной дискурсивной стратегии оказывается для комментатора более значимой, чем информирование, имеет смысл говорить о нарушении медиа-агентом правил ведения официальной трансляции [Малышева, 2011]. В ходе изучения тактик второстепенных дискурсивных стратегий в комментировании, в связи с ограничениями методики, следует абстрагироваться от особенностей фрагментации дискурса говорящим¹¹. Доступным способом их изучения является разбор общего

¹⁰ На наш взгляд, создание «хайпа» в киберспортивном комментарии играет существенную роль для зрителей, поскольку напрямую влияет на их интерес к просмотру трансляции. Отнесение данной стратегии к второстепенным объясняется тем, что комментирование без «хайпа», в отличии от комментирования без информирования, теоретически возможно. Другими словами, создание «хайпа» накладывается на сообщение сведений о соревновательном событии.

¹¹ При желании исследователь может попытаться разработать методику фрагментации комментирования, основанную на одной из второстепенных глобальных интенций.

эпизодического устройства и анализ локальной структуры текста, направленный на поиск элементов дискурсивного стиля.

Наиболее многочисленными феноменами в любой речи будут такие единицы, которые выполняют в ней сразу множество функций и относятся как к основной, так и к второстепенным стратегиям. В киберспортивном комментарии нельзя не обратить внимание на регулярное использование кастерами англицизмов, без которых рассказ на тему событий соревнования (→ основная дискурсивная стратегия) был бы невозможен (ср. любой из ранних примеров). Многие из англицизмов – это классово-маркированные средства внутри локальных сообществ геймеров, в число которых входят сами кастеры. Наличие англицизмов в речи кастера обусловлено не только потребностью связать свою речь с событиями соревнования. Такие единицы подтверждают их отношение к субкультуре, а умение творческих использовать определяет репутацию кастера (→ дискурсивная стратегия самопрезентации) [Гриценко, Лалетина, 2024].

Таким образом, тактики основной и второстепенных дискурсивных стратегий могут быть кратко описаны согласно следующей схеме: «[локальная интенция] внутри [стратегии], подчиненная [дискурсивным факторам], реализация которой отражена в [особенностях текстов коллектива / дискурсивном стиле], в т.ч. [речевых паттернах]». Основное различие между процедурами анализа тактик основной и второстепенных дискурсивных стратегий состоит в том, что для первого случая такой анализ строится вокруг изучения особенностей типов фрагментов.

3. Обсуждение

Чтобы определить место выдвигаемой модели, кратко сопоставим ее с существующими моделями анализа стратегий. Во-первых, эта модель отличается от классических методик анализа спортивного комментария (О.С. Иссерс, И.П. Сусов, Е.Г. Малышева и др.) тем, что она предполагает установление специфики связи между структурными элементами текстов (фрагментами, эпизодами, предложениями, элементарными дискурсивными единицами и др.) и дискурсивными факторами. Данное обстоятельство позволяет использовать похожую модель в отношении любого прямого информационного дискурса. Во-вторых, предложенная модель развивает идеи Л.В. Цуриковой и методику из работы М.О. Калиниченко следующим образом:

- 1) дискурсивная стратегия рассматривается как коллективная программа;
- 2) в модель анализа добавляется дихотомия – основная vs. второстепенные дискурсивные стратегии;

3) дискурсивные фрагменты теперь ассоциируются с тактиками основной дискурсивной стратегии;

4) изучение тактик теперь предполагает количественный анализ языковых особенностей текстов коллектива (установление элементов дискурсивного стиля).

Главным ограничением модели является необходимость разработки отдельной классификации фрагментов и тактик для каждого типа информационного дискурса. Помимо прочего, для тактик второстепенных стратегий комментирования, ввиду отсутствия соответствующих им фрагментов в текстах, пока не предложены какие-либо обозначения. Мы надеемся, что в ходе доработки методологии эти вопросы удастся хотя бы частично разрешить.

4. Заключение

Заключим, что для анализа устройства комментирования в целом и установления различий между спортивным и киберспортивным комментарием в частности требуется вынужденное отступление от классических методов анализа стратегий. Прежде всего речь идет о добавлении в методику нового измерения, связанного с дискурсивной структурой. Ранее структура комментирования в спорте и киберспорте рассматривалась лишь локально и фрагментарно. Но благодаря новым методикам, разработанным на базе трудов в области классического дискурс-анализа, стало возможным ее подробное изучение, в том числе и на уровне выше предложения.

Перспективные направления для развития исследовательских идей, представленных в статье, состоят в описании конечных версий методик фрагментации и эпизодического деления текстов киберспортивного комментария, а также в проведении сопоставительного анализа дискурсивных факторов спортивного и киберспортивного комментариев. Ожидается, что результатом последней процедуры станет демонстрация более высокой когнитивной сложности киберспортивного комментария по сравнению со спортивным. После окончания разработки СДККК-rus станет возможным полноценное тестирование модели анализа стратегий на материале киберспортивного комментария и получение ответов на актуальные вопросы о его специфике.

Библиографический список / References

Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136–137. [Arutyunova N.D. Discourse. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar*. Moscow, 1990. Pp. 136–137. (In Rus.)]

Богуславская и др., 2018 – Лингвистическая репрезентация киберспортивного медиаобщества / В.В. Богуславская, А.О. Азизулова, Е.А. Будник, Л.В. Шарахина // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. № 4 (30). С. 104–111. [Boguslavskaya V.V., Azizulova A.O., Budnik E.A., Sharokhina L.V. Linguistic representation of the e-sports media community. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. 2018. No. 4 (30). Pp. 104–111. (In Rus.)]

ван Дейк, 2000 – ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск, 2000. [van Dijk T.A. Jazyk. Poznanie. Kommunikacija [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk, 2000.]

Викулов, 2017 – Викулов В.В. Журналистика в киберспорте // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 3. С. 198–201. [Vikulov V.V. Journalism in e-sports. *Vestnik TvGU Series: Philology*. 2017. No. 3. Pp. 198–201. (In Rus.)]

Григорьева, 2007 – Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты. Тамбов, 2007. [Grigoryeva V.S. Diskurs kak jelement kommunikativnogo processa: pragmalingvisticheskij i kognitivnyj aspekty [Discourse as an element of the communicative process: Pragmalinguistic and cognitive aspects]. Tambov, 2007.]

Гриценко, Лалетина, 2024 – Гриценко Е.С., Лалетина А.О. Английский язык как элемент локальных речевых практик внутригруппового общения в России // Филологические науки в МГИМО. 2024. № 10 (2). С. 154–165. [Gritsenko E.S., Laletina A.O. English as a ‘local’ language in Russia: The practice of meaning-making in in-group communication. *Linguistics & Polyglot Studies*. 2024. No. 10 (2). Pp. 154–165. (In Rus.)]

Иссерс, 2008 – Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М., 2008. [Issers O.S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. 5th ed. Moscow, 2008.]

Калашникова, 2019 – Калашникова Е.А., Глушак В.М. Фоностилистическая вариативность комментирования в немецком спортивном репортаже // Филологические науки в МГИМО. 2019. № 4 (20). С. 16–21. [Kalashnikova E.A., Glushak V.M. Phonostylistic variation of commentary in German sports reporting. *Linguistics & Polyglot Studies*. 2019. No. 4 (20). Pp. 16–21. (In Rus.)]

Калиниченко, 2023 – Калиниченко М.О. Дискурсивные стратегии спортивного комментирования: когезия и когерентность: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2023. [Kalinichenko M.O. Diskursivnye strategii sportivnogo kommentirovaniya: kogezija i kogerentnost [Discursive strategies of sports commenting: Cohesion and coherence]. PhD dis. Ekaterinburg, 2023.]

Карасик, 2002 – Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. [Karasik V.I. Jazykovoj krug: lichnost, koncepty, diskurs [Language circle: Person, concepts, discourse]. Volgograd, 2002.]

Кибрик, 2003 – Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. [Kibrik A.A. Analiz diskursa v kognitivnoj perspektive [Discourse analysis in cognitive perspective]. PhD dis. Moscow, 2003.]

Кибрик и др., 2009 – Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование русского дискурса / А.А. Кибрик и др. М., 2009. [Kibrik A.A. et al. Rasskazy o snovideniyakh: Korpusnoe issledovanie russkogo diskursa [Stories about dreams: A corpus study of russian discourse]. Moscow, 2009.]

Корсакова, 2018 – Корсакова Ю.И. Дискурсивные маркеры в профессиональной речи киберспортивных журналистов // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. № 4 (30). С. 68–73. [Korsakova Yu.I. Discursive markers in the professional speech of e-sports journalists. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. 2018. No. 4 (30). Pp. 68–73. (In Rus.)]

Макаров, 2003 – Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М., 2003. [Makarov M.L. Osnovy teorii diskursa [Fundamentals of discourse theory]. Moscow, 2003.]

Малышева, 2011 – Малышева Е.Г. Дискурсивная языковая личность в русском спортивном дискурсе // Медиаскоп. 2011. № 1. С. 6–21. [Malysheva E.G. A discursive linguistic personality in Russian sports discourse. *Mediaskop*. 2011. No. 1. Pp. 6–21. (In Rus.)]

Морева, 2016 – Морева А.Н. Коммуникативные стратегии и тактики в медиа-жанре литературной рецензии: на материале «Литературной газеты»: автореф. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2016. [Moreva A.N. Kommunikativnye strategii i taktiki v mediazhanre literaturnoj recenzii: na materiale «Literaturnoj gazety» [Communicative strategies and tactics in the media genre of literary review: Based on the material of “Literaturnaya Gazeta”]. PhD theses. Nizhny Novgorod, 2016.]

Мубаракшина, 2020 – Мубаракшина А.М. Речевые паттерны как ключевые интерпретанты лингвокультурологической информации в художественном тексте: теоретический подход // Филология и культура. 2020. № 4 (62). С. 43–38. [Mubarakshina A.M. Speech patterns as key interprets of linguistic and cultural information in a literary text: A theoretical approach. *Philology and Culture*. 2020. No. 4 (62). Pp. 43–48. (In Rus.)].

Никонова, 2023 – Никонова Е.А. Дискурсивная практика и коммуникативная стратегия: эклектика vs полипарадигматизм? // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 6. С. 123–139. [Nikonova E.A. Discursive practice and communicative strategy: Eclecticism vs polyparadigmatism? *Nauchnyi dialog*. 2023. Vol. 12. No. 6. Pp. 123–139. (In Rus.)]

Панкратова, 2005 – Панкратова О.А. Лингвосемиотические характеристики спортивного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. [Pankratova O.A. Lingvosemioticheskie kharakteristiki sportivnogo diskursa [Linguosemotic characteristics of sports discourse]. PhD dis. Volgograd, 2005.]

Семенова, Корсунская, 2010 – Семенова А.В., Корсунская М.В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения / под ред. В.А. Мансурова. М., 2010. [Semenova A.V., Korsunskaja M.V. Kontent-analiz SMI: problemy i opyt primeneniya [Content analysis of media: Problems and application experience]. V.A. Mansurov (ed.). Moscow, 2010.]

Синельникова, 2013 – Синельникова Л.Н. Концепт «дискурсивная личность»: междисциплинарная параметризация // Границы познания. 2013. № 1 (21). С. 42–44. [Sinelnikova L.N. Concept “discursive personality”: Interdisciplinary parameterization. *Grani poznaniya*. 2013. No. 1 (21). Pp. 42–44. (In Rus.)]

Снятков, 2008 – Снятков К.В. Коммуникативно-прагматические характеристики телевизионного спортивного дискурса: автореф. ... канд. филол. наук. Вологда, 2008. [Snyatkov K.V. Kommunikativno-pragmaticheskie kharakteristiki televizionnogo sportivnogo diskursa [Communicative-pragmatic characteristics of television sports discourse]. PhD theses. Vologda, 2008.]

Сусов, 2006 – Сусов И.П. Лингвистическая pragmatika. М., 2006. [Susov I.P. Lingvisticheskaya pragmatika [Linguistic pragmatics]. Moscow, 2006.]

Суходимцев, 2016 – Суходимцев П.А. Комментатор киберспортивных состязаний: развлечение или профессия? // Профессиональное образование и рынок

труда. 2016. № 3. С. 16–18. [Sukhodimtsev P.A. E-sports competition commentator: Entertainment or profession? *Professionalnoe obrazovanie i rynek truda*. 2016. No. 3. Pp. 16–18. (In Rus.)]

Цурикова, 2007 – Цурикова Л.В. Дискурсивные стратегии как объект когнитивно-прагматического анализа коммуникативной деятельности // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 98–108. [Tsurikova L.V. Discursive strategies as an object of cognitive-pragmatic analysis of communicative activity. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. 2007. No. 4. Pp. 98–108. (In Rus.)]

Austin, 1962 – Austin J. How to do things with words. London, 1962.

Biber, Conrad, 2009 – Biber D., Conrad S. Register, genre, and style. Cambridge University Press, 2009.

Ferguson, 1983 – Ferguson C.A. Sports announcer talk: Syntactic aspects of register variation. *Language in Society*. 1983. Vol. 12. No. 2. Pp. 153–172.

Grosz, Sidner, 1986 – Grosz B.J., Sidner C.J. Attention, intentions, and the structure of discourse. *Computational Linguistics*. 1986. No. 3 (12). Pp. 175–204.

Halliday, Hasan, 1976 – Halliday M.A.K., Hasan R. Cohesion in English. London, 1976.

Kempe-Cook et al., 2019 – Kempe-Cook L., Shear S.T.H., Su N.M. Behind the voices: The practice and challenges of e-sports casters. *Proceedings of the 2019 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. April 2019. Pp. 1–12.

Labov, 1972 – Labov W. Language in the inner city: Studies in the black English vernacular. University of Pennsylvania Press, 1972.

Li et al., 2020 – Li L., Uttarapong J., Freeman G., Wohn D. Spontaneous, yet studious: E-sports commentators' live performance and self-presentation practices. *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*. October 2020. Pp. 1–25.

McMenamin, 2002 – McMenamin G. Forensic linguistics: Advances in forensic stylistics. CRC press, 2002.

Parisi, Castelfranchi, 1981 – Parisi D., Castelfranchi Ch. A goal analysis of some pragmatic aspects of language. *Possibilities and Limitations of Pragmatics*. Amsterdam, 1981. Pp. 551–567.

Rogers, 2019 – Adams K., Devia-Allen G., Moore M. “What is E-sports?”. *Understanding e-sports: An introduction to the global phenomenon*. R. Rogers (ed.). Lexington Book, 2019. Pp. 3–15.

Wagner, 2006 – Wagner M. On the scientific relevance of e-sports. *Proceedings of the International Conference on Internet Computing, Danube University Krems, June 2006*. 2006. Pp. 437–442.

Статья поступила в редакцию 03.09.2024

The article was received on 03.09.2024

Сведения об авторе / About the author

Микулинский Артем Денисович – аспирант аспирантской школы по филологическим наукам, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород

Artem D. Mikulinskiy – postgraduate student of the Graduate School of Philological Sciences, HSE University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-2991-2213>

E-mail: amikulinskii@hse.ru

А.М. Федотова

Институт востоковедения Российской академии наук,
107031 г. Москва, Российская Федерация

Особенности кодирования аргументов при номинализациях в корейском языке и расположение разных типов номинализаций на шкале «клауза – именная группа»

Данная статья посвящена исследованию особенностей кодирования внутренних аргументов при номинализациях *-(u)m*, *-ki* и *-nip kes* в корейском языке и расположению разных типов номинализаций на шкале «клауза – именная группа». На материале устного и письменного корпусов корейского языка демонстрируется вариативное кодирование объекта при номинализации по именной модели (объект маркируется показателем генитива) и глагольной модели (объект маркируется показателем аккузатива). В статье также рассматривается модификация корейских номинализаций наречием и прилагательным и предлагается схема расположения указанных типов номинализаций на шкале «клауза – именная группа» исходя из результатов исследования.

Ключевые слова: номинализация, корпус корейского языка, кодирование объекта, модификаторы номинализации, шкала «клауза – именная группа»

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Федотова А.М. Особенности кодирования аргументов при номинализациях в корейском языке и расположение разных типов номинализаций на шкале «клауза – именная группа» // Рема. Rhema. 2025. № 3. С. 62–80. DOI: 10.31862/2500-2953-2025-3-62-80

A. Fedotova

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, 10031, Russian Federation

Features of argument encoding in nominalizations in the Korean language and the location of different types of nominalizations on the “clausa – noun phrase” scale

This paper is devoted to the study of specific features of internal arguments' coding in Korean -(u)m, -ki and -nun *kes* nominalizations and the location of different types of nominalization on the “clause – noun phrase” scale. The data in Korean oral and written corpora demonstrates nominal object coding (subject takes genitive case marker) and verbal object coding (subject takes accusative case marker) in Korean nominalizations. The article also examines the modification of Korean nominalizations by adverbs and adjectives and proposes a scheme of the layout of three types of nominalization on the “clause – noun phrase” scale on the basis of the study.

Key words: nominalizations, Korean corpora, object coding, modifiers of a nominalization, “clause – noun phrase” scale

FOR CITATION: Fedotova A. Features of argument encoding in nominalizations in the Korean language and the location of different types of nominalizations on the “clausa – noun phrase” scale. *Rhema*. 2025. No. 3. Pp. 62–80. DOI: 10.31862/2500-2953-2025-3-62-80

Данная работа сосредоточена на исследовании номинализаций в корпусе корейского языка. В частности, мы рассматриваем особенности кодирования внутренних аргументов при номинализациях в корейском языке и расположение разных типов номинализаций на шкале «клауса – именная группа».

В последнее время многие исследователи сходятся на мнении, что внутренняя структура номинализаций может быть идентична глагольной

группе или представлять из себя группу со смешанными признаками. И если глагольная внутренняя структура ассоциируется с глагольной функциональной проекцией, то в смешанной еще дополнительно существует именной слой [Borsley, Kornfilt, 2000], что и создает смешанную внутреннюю структуру номинализации. Таким образом, номинализации представляют для нас интерес как смешанные категории, проявляющие свойства как предикатии, так и именной группы (ИГ).

При этом долгое время исследователи стремились выявить универсальные синтаксические закономерности в номинализациях. И хотя в известной “Remarks on Nominalizations” Хомский говорит об идио-синкразиях отглагольных существительных (deverbal nominals, DN), как отмечает Алик Марантц [Marantz, 1997], в работе также выявляются регулярности определенного типа.

Так, А. Алексиаду уже в 1980-е гг. высказала предположение, что степень сходства номинализации с полноценной клаузой определяется уровнем присоединения номинализующей морфологии. Автор выделила следующую корреляцию, сопоставив структуры номинализаций с различным объемом глагольной структуры: чем большим числом глагольных свойств обладает номинализация, тем в меньшей степени проявляются именные свойства [Alexiadou, 2010]. По данной причине мы приняли решение отобразить корейские номинализации на шкале «предикатия – именная группа».

Исследователи сходятся во мнении, что не только номинализации в различных языках имеют различное положение на данной шкале, но и разные типы номинализаций в одном языке также отличаются по количеству именных глагольных свойств номинализации [Alexiadou, 2001; Ackema, Neeleman, 2004; Panagiotidis, 2014]. В связи с этим нам представляется необходимым рассмотреть не только особенности корейских номинализаций, но и различие между тремя типами номинализаций в корейском языке, разместив их на шкале «клауза – именная группа».

Ранее мы рассмотрели, как оформляются субъекты при номинализованном предикате в корейском языке [Федотова, 2023, с. 144]. Мы выяснили, что внешний аргумент (подлежащее) кодируется, как посессор при именной ИГ, генитивом или, как подлежащее финитной клаузы, номинативом во всех трех видах номинализаций: на -(u)m, -ki и -nun kes и, таким образом, установили отход от ранее считавшейся обязательной глагольной модели кодирования у номинализаций на -ki и -nun kes [Cho, Sells, 1995; Sohn, 2001]. В данной работе мы рассмотрим другие актанты номинализованного предиката, в случае с которыми также наблюдается вариативное кодирование.

Настоящая работа заключалась в поиске, оценке, отборе и анализе номинализаций и их аргументов на материале корпуса корейского языка SJ-RIKS Corpus¹. Он обладает большим количеством примеров употребления номинализаций на *-ki* (134 395 примеров), *-ut* (34 838 примеров) и *-nip kes* (35 673 примеров). Мы отобрали примеры, содержащие смененные свойства, интересующие нас для дальнейшего анализа. Выводы по частотности тех или иных свойств номинализации осуществлялись по результатам сравнения процентного соотношения количества примеров, показательных по одному или нескольким признакам.

В первом разделе мы обоснуем актуальность анализа структуры трех типов корейских номинализаций и релевантность шкалы «клауза – именная группа» в их отношении. Далее мы рассмотрим и проанализируем примеры с различным кодированием внутренних аргументов при номинализации, в частности, примеры с различным маркированием прямого дополнения при номинализации (раздел 2) и оформлением аргументов инструменталисом и дативом (раздел 3). После чего мы рассмотрим примеры с наречной (раздел 4) и адъективной (раздел 5) модификацией номинализации и предложим схему расположения трех типов номинализаций на шкале «клауза – именная группа» в соответствии с выводами проведенного анализа и полученными статистическими данными на материале корпуса корейского языка.

1. Кодирование внутренних аргументов при номинализации и шкала «клауза – именная группа»

А. Алексиаду отмечала, что существуют две категориальные шкалы, взаимодействующие друг с другом – глагольная и именная [Alexiadou, 2011]. Каждая шкала содержит список глагольных и именных свойств. Алексиаду, в частности, сравнивая номинализации в английском, немецком, испанском и других языках, отмечает, что существует некая корреляция между свойствами аргументов номинализаций в различных языках. Так, она пишет, что для номинализаций глагольного типа характерна наречная модификация, номинативное оформление субъекта и обязательно аккузативное оформление объекта, в то время как номинализации именного типа исключают возможность наречной модификации, номинативного оформления субъекта и аккузативного оформления объекта, разрешая при этом адъективную модификацию и генитив у объекта и субъекта. По поводу генитива автор отмечает, что генитивное оформление субъекта не всегда свидетельствует о том,

¹ 현대한국어 용례검색기. SJ-RIKS. URL: <http://riksdb.korea.ac.kr> (date accessed: 10.06.2024).

что номинализация является именной, однако номинативный субъект всегда свидетельствует о том, что номинализация является глагольной [Alexiadou, Borer, 2020, р. 113]. Частичную нерелевантность данной корреляции в отношении к корейскому языку мы аргументируем в следующем разделе.

Исследование особенностей кодирования внутренних аргументов при номинализации позволяет определить степень близости номинализаций в том или ином языке к краю шкалы «клауза – именная группа» (рис. 1).

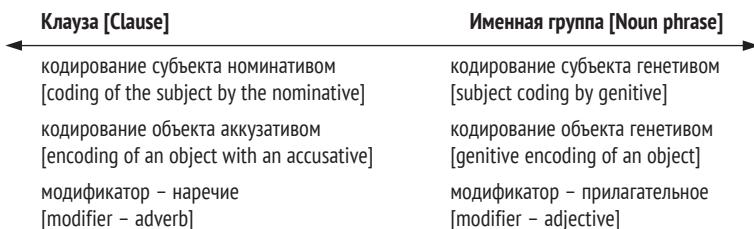

Рис. 1. Шкала «клауза – именная группа» в применении к корейскому языку
Fig. 1. The clause-noun phrase scale as applied to the Korean language

Свойства некоторых типов корейских номинализаций рассматривались в ряде работ как зарубежными, так и отечественными исследователями. Однако все еще наблюдается нехватка работ, представляющих анализ свойств и структуры всех трех типов номинализаций в корейском языке. Более того, исследователи корейской грамматики отмечают неоднозначность свойств корейских номинализаций. Например, J.H.-S. Yoon утверждал нерелевантность классического синтаксического подхода к анализу корейских лексических номинализаций на *-ut* и *-ki*, отмечая, что структура аргумента номинализации не всегда соответствует структуре аргумента в клаузе [Yoon, 2005]. Среди отечественных лингвистов Е.Л. Рудницкая рассматривала структуру корейских номинализаций на *-ut*. В частности, автор указывала на возможное различное падежное кодирование субъекта и объекта при номинализации, отмечая, вслед за J.H.-S. Yoon, что номинализации в корейском языке подвергается группа, а не вершина, т.е. это фразовая, а не лексическая номинализация [Рудницкая, 2015].

С учетом ранее описанных нами [Федотова, 2023, с. 146] особенностей кодирования субъекта при номинализациях в корейском языке на настоящий момент положение трех типов номинализаций (подробнее см. табл. 1) на шкале «клауза – именная группа» представляется нам так, как показано на рисунке 2.

Рис. 2. Положение трех типов корейских номинализаций на шкале «клауза – именная группа» в соответствии с особенностями кодирования субъектов при номинализациях

Fig. 2. The position of three types of Korean nominalizations on the “clause-noun phrase” scale in accordance with the features of coding subjects in nominalizations

В данной работе мы сосредоточимся на анализе следующих свойств – особенностей кодирования внутренних аргументов с тета-ролями пациента, инструмента и цели, а также типах модификатора (наречие/прилагательное) номинализации.

О том, что оформление внутренних аргументов и тип модификатора номинализованного предиката также отражает положение конструкции на вышеуказанной шкале, пишет и Н.В. Сердобольская [Сердобольская, 2005, с. 40]. Если морфологическое оформление аргумента при номинализации получает от исходного предиката, то конструкция оказывается на шкале ближе к левому краю. Если же мы наблюдаем оформление аргумента генитивом, конструкция сдвигается ближе к правому краю, получая оформление, свойственное ИГ. Аналогичная ситуация – и с модификаторами: в случае модификации наречием конструкция оказывается ближе к левому краю шкалы, при адъективной модификации – к правому. Рассмотрим подробнее вариации кодирования аргументов при номинализациях на материале корпуса корейского языка SJ-RIKS Corpus.

2. Маркирование прямого дополнения в конструкциях с номинализациями

Внутренние аргументы номинализованного предиката в корейском языке либо сохраняют исходное оформление, либо кодируются как зависимые в ИГ, во всех типах номинализаций, что подтверждает материал из корпуса корейского языка.

Так, в случае с прямым дополнением в конструкции с номинализованным предикатом в рассмотренных нами примерах сохраняется показатель аккузатива *-lul* во всех трех типах номинализаций. В примерах (1)–(3) представлены три типа номинализаций, образованных от одного глагола *kitalita* ‘ждать’, соответственно, с прямыми дополнениями, оформленными аккузативом, – *chalul* ‘машину’, *sinhalul* ‘подданных’ и *kutulul* ‘их’.

(1) Номинализация на *-ki*

Na-nun	[cha-lul]	kitali-ki-ka]	taptapha-ye
я-топ ²	машина-ACC	ждать-NMLZ-NOM	тосклиwyй-CVB
tampay-lul	hana	phi-we	mwulessta.
сигарета-ACC	один	зажигать-CVB	спрашивать-PST-DECL
Мне было тоскливо ждать машину, поэтому я закурил сигарету и спросил.			

(2) Номинализация на *-(u)m*

Nala-eyse	[ecin]	sinha-lul	kitali-m-ul]
страна-DAT	достойный	подданный-ACC	ждать-NMLZ-ACC
rpalli	ha-sini...		
быстро	делать-CVB		
В стране нетерпеливо ждали верных подданных...			

(3) Номинализация на *-nun kes*

Yohaynghi	pwulkwu-lul	momyenha-ca
к счастью	недостаток-ACC	избегать-CVB
[kutu-lul]	kitali-nun	kes-un]
они-ACC	ждать-PTCP	вещь.NMLZ-TOP
mwusewu-n	choysepang-uy	
страшный-PTSP	линия.нападения-GEN	
саурауиччипунисста.		
перераспределение.только.быть-PST-DECL		
К счастью, они избежали поражения и их ждала лишь ужасающая передислокации сил на линии фронта.		

Кодирование прямого дополнения генитивом в корпусе встречается у номинализаций на *-ki* (в 14% случаев) и *-(u)m* (в 30% случаев) в таких примерах, как *tangsinyu mannaki* ‘встреча с тобой’ (4) или *ayceng-kwa phichauy mitum* ‘вера в любовь и друг в друга’ (5) и т.д.

(4) [Tangsin-uy	manna-ki]	wihay	9	kaywel-ul
ты-GEN	встречать-NMLZ	чтобы	9	месяц-ACC
kitalyewa-ss-eyo.				
ждать-приходить-PAST-DECL				
Чтобы встретиться с тобой, я ждал 9 месяцев.				

² Список глосс: ACC – аккузатив; ADV – наречие; COMIT – комитатив; CVB – конверб; DAT – датив; DECL – декларатив; FUT – будущее время; GEN – генитив; IDS – косвенная речь; IMP – императив; INST – инструменталис; NEG – отрицание; NMLZ – номинализация; NOM – номинатив; PL – множественное число; PRS – настоящее время; PST – прошедшее время; PTCP – причастие; TOP – топик.

(5) Motun	tayhwa-nun	[ayceng-kwa	phicha-uy
всякий	диалог-TOP	любовь-COM	обе.стороны-GEN
mit-um]	eps-i-nun		ilwueci-ci
верить-NMLZ	отсутствовать-ADV-TOP		осуществляться-PTCL.NEG
anh-nun	реп		
нет-TOP	закон		

Примеры кодирования генитивом прямого дополнения в конструкции с номинализацией на *-nun kes* в корпусе отсутствуют. Таким образом, нам представляется, что номинализации на *-nun kes* находятся на шкале ближе к левому краю с более ярко выраженнымми предикатными свойствами. В данной связи положение номинализаций на шкале «клауза – именная группа» представляется для нас так, как показано на рисунке 3.

Рис. 3. Положение трех типов корейских номинализаций на шкале «клауза – именная группа» в соответствии с особенностями кодирования прямого дополнения при номинализациях (только кодирование генитивом)

Fig. 3. The position of three types of Korean nominalizations on the “clause – noun phrase” scale in accordance with the features of encoding the direct object in nominalizations (only encoding by the genitive)

Также в корпусе часто встречаются случаи нулевого маркирования прямого дополнения при номинализациях на *-ki* (в 55% примеров) и *-pukkes* (в 20% примеров). Так, в примерах (6)–(7) мы наблюдаем аргументы при номинализациях *chayk ilkki* ‘чтение книг’ и *salam mannanun kes* ‘встреча с людьми’.

- (6) Hyeng-un kongpwuha-ki-lul silh-e
старший.брать-ТОР учиться-NMLZ-ACC ненавидеть-CVB
ha-nuntey tongsayng-un tto
делать-CVB младший.брать-ТОР однако
[chayk ilk-ki-lul] СОНА.НА-nta.
книга читать-NMLZ-ACC любить-DECL.
Старший брат ненавидит учиться, а младший, наоборот, любит
читать книги.

Примеры нулевого маркирования прямых дополнений в конструкциях с номинализациями на $-(u)m$ в корпусе отсутствуют.

Как мы уже ранее отмечали, А. Алексиаду считала аккузативное оформление объекта обязательным у номинализаций глагольного типа. Однако исследования корейского корпуса демонстрируют возможное нулевое маркирование у объекта как в именной, так и в глагольной группе. Так, К. Це в своей работе отмечает, что прямое дополнение в ИГ чаще всего имеет нулевое маркирование [Tse, 2020]. При этом автор анализирует и глагольные группы, где также частотно опущение аккузативного показателя у объекта, в частности, когда он расположен в непосредственной близости от предиката (но и в случае с разрывом объекта и предиката, например, наречием, возможно нулевое маркирование).

Таким образом, предложенная А. Алексиаду корреляция не полностью релевантна для корейских номинализаций, т.к. *-у* (GEN) может легко опускаться, как и *NOM/ACC*, и поэтому определить, какой показатель опущен, не представляется возможным.

3. Оформление аргументов инструменталисом и дативом в конструкциях с номинализациями

Инструменталис (*-lo/-ulo*) в корейском языке используется для выражения направленности, орудия действия, функционала (отвечает на вопрос «в качестве кого?»), а также часто встречается в идиоматических выражениях как обстоятельство [Sohn, 2001, p. 338]. В корпусе корейского языка кодирование аргумента инструменталисом (творительным падежом) чаще всего встречается в конструкциях с номинализациями при оформлении аргументов со значением направления или орудия действия. При этом такое кодирование мы наблюдаем со всеми тремя видами номинализаций. Так, в примерах (8)–(10) инструменталисом оформляются такие аргументы при номинализациях, как *cipulo ollakaki* ‘подниматься в дом’, *namsengulo cenhwanhanun kesul* ‘меняется на мужские’ и *cheyceylo taycheytoymey* ‘замениться целостной формой страны’ соответственно.

- (8) [Cip-ulo **ollaka-ki**] cen-ey emeni-ka
 дом-INST подниматься-NMLZ до-DAT мама-NOM
 cohaha-nun ttek-ul sa-ko
 любить-PTCP рисовый.пирог-ACC купить-CVB
 sachon-tul-eykey cwu-l kwaca-to
 двоюродный.брать-PL-DAT дать-PTCP.FUT печенье.тоже
 hanalum sa-ss-ta.
 один.охапка купить-PST-DECL
- Прежде чем пойти** домой, я купил любимый рисовый пирог
 моей матери и пакет печенья, чтобы дать двоюродным братьям.
- (9) Ttaytaylo na-nip [nay kamceng-uy etten pwupwun-I
 иногда я-ТОР мой эмоция-GEN какой часть-NOM
namseng-ulo cenhwanha-nun kes-ul] nukkye-yo.
 мужчина-INST менять-PTCP вещь.NMLZ-ACC чувствовать-DECL
 Иногда я чувствую, что часть моих эмоций **меняется на мужские**.
- (10) Kangtaykwuk-tul-uy taylip-ey
 великая.держава-PL-GEN противопоставление-DAT
 ttalu-n kwukka-kan inyem
 следовать-PTCP государство.между идеология
 pwunhwa hyensang-I nayngcen
 дифференциация явление-NOM холодная.война
 cheyseuy congsik hwu [iwus
 целостная.форма.страны прекращение после сосед
 kwukka-kan hyepleyek
 государство.между сотрудничество
cheysey-lo taycheytoy-m-ey]
 целостная.форма.страны-INST заменяться-NMLZ-DAT
 ttala tongasia-eyse-to pota kang-lyekha-n
 следовать-CVB восточная.азия-DAT-также чем сильный
 ciyekcwiuy-ka tungcangha-ko iss-ta-nun
 регионализм-NOM выходить.на.сцену-CVB быть-DECL-PTCP
 sasil-i-ta.
 факт-есть-DECL

Действительно, в Восточной Азии возникает более сильный регионализм, поскольку явление идеологической дифференциации между странами из-за конфронтации между великими державами сменилось системой сотрудничества между соседними странами после окончания холодной войны.

Различий в оформлении инструменталисом аргументов при разных типах номинализаций в корейском языке на материале корпуса нами выявлено не было.

Однако в корпусе встречается более 15 примеров двойного кодирования инструменталисом и генитивом аргумента при номинализации на *-ut*. Так, в примере (11) мы наблюдаем оформление инструменталисом и генитивом аргумента *направление* при номинализации *движение*.

- (11) **Twu panghyang-ul-uy wumciki-m-ul**
 два направление-INST-GEN двигаться-NMLZ-ACC
 kilokha-nun nol-i-ta.
 приписываться-PTCP.PRS игра-есть-DECL.
 Это игра, в которой нужно двигаться в две стороны.

Мы предполагаем, что в данном случае генитив оформляет зависимое ИГ, т.к. в корейском языке генитив используется для выражения разнообразных семантических отношений между составляющими именной группы и ее вершиной. В частности, генитивом может кодироваться субъект у непроизводного существительного, обозначающего действие, например, *pesu-uy chwulpal* ‘отправление автобуса’ [Sohn, 2001]. То есть у номинализаций на *-ut* появляется еще одно именное свойство.

Похожую ситуацию мы наблюдаем и в случае с дативом (*-ey*, *-eykey*, *eyse*, *eykeyse*, *-hanthey*, *-hantheyse*, *-kkey*), который в корейском языке оформляет аргументы со значением места, времени, источника или цели действия [Sohn, 2001, р. 333]. В целом мы не выявили различий в употреблении данных аргументов в различных типах номинализаций. В корпусе встречается оформление аргументов дативом с различным значением во всех типах номинализаций. Так, мы можем наблюдать аргумент со значением времени *kenkiey* ‘в сезон засухи’ с номинализацией *yehaynghanun kesi* ‘путешествие’ в примере (12), аргумент со значением места действия *koseyse* ‘в месте’ с номинализацией *kitaliki* ‘ожидание’ в примере (13) и аргумент со значением источника действия *kamthwuey* ‘от поста’ с номинализацией *yenyenha-m-ul* ‘зависимость’ в примере (14).

- (12) **Aeyltay monswunkihwulo kenki-wa**
 субтропики муссонный.климат-INST сезон.засухи-СОМТ
 wuki-ka hwaksilhi kwupryeltoy-nuntey
 сезон.дождей-NOM четко разделяться-CVB
 [10wel – 5wel-uy **kenki-ey yehayngha-nun**
 октябрь-май-GEN сезон.засухи-DAT путешествовать-PTCP
 kes-i] coh-ta.
 веъщь.NMLZ-NOM хороший-DECL
 В субтропическом муссонном климате четко выражены сухой и дождливый сезоны, поэтому лучше всего **путешествовать в сухой сезон с октября по май**.

- (13) [Molu-nun salam-man iss-nun **kos-eyse**
 не.знать-РТСР человек.только быть-РТСР место-DAT
kitali-ki] mwehay-se pakk-eyse iss-ess-ta.
 ждать-NMLZ неудобный-CVB снаружи-DAT быть-PST-DECL.
 Мне не хотелось **ждать в месте, где были только чужие люди**,
 поэтому я остался снаружи.

- (14) Onkas seysokcekin kes-ul pakcha-ko
 всякий житейский вещь-ACC пинать-CVB
 chwulkaha-n swuhayngsung-I tasi
 уходить.из.дома-РТСР аскетизм.следование-NOM снова
[seysokcekin kamthwu-ey yenyenha-m-ul]
 житейский должност-DAT зависеть-NMLZ-ACC
 kyengkyeyha-n teyse nao-n
 предостерегать-РТСР место-CVB выходить-РТСР
 kyohwun-i-ta.
 наставление-есть-DECL
 Это урок о том, что монах, оставивший мирскую жизнь,
 покинувший дом и живущий аскетично, остерегается вновь
попасть в зависимость от мирной жизни.

Однако так же, как и в ситуации с инструменталисом, в корпусе встречаются примеры (более 30) с двойным оформлением аргументов DAT-GEN при номинализациях на *-ит*. Например, в (15) мы наблюдаем оформление аргумента *мир* дативом и генитивом при номинализации *открытость*.

- (15) **Seysang-ey-uy** yelli-m-ey iss-ese...
 мир-DAT-GEN открываться-NMLZ-DAT находиться-CVB
 Будучи открытым миру...

Таким образом, оформление аргументов при номинализациях инструменталисом и дативом в корейском языке не позволяет нам установить разницы между номинализациями в контексте их положения на шкале «клауза – именная группа». Однако двойное оформление аргументов с генитивом в примерах с номинализациями на *-ит* позволяет нам выявить еще один аргумент в пользу идеи о более правом положении номинализации на *-ит* на шкале «клауза – именная группа». Кроме того, примеры из корпуса демонстрируют, что косвенные падежи могут присоединять дополнительный показатель GEN, а прямые (NOM, ACC) – нет. Таким образом, мы делаем вывод, что косвенные падежи занимают в словоформе более внутреннюю позицию, чем GEN, о чем также писала Е.Л. Рудницкая (2015).

4. Наречная модификация номинализаций

Следующим параметром, который мы рассмотрим для определения места номинализации на шкале «клауза – именная группа», является наличие в конструкции наречия или прилагательного перед номинализованным предикатом. Как было указано выше, наречие говорит нам о близости конструкции к левому краю шкалы, т.к. в корейском языке оно является модификатором в первую очередь глагола, прилагательного, другого наречия и клаузы, располагаясь непосредственно перед определяемым словом [Sohn, 2001, p. 212]. В корпусе корейского языка довольно часто встречаются наречия в конструкциях с номинализациями на *-nun kes*. Напомним, что в корейском языке класс наречий образа действия и степени, которые указывают на изменения признаков или свойств действия или ситуации в контексте времени, места, способа или степени действия, является наиболее многочисленным [Ibid.]. Так, в примерах (16) и (17) мы наблюдаем наречия *cenghwakhi* ‘детально’ и *cinachikye* ‘чрезмерно’, относящиеся к классу наречий с референцией образа и степени действия соответственно в конструкциях с номинализациями на *-nun kes*.

(16) Tangyen-hi	се-пип	[i-kes-ul
естественный-ADV	я-ТОР	этот.вещь-ACC
cenghwak-hi	ha-nun	ke-n]
детальный-ADV	делать-РТСР	вещь-ТОР
i-kes-un	\$0.60-i	toy-l
этот.вещь-ТОР	\$0.60-НОМ	становиться-РТСР.ФУТ
kes-i-ko	\$3-uy	kopha-ki
вещь-быть-CVB	\$3-GEN	умножать-NMLZ
\$0.60	imu-lo	\$0.60-i
\$0.60	так.как	высота-ТОР
		\$0.60-НОМ
		становиться-DECL.

Конечно, я не буду делать это именно так, но это будет

0,60 доллара, а 3 доллара, умноженные на 20%, равно

0,60 доллара, поэтому величина составит 0,60 доллара.

(17) Ilen	mit-um-ey	cengmyen-ulo
такой	верить-NMLZ-DAT	сторона-INST
tocenha-ko	ohilye	[sengcek
бросать.вызов-CVB	напротив	yokkwu-lul
cinachi-kye	ekapha-nun	kes-i]
чрезмерный-ADV	подавлять-РТСР	вещь.NMLZ-НОМ
kwangki-uy	wenin-i-lako	cwucangha-n
безумие-GEN	причина.быть-DS	утверждать-РТСР.PST

- (17) salam-un cengsinpwunsekhak-uy changica
 человек-ТОР психоанализ-GEN создатель
 phuloithu-yess-ta.
 Фрейд-быть-PST-DECL.

Именно Фрейд, основатель психоанализа, прямо бросил вызов этому убеждению и утверждал, что чрезмерное подавление сексуальных желаний является причиной безумия.

Также встречаются примеры употребления наречий перед номинализацией на *-ki*. Так, в примерах (18)–(19) мы наблюдаем наречия образа действия *kamanhi* ‘спокойно’ и *kuse* ‘по-прежнему’, ‘просто так’.

- (18) [Emma-wa apeci-lul **kamanhi** **kitali-ki**]
 мама-СОМ папа-ACC спокойно ждать-NMLZ
 sicakhay-ss-supnita.
 начинать-PST-DECL.

Я спокойно начал ждать маму и папу.

- (19) Kuloko-nun eynkanhan il-ey-to
 затем-ТОР обычный дело-ДАТ-также
 [**kuse** **wus-ki-lul**] calhay-ss-ta.
 просто.так улыбаться-NMLZ-ACC хорошо.делать-PST-DECL.
 После этого он мог просто так смеяться даже над самыми простыми вещами.

Примеры употребления наречия перед номинализацией на *-(u)t* в корпусе корейского языка отсутствуют, что в данном случае указывает нам на расположение номинализаций на *-ki* и *-nun kes* левее относительно номинализации на *-(u)t* на шкале «клауза – именная группа».

Несмотря на отсутствие примеров в указанном корпусе, в грамматике И. Ли приводится следующий пример употребления наречия перед конструкцией *wusum* + *ulosse*:

- (20) Ku-nun **hothangha-kyey** **wus-um-ulosse**
 он-ТОР искренний-ADV улыбаться-NMLZ-CVB
 Он искренне рассмеялся,.. (и этим хотел снять напряжение)
 [Ли, 2005, с. 120]

В данном примере мы наблюдаем грамматическую конструкцию «глагол + *-utulosse*», означающую способ совершения действия и использующуюся исключительно с номинализатором *-(u)t* [Ан, Сон, 2023, с. 84]. Таким образом, мы считаем, что наречие в конструкциях с номинализациями на *-(u)t* возможно, однако, с учетом отсутствия примеров в рассматриваемом корпусе, не распространено. В связи с этим нам

представляется, что расположение номинализаций на *-ki* и *-nun kes* остается левее относительно номинализации на *-(u)m* на шкале «клауза – именная группа».

5. Адъективная модификация номинализаций

Идея расположения номинализаций на *-ki* и *-nun kes* левее относительно номинализаций на *-ut* на шкале «клауза – именная группа» подкрепляется распространенными примерами прилагательных в конструкциях с номинализациями на *-(u)m*, т.к. прилагательное говорит нам о близости конструкции к правому краю шкалы. Так, в примерах (21)–(23) мы наблюдаем прилагательные *olayn* ‘долгий’, *hwullyunghan* ‘отличный’ и *ttattushan* ‘теплый’, используемые перед номинализациями на *-(u)m* *kitalim* ‘ожидание’, *kaluchim* ‘обучение’ и *wusum* ‘улыбка’.

(21) Yengmini-nun	[olayn	kitali-m]	kkuth-ey
ёнмин-топ	долгий	ждать-NMLZ	конец-DAT
swumanh-un	yencek-ul	mwullichi-ko	
число.много-РТСР	соперник-ACC	отбивать-CVB	
kunye-wa	kyelhonha-key	toy-ess-ta.	
тот.она-СОМР	жениться-ADV	становиться-PST-DECL.	

После долгого ожидания Ён Мин победил многих соперников и смог жениться на ней.

(22) Tasi	malh-ay	[pwumto-tul-uy	hwullyungha-n
еще	говорить-CVB	родитель-PL-GEN	отличный-PART
kaluchi-m] ,	hakkyo-eyse-uy	coki	caynung palkyen,
учить-NMLZ	школа-DAT-GEN	ранний	талант раскрывать
olayn	cipcwung	haksup,	kuliko haksayng
долгий	внимание	упражнение	и ученик
ponin-tul-uy	ceutay-lo	mek-ko	caci-to
cam-PL-GEN	как.следует-INSTR	есть-CVB	спать-CVB.даже
mosha-n	kakko-uy	nolyek	
не.мочь-РТСР.PST	тяжелая.работа-GEN	труд	
thas-i-ess-ta-nun		kes-i-ta.	

предлог-быть-PST-IDS-РТСР вещь.NMLZ-быть-DECL.

Другими словами, это произошло «благодаря отличному обучению родителей, раннему раскрытию талантов в школе, длительной интенсивной учебе и упорному труду самих учеников, которые даже не ели и не спали как следует».

(23) [Cinsil-I	tamki-n	ttattusha-n
правда-NOM	содержаться-PTCP	теплый-PART
wus-um]	cenhal-lay-yo.	
улыбаться-NMLZ	давать-MOD-DECL.	
Я хочу подарить вам теплую улыбку, наполненную правдой.		

И если в корпусе корейского языка имеются примеры употребления прилагательных перед номинализациями на *-(u)m*, то примеры употребления прилагательных перед номинализациями на *-ki* и *-nun kes* в корпусе в целом отсутствуют, что подтверждает идею о более правом положении номинализаций на *-(u)m* на шкале «клауза – именная группа».

С учетом оформления модификаторов номинализованного предиката наречием или прилагательным положение номинализаций на шкале «клауза – именная группа» представлено на рисунке 4.

Рис. 4. Положение трех типов корейских номинализаций на шкале «клауза – именная группа» в соответствии с особенностями оформления модификаторов предиката (наречие/прилагательное)

Fig. 4. The position of three types of Korean nominalizations on the “clause – noun phrase” scale in accordance with the design features of the predicate modifiers (adverb/adjective)

6. Заключение

Итак, выше было показано, что при номинализациях в корейском языке может сохраняться глагольное кодирование внутренних аргументов; внешний аргумент (подлежащее) кодируется как посессор ИГ (именное кодирование) или как подлежащее финитной клаузы (глагольное кодирование); допустимы как наречная, так и адъективная модификация номинализаций.

При этом, с учетом наших предыдущих исследований о кодировании субъекта при номинализациях и данного исследования, нам представляется, что номинализации на *-(u)m* находятся на шкале «клауза – именная группа» ближе к правому краю с большим количеством именных свойств: это частые случаи кодирования субъекта генитивом, возможное кодирование объекта генитивом, адъективная модификация, а также двойное кодирование аргумента инструменталисом/дативом и генитивом (рис. 5).

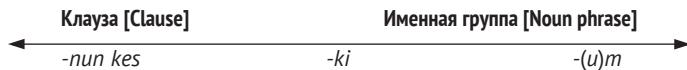

Рис. 5. Положение трех типов корейских номинализаций на шкале «клауза – именная группа» в соответствии с особенностями оформления актантов и модификаторов номинализованного предиката

Fig. 5. The position of three types of Korean nominalizations on the “clause – noun phrase” scale in accordance with the design features of actants and modifiers of the nominalized predicate

Номинализации на *-ki* занимают место ближе к левому краю, чем номинализации на *-(u)m*, со следующими отличительными чертами: возможный генитив у субъекта или объекта (но не так часто, как у номинализаций на *-ut*) и наречная модификация.

Номинализации на *-nun kes* располагаются очень близко к левому краю шкалы, т.к. они обладают большим количеством предикатных свойств: номинативное оформление субъекта с редкими случаями генитивного оформления, исключительно аккузативное маркирование объекта и наречная модификация (табл. 1).

Таблица 1

Особенности оформления актантов и модификаторов номинализованного предиката в зависимости от типа номинализации в корпусе корейского языка [Features of the design of actants and modifiers of a nominalized predicate depending on the type of nominalization in the corpus of the Korean language]

	<i>-nun kes</i>	<i>-ki</i>	<i>-ut</i>
Кодирование субъекта [Subject coding]	NOM (85%) GEN (15%)	NOM (60%) GEN (40%)	GEN (>80%) NOM (<20%)
Кодирование объекта [Object encoding]	ACC (80%) Нулевое [Zero-based] (20%)	ACC (32%) GEN (14%) Нулевое [Zero-based] (55%)	ACC (64%) GEN (36%)
Модификация [Modification]	Наречная [Adverbial]	Наречная [Adverbial]	Адъективная [Adjectival]

Также в работе была простестирована способность номинализаций присоединять косвенные падежи как диагностика клаузальной структуры и показана ее нерелевантность в этом плане. Помимо этого, мы выявили примеры с двойным кодированием INST-GEN/DAT-GEN, определив,

тем самым, более внешнее положение в словоформе генитива и более внутреннее положение косвенных падежей.

Что касается корреляций, мы заключаем, что в корейском языке наречная модификация номинализации исключает возможность кодирования объекта генитивом (но не исключает возможность нулевого кодирования объекта). При этом сделать заключение о корреляции между оформлением субъекта и объекта сложно, т.к. примеры из корпуса демонстрируют данные свойства отдельно друг от друга.

Библиографический список / References

Ан, Сон, 2023 – Ан Ч.М., Сон Ы.Х. Грамматика корейского языка для продвинутых. М., 2023. [An Ch.M., Son Y.Kh. Grammatika koreyskogo yazyka dlya prodvinutuykh [Advanced Korean grammar]. Moscow, 2023.]

Ли, 2005 – Ли И.-С., Ли С.-О., Чхэ В. Корейский язык. История и современное состояние / пер. с кор. В. Аткнина. М., 2005. [Lee I.-S., Lee S.-O., Chae W. Koreyskiy yazyk. Istorya i sovremennoe sostoyanie [The Korean language. History and current state]. V. Atknin (transl. from Korean). Moscow, 2005.]

Лютикова, 2022 – Лютикова Е.А. Рец. на кн.: A. Alexiadou, H. Borer (eds.). Nominalization: 50 years on from Chomsky's Remarks. Oxford: Oxford University Press, 2020 // Вопросы языкоznания. 2022. № 6. С. 152–160. [Lyutikova E.A. Review of the book: A. Alexiadou, H. Borer (eds.). Nominalization: 50 years on from Chomsky's Remarks. Oxford: Oxford University Press, 2020. Voprosy Jazykoznaniya. 2022. No. 6. Pp. 152–160. (In Rus.)]

Рудницкая, 2015 – Рудницкая Е.Л. Спорные вопросы корейской грамматики: Теоретические проблемы и методы их решения / отв. ред. В.М. Алпатов. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2015. [Rudnitskaya E.L. Spornye voprosy koreyskoj grammatiki: Teoreticheskie problemy i metody ikh resheniya [Controversial issues in Korean grammar: Theoretical problems and solutions]. V.M. Alpatov (ed.). Moscow, 2015.]

Сердобольская, 2005 – Сердобольская Н.В. Синтаксический статус актантов зависимой нефинитной предикатии: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. [Serdobolskaya N.V. Sintaksicheskiy status aktantov zavisimoy nefinitnoy predikatsii [Syntactic status of actants of dependent non-finite predication]. PhD dis. Moscow, 2005.]

Федотова, 2023 – Федотова А.М. Особенности кодирования подлежащего при номинализациях в корейском языке (на материале устного и письменного корпусов корейского языка). // Лингвистика языков Китая, Кореи и Японии: тезисы докладов I Международной научно-практической конференции / отв. ред. М.Б. Рукодельникова. М., 2023. С. 144–149. [Fedotova A.M. Features of subject encoding in nominalizations in the Korean language (based on the oral and written corpora of the Korean language) Lingvistika yazykov Kitaya, Korei i Yaponii: Tezisy dokladov I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. M.B. Rukodelnikova (ed.). Moscow. Pp. 144–149. (In Rus.)]

Ackema, Neeleman, 2004 – Ackema P., Neeleman A. Beyond morphology: Interface conditions on word formation. Oxford University Press, 2004.

Alexiadou, 2001 – Alexiadou A. Functional structure in nominals: Nominalization and ergativity. Amsterdam, 2001.

Alexiadou, Rathert, 2010 – The syntax of nominalizations across languages and frameworks. A. Alexiadou, M. Rathert (eds.). Berlin, 2010.

Alexiadou, 2011 – Alexiadou A. The aspectual properties of nominalization structures. *Morphology and its interface*. A. Galani, G. Hicks, G. Tsoulas (eds.). Amsterdam, 2011. Pp. 195–278.

Alexiadou, Borer, 2020 – Nominalization: 50 years on from Chomsky's Remarks. A. Alexiadou, H. Borer (eds.). (Oxford Studies in Theoretical Linguistics, 76.) Oxford University Press, 2020.

Borsley, Kornfilt, 2000 – Borsley R., Kornfilt J. Mixed extended projection. *The nature and function of syntactic categories*. R. Borsley (ed.). San Diego, 2000. Pp. 101–131.

Cho, Sells, 1995 – Cho Y.-M.Y., Sells P. A lexical account of inflectional suffixes in Korean. *Journal of East Asian Linguistics*. 1995. No. 4. Pp. 119–174.

Chomsky, 1970 – Chomsky N. Remarks on nominalization. *Readings in English transformational grammar*. R. Jacobs, P. Rosenbaum (eds.). Waltham (MA), 1970. Pp. 184–221.

Marantz, 1997 – Marantz A. No escape from syntax: Don't try morphological analysis in the privacy of your own lexicon. *UPenn Working Papers in Linguistics*. 1997. No. 4 (2). Pp. 201–225.

Panagiotidis, 2014 – Panagiotidis P. Categorial features: A generative theory of word class categories. Cambridge University Press, 2014.

Sohn, 2001 – Sohn H.-M. The Korean language. Cambridge University Press, 2001.

Tse, 2020 – Tse K. Differential object marking: Nominal and verbal parameters. *Proc. Ling. Soc. Amer.* 2020. No. 5 (1). Pp. 670–684.

Yoon, 2005 – Yoon J.H.-S. Dual lexical categories and inflectional morphology. *Morphology and the web of grammar. Essays in memory of Steven G. Lapointe*. C. Orhan Orgun, P. Sells (eds.). Stanford, 2005. Pp. 139–168.

Yoon, 2022 – Yoon J.H. The Cambridge Handbook of Korean Linguistics. Cambridge University Press, 2022. Pp. 63–81.

Статья поступила в редакцию 19.12.2024

The article was received on 19.12.2024

Сведения об авторе / About the author

Федотова Александра Максимовна – аспирант Отдела языков народов Азии и Африки, Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва

Alexandra M. Fedotova – postgraduate student at the Department of Asian and African Languages, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

E-mail: afedotova1905@gmail.com

DOI: 10.31862/2500-2953-2025-3-81-102

УДК 372.881.111.1:(004.8+371.261)

С.В. Боголепова, А.А. Греченко

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
101000 г. Москва, Российская Федерация

Возможности генеративного искусственного интеллекта для проверки академических текстов на английском языке

Целью работы является определение потенциала генеративного искусственного интеллекта для оценки академических текстов на основе критериев, учитывающих специфику англоязычного академического дискурса. 20 текстов в формате Project Proposal были оценены как опытным преподавателем, так и генеративным искусственным интеллектом. Выставленные баллы были проанализированы статистически, а обратная связь – тематически. Выявлено, что искусственный интеллект способен выявлять сильные и слабые стороны студенческих работ и генерировать обратную связь на основе критериев; однако уровень согласия между баллами искусственного интеллекта и эксперта оказался низким, а форматы предоставления обратной связи заметно отличались. Внедрение искусственного интеллекта может помочь стандартизировать оценивание и провести учебную аналитику, однако для обеспечения надежности оценивания и индивидуализации обратной связи необходима экспертность преподавателя.

Ключевые слова: англоязычный академический дискурс, искусственный интеллект в обучении языкам, генеративный искусственный интеллект в образовании, оценочная обратная связь

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Боголепова С.В., Греченко А.А. Возможности генеративного искусственного интеллекта для проверки академических текстов на английском языке // Рема. Rhema. 2025. № 3. С. 81–102. DOI: 10.31862/2500-2953-2025-3-81-102

DOI: 10.31862/2500-2953-2025-3-81-102

S. Bogolepova, A. Grechenko

HSE University,
Moscow, 101000, Russian Federation

Using generative artificial intelligence for the evaluation of academic texts in English

The paper aims to assess the potential of generative AI for the evaluation of academic texts based on criteria that account for the features of the Anglo-Saxon academic discourse. Twenty texts in the “Project Proposal” format were evaluated both by an experienced instructor and by generative AI. The scores assigned were subject to statistical analysis, and the feedback was analysed thematically. It was found that AI can identify strengths and weaknesses in students’ works and generate feedback based on the criteria; however, the level of agreement between AI and expert scores was low, and the formats of feedback provision differed significantly. The integration of AI can help standardise assessments and facilitate educational analytics, but to ensure reliable evaluation and personalized feedback, the expertise of an instructor is necessary.

Key words: English-language academic discourse, artificial intelligence in language learning, generative artificial intelligence in education, evaluative feedback

FOR CITATION: Bogolepova S., Grechenko A. Using generative artificial intelligence for the evaluation of academic texts in English. *Rhema*. 2025. No. 3. Pp. 81–102. DOI: 10.31862/2500-2953-2025-3-81-102

1. Введение

Технологии искусственного интеллекта (ИИ) в настоящее время активно используются участниками образовательного процесса. Генеративный ИИ (генИИ) на основе больших языковых моделей обучен на огромных объемах текстовых данных, что определяет его ценность для изучения и преподавания иностранных языков. Преподаватели иностранных языков и смежных дисциплин используют потенциал генИИ для разработки и адаптации учебных материалов, поурочного и долгосрочного планирования обучения, организации работы обучающихся по развитию языковых навыков и речевых умений [Титова, 2024; Crompton et al., 2024; Mananay, 2024].

ГенИИ имеет несомненный потенциал для содействия преподавателю в проверке письменноречевой продукции обучающихся и обеспечения обратной связи (ОС) по ней [Боголепова, Жаркова, 2024; Сысоев и др., 2024б; Li, Liu, 2024; Mizumoto et al., 2024]. Исследования, продемонстрировавшие этот потенциал, использовали в качестве материала эссе на иностранном языке; при этом возможности генИИ для оценивания академических работ до сих пор остаются неизученными. Англоязычный академический дискурс обладает специфическими чертами, которые учитываются как при обучении написанию таких текстов, так и при их оценивании [Дугарцыренова, 2016].

Данная работа ставит целью изучить возможности генИИ для проверки работ в формате Project Proposal и обеспечения ОС по ним. Сопутствующей задачей является сравнение результатов оценки преподавателем и генИИ, а также формата и содержания ОС от двух проверяющих. Сделаны выводы о возможной интеграции усилий преподавателя и потенциала генИИ.

2. Анализ литературы

2.1. Особенности академического дискурса

Написание академического текста – сложный процесс, объединяющий умения выстраивать убедительную аргументацию, логично и эффективно организовывать информацию в тексте, адекватно интегрировать ссылки на научную литературу [Chauhan, 2022]. Академическое письмо выходит за рамки использования адекватных языковых средств или стилистических приемов, включая в себя социокультурные и когнитивные аспекты [Ahmed, 2022; Chauhan, 2022]. Исследователи характеризуют академический дискурс как форму коммуникации, целью которой является создание текста, обладающего научной ценностью и значимостью [Ahmed, 2022; Britton, 2023].

Академический язык включает в себя специфическую лексику и клише, что позволяет добиваться точности выражения смыслов и обеспечивать формальность дискурса, а также сигнализировать о принадлежности научному дискурсивному сообществу. Важной чертой академического письма является ‘хеджирование’ (*hedging*), реализуемое посредством определенных грамматических структур и лексических сочетаний [Nasiri, 2012].

Академический стиль требует последовательной организации текста и следования установленным стандартам [Li, Schmitt, 2009]. Письменный академический дискурс ориентирует читателя посредством дискурсивных маркеров и метатекстовых элементов, позволяющих сделать текст связным и логичным [Farahani, 2022]. В академическом письме абзац признается наименьшей самостоятельной дискурсивной единицей, в связи с этим четкое понимание структуры внутри текста и каждого абзаца имеет критическое значение [Wirantaka, 2016; Бакулов, Богоlepova, 2024]. Такие структурные элементы, как введение с описанием проблематики и постановкой исследовательских задач, обзор литературы, интегрирующий работу в соответствующее исследовательское поле, описание результатов работы и соответствующие выводы, традиционно присутствуют в академическом тексте, что облегчает его восприятие и анализ [Ahmed, 2022].

Следование общепринятым стандартам оформления является важным аспектом академического письма, обеспечивающим единобразие и ясность представленной информации. Несмотря на важность этого аспекта, при написании академического текста многие студенты пре-небрегают им, что впоследствии приводит к затруднению понимания и интерпретации академического текста [Epp et al., 2021; Бакулов, Богоlepova, 2024]. Следование академическим нормам и правилам написания академического текста во многом зависит от научной области, а также от общего уровня подготовки учащихся [Samraj, 2004].

Таким образом, при оценивании письменных академических работ важно обращать внимание не только на языковые особенности дискурса, но и на соответствие требованиям к организации и оформлению текста, его когезию и когерентность, равно как и на соответствие содержания исследовательской работы предписаниям научной области.

2.2. Использование генерированного искусственного интеллекта для проверки письменных работ

В целом, генИИ может использоваться для проверки работ и обеспечения оценочной ОС [Сысоев и др., 2024а]. Хотя генИИ имеет потенциал для индивидуализации оценки и автоматизации проверки, все

еще существует ряд трудностей при эксплуатации ИИ для упомянутых целей [Khalifa, Albadawy, 2024; Боголепова, 2025]. Выявлено, что генИИ может достаточно результативно выявлять грамматические и лексические ошибки, орфографические неточности, проблемы со стилем и структурой текста [Solak, 2024]. Однако ключевой сложностью для ИИ все еще остается ограниченная способность к пониманию особенностей контекста и тонкостей формата той или иной письменной работы. В отличие от преподавателя, ИИ не может учитывать особенности авторского стиля, оценивать глубину или оригинальность мысли [Escalante et al., 2023; Jansen et al., 2024; Solak, 2024].

В равной степени важно рассмотреть не только результативность применения генИИ в оценивании, но и отклик обучающихся на такие нововведения. При получении ОС как от преподавателя, так и от ИИ, студенты отмечали более высокое качество ОС от преподавателя ввиду возможности личного взаимодействия и обсуждения [Jansen et al., 2024]. Однако был сделан вывод о том, что смешанный подход имеет потенциал для формулировки ОС, т.к. он интегрирует структурированность и быстроту ОС от ИИ и более глубокое знание контекста и поддержку от преподавателя [Escalante et al., 2023].

Были проанализированы возможности генИИ для рецензирования научных статей. Выявлена высокая степень согласия между оценками, выставленными генИИ и экспертами-рецензентами (75%) [Checco et al., 2021], что может свидетельствовать о применимости генИИ для автоматизированной проверки академических текстов. Авторы также делают вывод о том, что использование ИИ может ускорить процесс анализа и оценивания статей, при этом снижая риск влияния субъективных факторов на итоговую оценку. Более того, ИИ смог успешно идентифицировать серьезные недостатки в работах, например, бездоказательные утверждения или недостаточно глубокий анализ литературы [Tyser et al., 2024]. Вместе с тем исследователи заметили сложности в выявлении специфических проблем, связанных с соблюдением научных норм и стандартов. Для этого требуется более точное понимание специфики научной области и высокий уровень критического мышления, на что на данном этапе технологического развития ИИ не способен.

При работе с ИИ качество сгенерированного материала во многом зависит от четкости, контекстуальной полноты и детальности используемого промпта [Giray, 2023]. В промпте необходимо использовать конкретные глаголы действия, определить роль ИИ, точно задать ожидаемый результат, а также дать генИИ опору или шаблон [Ekin, 2023].

Разные цели требуют разных подходов к составлению промптов [Schulhoff et al., 2024]. В частности, для создания креативного контента

наиболее подходящим будет стратегия промпт-инжиниринга с использованием иллюстрирующих примеров (few-shot prompting). Стратегия формулировки промптов без примеров и иллюстраций (zero-shot prompting) может быть применена для стандартных и повторяющихся сценариев, но она становится менее эффективной, когда появляется необходимость в решении более комплексных задач. Тогда более релевантной будет стратегия использования цепочки рассуждений (chain-of-thought prompting), т.к. ее основная цель – предоставить ИИ пошаговую инструкцию действий для получения самого точного результата [Dang et al., 2022; Schulhoff et al., 2024].

Таким образом, академический дискурс характеризуется рядом особенностей, включая особый стиль изложения, использование специализированной лексики и клише, соблюдение установленных стандартов оформления, а также логическую связность и последовательность в структуре представляемого материала. В современном образовательном процессе активное внедрение технологий ИИ открывает новые возможности для автоматической проверки и оценки академических текстов, однако эти возможности до сих пор не изучены и не оценены.

3. Методы

3.1. Материал исследования

Материалом исследования стали 20 студенческих работ в формате Project Proposal, написанные студентами, обучающимися по направлению «Лингвистика» в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), в 2023/2024 учебном году. Project Proposal – концепция выпускной квалификационной работы на английском языке, которая имеет определенную структуру и оформляется по стандарту APA. Работы были проверены преподавателем, в течение четырех последних лет ведущим дисциплину «Академическое письмо», по заданным критериям, включающим следующие категории:

1) содержание и использование источников (от 0 до 4 баллов) – в рамках категории оцениваются обоснованность исследовательской ниши пробела, актуальности и цели работы, умения аргументации с опорой на релевантные, актуальные и авторитетные источники, информация из которых интегрирована через цитирование, перифраз и синтез, способность четко описать методы и планируемые результаты;

2) организация и формат (от 0 до 2 баллов) – оценивается когезия и когерентность текста, структура абзаца, использование разнообразных

связующих средств, соответствующих контексту, оформление согласно стилю APA;

3) языковое оформление (от 0 до 4 баллов) – оценивается использование языковых средств для реализации коммуникативных функций, их разнообразие, соблюдение правил пунктуации и академического (научного) стиля письма.

3.2. Оценка работ посредством искусственного интеллекта

Для оценки работ посредством генИИ был разработан промпт на основе описанных выше критериев. На первичном этапе его разработки был применен инструмент для оптимизации исходного промпта (<https://promptperfect.jina.ai/interactive>). PromptPerfect не вносит серьезных корректировок, однако помогает избавиться от многословности при составлении промптов и улучшает качество запрашиваемых критериев с языковой точки зрения, что позволяет формулировать итоговый промпт более четко и структурно.

Для получения обратной связи был выбран генИИ на платформе Talk.AI (<https://talkai.info/chat/>). Пользователи платформы могут без регистрации и ограничений в доступе использовать чат-бот на основе архитектуры GPT, уже демонстрировавший потенциал для обеспечения ОС по студенческим эссе [Боголепова, Жаркова, 2024; Сысоев и др. 2024a].

Посредством разработанного промпта на платформе были оценены первые несколько работ, однако ИИ не обеспечивал достаточно качественную ОС по всем критериям одновременно, что приводило к поверхностным или избыточно детализированным оценкам в отдельных областях без конкретных примеров. По этой причине промпт был реструктурирован на отдельные компоненты, каждый из которых был сфокусирован на конкретном критерии. На следующем этапе разработки была добавлена информация о необходимости оценивания только заданных параметров при выставлении баллов. Например, при оценке критерия «Содержание» ИИ должен был полностью игнорировать лексические и грамматические ошибки, а также ошибки, связанные с логикой и структурой текста. Кроме того, в промпте было отмечено, что итоговый балл по каждому критерию должен быть выражен целым числом, а не дробным (рис. 1).

Благодаря фокусу на каждом критерии по очереди система смогла предоставлять более точные и релевантные комментарии по работе, приводя четкие примеры из академических текстов студентов. Такой подход позволил выявить конкретные сильные и слабые стороны по каждому критерию, что значительно снизило риск упущения важных аспектов и ошибок в анализируемых работах.

Imagine you are an academic writing instructor. Your students wrote a paper called “Project Proposal” in which they review academic literature on a topic stated in the heading and propose how they will conduct research or do a project to achieve the goal and objectives stated in the introduction. Assess the paper based on the criteria below, suggest a grade out of 4 points, and provide detailed feedback ONLY for the aspect “Content”, listing all the examples from the paper that illustrate both the strong sides and drawbacks. All mistakes and non-compliance with the criterion “Content and source use” must be listed. Currently, grammatical and lexical mistakes are not analyzed. The score for a criterion must be a whole number; fractional assessments are not permitted.

The criteria: <...>

Рис. 1. Промпт для формулировки обратной связи на основе критериев
(для оценки содержания работы)

Fig. 1. Prompt for formulating criteria-based feedback
(for assessing the content of the work)

3.3. Анализ результатов

По каждой работе были сопоставлены баллы, выставленные преподавателем и ИИ как по отдельным категориям, так и итоговые. Количественный анализ был осуществлен с помощью онлайн-инструмента Source Table (<https://sourcetable.com/>). Были вычислены статистические коэффициенты, позволившие оценить согласованность оценок двух проверяющих.

Текстовые комментарии были проанализированы тематически. Первично выделив основные темы и подтемы с помощью инструмента генИИ (Talk.AI), авторы затем вручную проанализировали ОС, используя цветовую кодировку, в результате чего некоторые темы были добавлены или скорректированы. После этого авторы вторично проанализировали ОС и внесли финальные правки в список основных тем. Наконец, были посчитаны комментарии в соответствии с каждой из тем, что позволило выделить основные акценты в оценочной ОС от генИИ как по отдельным работам, так и по всей исследуемой выборке.

В свою очередь, комментарии от преподавателя по 20 проверенным работам также были собраны и тематически проанализированы. На первой стадии работы с ОС комментарии были вычитаны и распределены по аспектам, заданным в критериях оценивания. Далее был проведен качественный и количественный анализ ОС преподавателя, а также выполнена цветовая кодировка по ранее сформированным темам для дальнейшего сопоставления с комментариями, данными генИИ.

4. Результаты

4.1. Количественная оценка

Количественный анализ дал неоднозначные результаты. Только 25% работ были оценены одинаково преподавателем и ИИ, но 60% оценок различаются меньше, чем на один балл. Величина каппы Коэна (0,096) сигнализирует о крайне низкой согласованности результатов оценивания. Однако коэффициент Пирсона ($r = 0,68$; $p = 0,0005$) показывает, что в вопросе отнесения работы к определенной категории по качеству преподаватель и генИИ преимущественно совпадают, т.е. если преподаватель оценил работу высоко, генИИ также ставит высокую оценку. Преподаватель в целом имеет тенденцию к выставлению более высоких оценок ($M = 7,1$, что на 0,8 больше, чем в среднем выставляет ИИ), а также выставляет оценки в более широком диапазоне (от 4 до 10 баллов; ИИ – от 5 до 7 баллов).

Сравнив баллы по категориям, мы наблюдаем наибольшую согласованность (как систематическую, так и абсолютную) в оценке языкового оформления. По аспекту «Содержание и использование источников» наблюдается наибольшее различие по оценке.

4.2. Качественная оценка

ГенИИ формулировал оценочную ОС на основе заданных критериев, выделяя как сильные, так и слабые стороны в работах. ИИ структурировал ОС двумя разными способами: или вычленял отдельные аспекты в критериях оценки и давал комментарий по плюсам и минусам каждого из них, сопровождая утверждения примерами, или по очереди перечислял сильные и слабые стороны внутри каждой крупной категории, также иллюстрируя тезисы примерами (табл. 1 и 2).

Агрегированная ОС от ИИ позволяет определить, что сильными сторонами проанализированных работ являются четкая идентификация исследовательской ниши и постановка исследовательских задач, достаточная контекстуализация работы в исследовательском поле, разделение работы на разделы, каждый из которых выполняет свою функцию, общий академический стиль работы (эти аспекты выделены в более 50% работ).

ИИ, при этом, позволяет выделить и слабые стороны в академических работах студентов, такие как поверхностный анализ и слабость аргументации, перегруженность абзацев и предложений, отсутствие связности между элементами академического дискурса и однообразие средств связи, многочисленные отступления от стандартов оформления (табл. 2).

Таблица 1

**Тематический анализ обратной связи от искусственного интеллекта:
сильные стороны студенческих работ**

[Thematic analysis of feedback by AI: Strengths of students' works]

Аспект [Aspect]	Тематический анализ [Thematic analysis]	Пример [Example]
Обоснование [Justification]	Выявление исследовательской ниши ($n = 15$) и четкая постановка исследовательских целей/задач (13); аргументация актуальности (7) [Identification of a research niche ($n = 15$) and clear formulation of research goals/objectives (13); argumentation of relevance (7)]	The objectives of the research are clearly stated, particularly the focus on how emotional information and information structure are transmitted in simultaneous interpretation.
Контекстуализация [Contextualization]	Описание исследовательского поля и соотнесение своего исследования с ним (16), синтез информации из различных источников при анализе литературы (5), убедительная аргументация практической значимости работы (6) [Description of the research field and correlation of your research with it (16), synthesis of information from various sources in the analysis of literature (5), convincing argumentation of the practical significance of the work (6)]	The literature review is comprehensive, incorporating a variety of sources that discuss the evolution of taste as a sensory experience (e.g., Clasen, 1993; Goossens, 2007) and the role of metaphors in food discourse.
Источники [Sources]	Авторитетные (7) / ревевантные (10) / современные (5) [Authoritative (7) / relevant (10) / modern (5)]	The literature review includes a variety of sources that demonstrate the interconnection between language and culture, such as Krampsch (2014) and Melton (2010).
Методы исследования [Research methods]	Аргументация выбора и четкое описание методов (7) [Reasoning for choice and clear description of methods (7)]	The methods section outlines a clear strategy for the research, utilizing both content analysis and comparative analysis.

Организация текста [Organization of text]	Четкие разделы (введение, литературный обзор и т.д.) (16) и заголовки к ним (8); развитие идей от раздела к разделу (7) [Clear sections (introduction, literature review, etc.) (16) and headings to them (8); development of ideas from section to section (7)]	The paper generally follows a logical progression from the introduction through the literature review, methodology, and anticipated results.
Абзацы [Paragraphs]	Корректное разделение на абзацы (8), отдельный абзац развивает одну идею (7) [Correct division into paragraphs (8), each paragraph develops one idea (7)]	For instance, the literature review is divided into coherent paragraphs that discuss different aspects and studies related to CLIL.
Предложения [Sentences]	Сложные предложения (4), адвективное сочетание простых и сложных предложений (4) [Complex sentences (4), adequate combination of simple and complex sentences (4)]	The author employs complex sentences to convey sophisticated ideas, such as, “Owing to the achievements in the domain of neuroscience, at the present time the obstacles students face, while acquiring foreign languages, can be tackled.”
Стиль [Style]	Формальный (академический) стиль (11), речевые клише, ему свойственные (5) [Formal (academic) style (11), speech clichés characteristic of it (5)]	The overall tone remains formal and academic, which is appropriate for the context. Phrases like “the primary aim of this paper” and “this study presupposes” maintain an academic style.
Лексика [Vocabulary]	Разнообразная (9), релевантная (7), академическая (9); используются специальная/тематическая лексика (4) и термины (3) [Diverse (9), relevant (7), academic (9); uses specialized/topical vocabulary (4) and terms (3)]	The author demonstrates a good command of academic vocabulary, using terms such as “morphemic,” “etymological,” “semantic,” and “neologism” appropriately throughout the text.

Таблица 2

Тематический анализ обратной связи от искусственного интеллекта: слабые стороны студенческих работ
 [Thematic analysis of feedback by AI: Weaknesses of students' works]

Аспект [Aspect]	Тематический анализ [Thematic analysis]	Пример [Example]
Обоснование [Justification]	Недостаточно доказательной информации (7) и примеров (5), поверхностный (не критический) анализ (10); отсутствие поддержки основного тезиса на протяжении всей работы (5), недостаточная аргументация актуальности проблемы и выбора исследовательской ниши (8), нечеткая формулировка аргументов (7), слабая аргументация значимости исследования и практического применения результатов (7), аргументация не развита / слабая (5) [Insufficient supporting information (7) and examples (5), superficial (not critical) analysis (10); lack of support for the main thesis throughout the work (5), insufficient argumentation for the relevance of the problem and the choice of research niche (8), unclear formulation of arguments (7), weak argumentation for the significance of the study and the practical application of the results (7), argumentation is not developed / weak (5)]	While the gap is mentioned, the justification could be further strengthened by providing more specific examples or data illustrating the current state of social advertising in Russia. Some arguments lack depth or could be better supported with a more thorough analysis of the implications of the identified stereotypes.
Контекстуализация [Contextualization]	Перечисление идей из источников без интеграции (5); слабое соотнесение идей из источников и основного тезиса (9) [Listing ideas from sources without integration (5); weak correlation of ideas from sources and the main thesis (9)]	While the literature review mentions various studies, the connections between these studies and the central argument could be more explicitly drawn. The argument regarding the distinction between localization and intercultural communication is not always clearly articulated.

Источники [Sources]	Устаревшие (13) / однообразные (1) / нерелевантные (2) / неавторитетные (2) / поддерживающие только одну точку зрения (1) / ненужные (4) [Outdated (13) / monotonous (1) / irrelevant (2) / authoritarian (2) / one-sided (1) / unscientific (4)]	A few sources appear outdated or lack direct relevance to the specific focus on social advertising (e.g., Weber, 1968).
Абзацы [Paragraphs]	Слишком длинные и развивают несколько идей (18) [Too long and develop several ideas (18)]	Some paragraphs, especially in the Literature Review, feel packed with information, which can disrupt the flow. For instance, the discussion on the use of technologies in education combines multiple studies without clear segmentation.
Организация текста [Text organization]	Переходы между разделами (9), абзацами (2), предложениями (3) и идеями (12) слишком резкие или неочевидные; нет подразделов в анализе литературы (2), методах (1) и планируемых результатах (1) [Transitions between sections (9), paragraphs (2), sentences (3), and ideas (12) are too abrupt or unclear; there are no subsections in the literature review (2), methods (1), and planned results (1)]	However, within some sections, particularly the Literature Review, the flow of ideas can feel disjointed. For example, the transition between the definitions of neologisms and the discussion of their societal relevance could be smoother, as the abrupt shifts may confuse readers.
Связки [Links]	Повторяющиеся и однообразные (17), употреблены неверно (7) [Repetitive and monotonous (17), used incorrectly (7)]	However, some cohesive devices are used repetitively ("What is more" appears multiple times), which can lead to redundancy.
Форматирование [Formatting]	Недочеты в оформлении списка литературы (отсутствие капитализации, наклонного шрифта, номиров страниц, DOI; использование точек и запятых; неверное расположение элементов) (19), некорректное форматирование внутритестовых ссылок (5),	Some in-text citations lack proper punctuation or formatting (e.g., missing commas or incorrect placement of years), which detracts from the overall professionalism of the paper.

Окончание табл. 2

Аспект [Aspect]	Тематический анализ [Thematic analysis]	Пример [Example]
	несоответствие внутритекстовых ссылок стилю литературы (8) [Deficiencies in the formatting of the bibliography (lack of capitalization, italic font, page numbers, DOI; use of periods and commas; incorrect placement of elements) (19), inconsistency of in-text references (5), inconsistency between in-text references and the bibliography (8)]	The reference list itself contains minor formatting errors, such as inconsistent use of italics and punctuation.
Стиль [Style]	Многословность и избыточность (11), длинные (перегруженные) и сложные для понимания предложения (12), разговорный стиль / отклонения от академического стиля (8) [Verbosity and redundancy (11), long (overloaded) and difficult to understand sentences (12), colloquial style / deviations from academic style (8)]	Some sentences are overly complex or convoluted, making them hard to follow. For example, “The emergence of the study can be observed in the works of the prominent Soviet psychologists of the 20th century” could be more straightforwardly phrased as “The study emerged from the work of prominent Soviet psychologists in the 20th century.”
Грамматика [Grammar]	Непоследовательность в использовании времен (7), грамматические ошибки (5), ошибки в параллельных конструкциях (2) [Inconsistency in the use of tenses (7), grammatical errors (5), errors in parallel constructions (2)]	The paper shifts between present and past tense inconsistently. For example, “this study will help to understand” (future) and “this study confirms” (present) are used together without clear rationale.
Пунктуация [Punctuation]	Использование запятых: сложные предложения (2), причастные и другие обороты (4), списки (3), выражение связок (1); использование кавычек (3), точки с запятой (1) [Use of commas: complex sentences (2), participial and other phrases (4), lists (3), identifying connectives (1); use of quotation marks (3), semicolons (1)]	In the sentence “It means that texts become available to international audiences which, in turn, contributes to the transfer of knowledge,” there should be a comma before “which” to clarify the non-restrictive clause.

Преподаватель подходит к оценочной ОС иначе. Основная часть ОС дана в виде комментариев на полях, указывающих на недочеты в работе, количество которых значительно варьируется от работы к работе (от 0 до 48). Преподаватель дает намного более сжатую ОС: в среднем на работу в ОС от ИИ 1108 слов, от преподавателя – 124 слова. Большинство работ (17) также снабжены краткой итоговой ОС на основе критериев, в которой отмечаются как сильные, так и слабые стороны работы (см. пример, рис. 2).

Content and source use: Fully corresponds; within a broader context; support is appropriate; the gap is clearly stated; the choice of sources is appropriate.

Language: Organization is clear, some issues of a paragraph division are present, some inconsistencies in the APA style are apparent.

Organization and format: Effective communicative structures, which are accurately used, yet there are a few inaccuracies (mainly in punctuation and in articles), style is academic.

Рис. 2. Пример обратной связи преподавателя на основе критериев

Fig. 2. Instructor's feedback based on criteria

Комментарии преподавателя «на полях» акцентировали схожие с ИИ аспекты, однако преподносились в ином формате. Их формулировки указывали на тип ошибки, недостаточность аргументации или отсутствие содержательных элементов без непосредственного их исправления (табл. 3). Больше всех комментариев относились к организации и формированию текста (51 и 45 соответственно, в совокупности 96 для всей категории).

Тематический анализ ОС от ИИ выявил ее недостатки. Иногда ИИ относит информацию к неверной категории. Например, обсуждая содержание работы, в пример платформа приводит недостатки организации текста: *the transition between discussing the historical perception of taste and its current status in hedonistic culture could be more seamless to enhance understanding*. В нескольких случаях ИИ считает ошибкой то, что ей не является, например, предлагая добавить запятые там, где они не требуются. ИИ не дает полноценного представления о том, насколько часто обнаруженный недостаток встречается в работе, для этого необходим отдельный анализ. ГенИИ не полностью осознает специфику академических текстов и требований к ним, считая, например, тавтологией повторения основной терминологии и предлагая перефразировать ее.

Таблица 3

Тематический анализ комментариев преподавателя
 [Thematic analysis of instructor's commentaries]

Категория [Category]	Темы [Topics]	Пример комментария [Example of a comment]
Содержание и использование источников (59 комментариев) [Content and use of sources (59 comments)]	Четкая аргументация; включение необходимых содержательных элементов в раздел; поддержка тезисов ссылками на источники; опора на современные и релевантные источники; разъяснение используемой терминологии [Clear argumentation; inclusion of necessary substantive elements in the section; supporting thesis with references to sources; reliance on current and relevant sources; explanation of the terminology used]	Evidence/reference to prove that... Were the goals outlined? Anticipated results remain unclear concerning the results of the morphemic analysis, semantic analysis and etymological analysis Clarification on methodology, sampling and data processing is needed The authors of the statement remain unclear
Язык (42 комментария) [Language (42 comments)]	Грамотное использование языковых средств; четкое донесение смысла посредством языковых средств; использование речевых клише; академический стиль текста [Competent use of linguistic means; clear communication of meaning through linguistic means; use of speech clichés; academic writing style]	Questionable use of the grammar form meaning unclear Hedging is needed ineffective and bulky grammar structure, inappropriate word
Организация текста и форматирование (96 комментариев) [Text organization and formatting (96 comments)]	Структура работы; разделение на абзацы; использование связок; форматирование по APA [Structure of the work; division into paragraphs; use of transitions; APA formatting]	Ineffective paragraphing The paragraph is not connected to the previous idea A transition is needed Page number missing

5. Обсуждение результатов

Данное исследование посвящено исследованию потенциала генИИ для оценивания академических работ в формате Project Proposal. Выявлено, что ИИ ориентируется на заданные критерии и способен аргументировать выставленную отметку, а также сформулировать ОС в соответствии с ними. Как и в предыдущих исследованиях (см. обзор [Боголепова, 2025]), были определены такие положительные черты ОС от ИИ, как информативность и ее конструктивный характер, но при этом для нее также характерны избыточность и шаблонность.

Хотя согласованность оценок преподавателя и генИИ низка, оба проверяющих сходно оценивают качество работы. Наибольшая согласованность в оценке наблюдается в категории «Языковое оформление», наименьшая – в категории «Содержание и использование источников». Можно предположить, что опытный преподаватель лучше, чем ИИ, понимает специфические требования к содержанию работы, что было показано и на примере ОС на эссе [Steiss et al., 2024].

И генИИ, и преподаватель ориентируются на критерии оценивания и акцентируют следующие аспекты, характеризующие качественный академический (научный) текст:

- интеграция исследования в соответствующий академический контекст;
- связность текста на уровне разделов, абзацев, предложений;
- абзацы, не перегруженные информацией и развивающие один основной тезис;
- академический стиль и соответствующие языковые средства и речевые клише, без повторений, избыточности и перегруженности предложений;
- корректное оформление работы и источников согласно стандарту APA;
- четкая аргументация и поддержка тезисов.

ОС от ИИ и комментарии преподавателя, однако, имеют свою специфику. ИИ чаще подмечает отдельные неточности в языковом и пунктуационном оформлении, ошибки в форматировании и несоответствиях на уровне предложения, в то время как преподаватель отмечает отдельные неточности в тексте, а в итоговой ОС суммирует сильные и слабые стороны на уровне всей работы. Кроме того, преподаватель формулирует комментарии, указывая на тип ошибки, задавая наводящие вопросы, но не предлагая однозначных исправлений. Склонность ИИ к выделению локальных аспектов и преподавателя – к балансу характеристик, а также развивающий характер комментариев преподавателя отмечаются и в других исследованиях [Dai et al., 2023; Guo Wang, 2024].

ГенИИ не учитывает специфики контекста и не имеет информации об индивидуальных особенностях и потребностях отдельного студента, поэтому дает подробную ОС по всем критериям, что было отмечено и в исследованиях на другом текстовом материале [Almegren et al., 2024]. Преподаватель же, напротив, такой информацией обладает и может таргетировать ОС в соответствии с ней. В то же время опыт взаимодействия со студентом может являться и причиной необъективной оценки (так называемый «эффект гало» [Spear, 1996]). Первичная оценка работы с помощью генИИ может помочь минимизировать этот эффект и дать преподавателю основу, которую он будет редактировать в соответствии с контекстом.

Краткость комментариев преподавателя является несомненным плюсом в эпоху коротких форматов и сокращающегося времени концентрации внимания, но они могут быть недостаточно информативными для дальнейшей коррекции деятельности обучающегося [Сысоев и др., 2024б]. Хотя ИИ уступает опытным преподавателям по способности оценить содержание работы, информативная ОС от ИИ может стать элементом формирующего оценивания [Steiss et al., 2024]. Постоянная доступность генИИ не только для получения ОС, но и для уточнения неясных моментов и получения дополнительной информации делает его инструментом непрерывного развития и обучения, однако студентов необходимо обучать целенаправленному использованию ИИ для решения таких задач [Авраменко, Буланова, 2024].

ГенИИ, как было выявлено, дает возможность не только оценить сильные и слабые стороны отдельной работы, но и выделить типичные недочеты в работах группы студентов, что позволяет осуществить образовательную аналитику и скорректировать учебную программу в соответствии с нуждами студентов. Потенциал ИИ для индивидуализации и персонализации обучения является неоспоримым фактом [Сысоев, 2025]; в плане анализа письменноречевой продукции индивидуализация может осуществляться как при получении ОС от ИИ студентом, так в результате анализа агрегированной ОС преподавателем и последующей коррекции программы обучения и разработки учебных материалов.

6. Выводы

В ходе исследования было выявлено, что генИИ способен оценивать академические работы в формате Project Proposal и давать ОС, основанную на критериях. Однако наблюдается низкая степень согласованности оценок генИИ и преподавателя, что, по всей вероятности, обусловлено различиями в подходах к оцениванию и особенностями формирования

итоговых оценочных суждений: ИИ ориентируется на заданные критерии и дает более стандартные, шаблонные комментарии, в то время как преподаватель использует более субъективные и контекстуальные оценки, формируя итоговую ОС в виде комментариев по тексту и кратких выводов с акцентом на сильные и слабые стороны работы. В целом, генИИ может быть эффективным инструментом для формирования предварительной или формирующей оценки и выявления типичных ошибок.

Библиографический список / References

Авраменко, Буланова, 2024 – Авраменко А.П., Буланова Е.Р. Перспективы развития самостоятельной работы студентов в контексте интеграции технологий искусственного интеллекта в иноязычное образование // Рема. Rhema. 2024. № 1. С. 79–91. DOI: 10.31862/2500-2953-2024-1-79-91. [Avramenko A.P., Bulanova E.R. Perspectives of developing students' independent work in the context of integrating artificial intelligence technologies into foreign language education. Rhema. 2024. No. 1. Pp. 79–91. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2953-2024-1-79-91]

Бакулов, Боголепова, 2024 – Бакулов А.В., Боголепова С.В. Современные подходы к обучению иностранному языку в преподавании академического письма // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 509. С. 113–120. DOI: 10.17223/15617793/509/11. [Bakulev A.V., Bogolepova S.V. Modern approaches to foreign language teaching in academic writing instruction. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2024. No. 509. Pp. 113–120. (In Rus.). DOI: 10.17223/15617793/509/11]

Боголепова, 2025 – Боголепова С.В. Возможности инструментов искусственного интеллекта для проверки письменных работ и формулировки обратной связи // Дискурс профессиональной коммуникации. 2025. Т. 7. № 1. С. 70–88. DOI: 10.24833/2687-0126-2025-7-1-70-88 [Bogolepova S.V. The potential of AI tools for written work assessment and feedback formulation. Diskurs professionalnoy kommunikatsii. 2025. Vol. 7. No. 1. Pp. 70–88. (In Rus.). DOI: 10.24833/2687-0126-2025-7-1-70-88]

Боголепова, Жаркова, 2024 – Боголепова С.В., Жаркова М.Г. Исследование потенциала генеративных моделей для оценивания эссе и обеспечения обратной связи // Отечественная и зарубежная педагогика. 2024. Т. 1. № 5 (101). С. 123–137. DOI: 10.24412/2224-0772-2024-101-123-137 [Bogolepova S.V., Zharkova M.G. Exploring the potential of generative models for essay evaluation and feedback provision. Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika. 2024. Vol. 1. No. 5 (101). Pp. 123–137. (In Rus.). DOI: 10.24412/2224-0772-2024-101-123-137]

Дугарцыренова, 2016 – Дугарцыренова В.А. Трудности обучения иноязычному академическому письму // Высшее образование в России. 2016. № 6. С. 106–112. [Dugartsyrenova V.A. Challenges in teaching foreign academic writing. Vysshee obrazovanie v Rossii. 2016. No. 6. Pp. 106–112.]

Сысоев, 2025 – Сысоев П.В. Персонализированное обучение на основе технологий искусственного интеллекта: насколько готовы современные студенты к новым возможностям получения образования // Высшее образование

в России. 2025. Т. 34. № 2. С. 51–71. DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-2-51-71 [Sysoev P.V. AI-based personalized learning: How ready are modern students for new educational opportunities? *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2025. Vol. 34. No. 2. Pp. 51–71. (In Rus.). DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-2-51-71]

Сысоев и др., 2024а – Сысоев П.В., Филатов Е.М., Сорокин Д.О. Обратная связь в обучении иностранному языку: от информационных технологий к искусственному интеллекту // Язык и культура. 2024. № 65. С. 242–261. DOI: 10.17223/19996195/65/11 [Sysoev P.V., Filatov E.M., Sorokin D.O. Feedback in foreign language learning: From information technologies to artificial intelligence. *Yazyk i kultura*. 2024. No. 65. Pp. 242–261. (In Rus.). DOI: 10.17223/19996195/65/11]

Сысоев и др., 2024б – Преподаватель vs искусственный интеллект: сравнение качества предоставляемой преподавателем и генеративным искусственным интеллектом обратной связи при оценке письменных творческих работ студентов / П.В. Сысоев, Е.М. Филатов, Н.И. Хмаренко, С.С. Мурунов // Перспективы науки и образования. 2024. № 5 (71). DOI: 10.32744/pse.2024.5.41 [Sysoev P.V., Filatov E.M., Khmarenko N.I., Murunov S.S. Teacher vs AI: Comparing the quality of feedback provided by instructors and generative AI in assessing students' written work. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 2024. No. 5 (71). (In Rus.). DOI: 10.32744/pse.2024.5.41]

Титова, 2024 – Титова С.В. Технологические решения на базе искусственного интеллекта в обучении иностранным языкам // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 2. С. 18–37. [Titova S.V. AI-based technological solutions in foreign language teaching. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*. 2024. Vol. 27. No. 2. Pp. 18–37. (In Rus.)]

Ahmed, 2022 – Ahmed A.A.M. Academic writing: Types, elements, and strategies. *International Journal of Language, Humanities, and Education*. 2022. Vol. 5. No. 2. Pp. 60–70.

Almegren et al., 2024 – Almegren A., Mahdi H. S., Hazaee A. N. et al. Evaluating the quality of AI feedback: A comparative study of AI and human essay grading. *Innovations in Education and Teaching International*. 2024. DOI: 10.1080/14703297.2024.2437122

Britton, 2025 – Britton C. Academic writing: Key components, structure, and avoiding plagiarism. *Journal of Perioperative Practice*. 2025. Pp. 207–212. DOI: 10.1177/17504589241310405

Chauhan, 2022 – Chauhan P. Fundamentals of academic writing: A literature review. *Journal of NELTA*. 2022. Vol. 27. No. 1-2. Pp. 161–180. DOI: 10.3126/nelta.v27i1-2.53201

Checco et al., 2021 – Checco A., Bracciale L., Loret P. et al. AI-assisted peer review. *Humanities and Social Sciences Communications*. 2021. Vol. 8. No. 25. DOI: 10.1057/s41599-020-00703-8

Crompton et al., 2024 – Crompton H. et al. AI and English language teaching: Affordances and challenges. *British Journal of Educational Technology*. 2024. Vol. 55. No. 6. Pp. 2503–2529. DOI: 10.1111/bjet.13460

Dai et al., 2023 – Dai W., Lin J., Jin F. et al. Can large language models provide feedback to students? A case study on ChatGPT. *EdArXiv Preprint*. 2023. DOI: 10.35542/osf.io/hcgzj

Dang et al., 2022 – Dang H. et al. How to prompt? Opportunities and challenges of zero-and few-shot learning for human-AI interaction in creative applications of generative models. *arXiv preprint arXiv:2209.01390*. 2022.

Ekin, 2023 – Ekin S. Prompt engineering for ChatGPT: A quick guide to techniques, tips, and best practices. *Authorea Preprints*. 2023.

Escalante et al., 2023 – Escalante J., Pack A., Barrett A. AI-generated feedback on writing: Insights into efficacy and ENL student preference. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 2023. Vol. 20. No. 1. Pp. 57. DOI: 10.1186/s41239-023-00425-2

Farahani, 2023 – Farahani M.V. Dynamicity of interaction in academic discourse: Evidence from a corpus-based study. *Forum for Linguistic Studies*. 2023. Vol. 5. No. 3. DOI: 10.59400/fls.v5i3.1895

Giray, 2023 – Giray L. Prompt engineering with ChatGPT: A guide for academic writers. *Annals of Biomedical Engineering*. 2023. Vol. 51. No. 12. Pp. 2629–2633. DOI: 10.1007/s10439-023-03272-4

Guo, Wang, 2024 – Guo K., Wang D. To resist it or to embrace it? Examining ChatGPT's potential to support teacher feedback in EFL writing. *Education and Information Technologies*. 2024. Vol. 29. No. 7. Pp. 8435-8463. DOI: 10.1007/s10639-023-12146-0

Jansen et al., 2024 – Jansen T., Höft L., Bahr L. et al. Comparing generative AI and expert feedback to students' writing: Insights from student teachers. *Psychologie in Erziehung und Unterricht*. 2024. Vol. 71. No. 2. Pp. 80–92. DOI: 10.2378/peu2024.art08d

Khalifa, Albadawy, 2024 – Khalifa M., Albadawy M. Using artificial intelligence in academic writing and research: An essential productivity tool. *Computer Methods and Programs in Biomedicine Update*. 2024. Article number 100145. DOI: 10.1016/j.cmpbup.2024.100145

Li, Liu, 2024 – Li W., Liu H. Applying large language models for automated essay scoring for non-native Japanese. *Humanities and Social Sciences Communications*. 2024. Vol. 1. Article number 723. DOI: 10.1057/s41599-024-03209-9

Li, Schmitt, 2009 – Li J., Schmitt N. The acquisition of lexical phrases in academic writing: A longitudinal case study. *Journal of Second Language Writing*. 2009. Vol. 18. No. 2. Pp. 85–102. DOI: 10.1016/j.jslw.2009.02.001

Mananay, 2024 – Mananay J.A. Integrating artificial intelligence (AI) in language teaching: Effectiveness, challenges, and strategies. *International Journal of Learning, Teaching and Educational Research*. 2024. Vol. 23. No. 9. Pp. 361–382. DOI: 10.26803/ijlter.23.9.19

Mizumoto et al., 2024 – Mizumoto A., Shintani N., Sasaki M., Feng Teng M. Testing the viability of ChatGPT as a companion in L2 writing accuracy assessment. *Research Methods in Applied Linguistics*. 2024. Vol. 3. No. 2. Article number 100116. DOI: 10.1016/j.rmal.2024.100116

Nasiri, 2012 – Nasiri S. Academic writing: The role of culture, language and identity in writing for community. *International Journal of Learning & Development*. 2012. Vol. 2. No. 3. Pp. 1–8. DOI: 10.5296/ijld.v2i3.1530

Samraj, 2004 – Samraj B. Discourse features of the student-produced academic research paper: Variations across disciplinary courses. *Journal of English for Academic Purposes*. 2004. DOI: 10.1016/S1475-1585(03)00053-5

Schulhoff et al., 2024 – Schulhoff S. et al. The prompt report: A systematic survey of prompting techniques. *arXiv preprint arXiv:2406.06608*. 2024. Vol. 5.

Solak, 2024 – Solak E. Examining writing feedback dynamics from ChatGPT AI and human eucators: A comparative study. *Pedagogika – Pedagogy*. 2024. Vol. 96. No. 7. Pp. 955–969. DOI: 10.53656/ped2024-7.05

Spear, 1996 – Spear M. The influence of halo effects upon teachers' assessments of written work. *Research in Education*. 1996. Vol. 56. No. 1. Pp. 85–87. DOI: 10.1177/003452379605600107

Steffen et al., 2021 – Epp S., Hoffmann M., Lell N. et al. Stereo: A pipeline for extracting experiment statistics, conditions, and topics from scientific papers. *The 23rd International Conference on Information Integration and Web Intelligence (iiWAS2021)*. 2021. P. 25. DOI: 10.1145/3487664.3487712

Steiss et al., 2024 – Steiss J., Tate T., Graham S. et al. Comparing the quality of human and ChatGPT feedback of students' writing. *Learning and Instruction*. 2024. Vol. 91. Art. 101894. DOI: 10.1016/j.learninstruc.2024.101894

Tyser et al., 2024 – Tyser K. et al. AI-driven review systems: Evaluating LLMs in scalable and bias-aware academic reviews. *arXiv preprint arXiv:2408.10365*. 2024.

Wirantaka, 2016 – Wirantaka A. Paragraph writing of academic texts in an EFL context. *Journal of Foreign Language Teaching and Learning*. 2016. Vol. 1. No. 2. Pp. 34–45.

Статья поступила в редакцию 01.05.2025

The article was received on 01.05.2025

Сведения об авторах / About the authors

Боголепова Светлана Викторовна – кандидат филологических наук, доцент; доцент Школы иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Svetlana V. Bogolepova – PhD in Philology; associate professor at the School of Foreign Languages, HSE University, Moscow

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1050-9110>

E-mail: sbogolepova@hse.ru

Греченко Анастасия Александровна – тьютор, приглашенный преподаватель Школы иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Anastasiia A. Grechenko – tutor, visiting lecturer at the School of Foreign Languages, HSE University, Moscow

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-3173-6932>

E-mail: agrechenko@hse.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи
All authors have read and approved the final manuscript

И.В. Ефремова, А.А. Цымбал

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
119571 г. Москва, Российская Федерация

Обучение студентов направления «Международные отношения» техникам герменевтического понимания англоязычных новостных статей

В условиях информационного общества и обострения геополитической ситуации умение критически анализировать англоязычные новостные статьи становится одной из ключевых компетенций для специалистов в сфере международных отношений, что делает актуальным поиск эффективных методов обучения этому навыку. Авторы доказывают, что традиционные методы недостаточно эффективны, т.к. не учитывают контекст, подтекст и авторскую позицию. Предлагается интеграция герменевтического подхода, который позволяет глубже понять смысл текста, учитывая его исторические, культурные и индивидуальные особенности. Проведенное исследование демонстрирует эффективность обучения герменевтическим техникам для повышения уровня понимания студентами публицистических текстов общественно-политической тематики.

Ключевые слова: критический анализ, техники понимания текста, реферирование английских статей, обучение реферированию, герменевтический анализ, английский язык, информационный анализ

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ефремова И.В., Цымбал А.А. Обучение студентов направления «Международные отношения» техникам герменевтического понимания англоязычных новостных статей // Рема. Rhema. 2025. № 3. С. 103–124. DOI: 10.31862/2500-2953-2025-3-103-124

I. Efremova, A. Tsymbal

RANEPA,
Moscow, 119571, Russian Federation

Teaching International Relations students techniques for hermeneutic understanding of English-language news articles

In the contemporary information landscape characterized by escalating geopolitical tensions, the capacity to critically analyze English-language news articles has become a paramount competency for professionals in international relations. This necessitates effective pedagogical approaches to cultivate this skill. The authors argue that conventional methods fall short, neglecting the crucial aspects of context, subtext, and authorial perspective. They advocate for the integration of the hermeneutical approach, a methodology that facilitates a deeper understanding of textual meaning by incorporating historical, cultural, and individual dimensions. The conducted research demonstrates the efficacy of hermeneutical technique training in enhancing students' comprehension of socio-political publicist texts.

Key words: critical analysis, text comprehension techniques, abstracting English articles, training in abstracting, hermeneutic analysis, English language, information analysis

FOR CITATION: Efremova I., Tsymbal A. Teaching International Relations students techniques for hermeneutic understanding of English-language news articles. *Rhema*. 2025. No. 3. Pp. 103–124. DOI: 10.31862/2500-2953-2025-3-103-124

Введение

В современном мире, где информация становится ключевым ресурсом, способность критически анализировать и интерпретировать англоязычные новостные статьи становится неотъемлемой частью профессиональной подготовки студентов направления «Международные отношения». Согласно ФГОС ВО 3++ будущий специалист в сфере международных

отношений должен быть «способен осуществлять эффективную коммуникацию в мультикультурной профессиональной среде на государственном языке Российской Федерации и иностранном(ых) языке(ах) на основе применения понятийного аппарата по профилю деятельности» согласно ОПК-1, а также «способен выделять, систематизировать и интерпретировать содержательно значимые эмпирические данные из потоков информации, а также смысловые конструкции в оригинальных текстах и источниках по профилю деятельности»¹ согласно ОПК-3. Как видно из указанных компетенций, специалист в сфере международных отношений должен уметь работать с текстом на языке оригинала, анализировать его и делать соответствующие выводы в рамках профессиональной деятельности. В контексте создавшейся политической ситуации умение не только читать, но и глубоко понимать контекст, подтекст и скрытые значения новостей приобретает особую актуальность.

В данной статье представлено обоснование необходимости интеграции герменевтического подхода в обучение студентов по направлению «Международные отношения» анализу англоязычных новостных статей.

Хотя герменевтические методы интерпретации текста широко применялись в лингвистике и педагогике (например, исследования А.М. Артамоновой, М.А. Алексеенко, В.О. Богдановой, А.И. Макарова, Д.Р. Яворского), их применение в контексте обучения критическому анализу англоязычных новостных статей, освещающих общественно-политические темы в условиях современной международной напряженности, остается недостаточно изученным.

В отличие от предыдущих исследований, которые фокусировались на общих принципах и методах герменевтического анализа текста, развитии лингвистической компетенции и углубленном понимании структуры и содержания литературных или специализированных текстов, данная статья предлагает комплексную методику, интегрирующую герменевтические принципы с техниками критического мышления и элементами межкультурной коммуникации. Наше исследование направлено на адаптацию и интеграцию герменевтических техник для развития у студентов-международников навыков выявления пропагандистских нарративов, анализа риторических приемов и осознания собственных предубеждений при работе с англоязычными источниками, освещающими общественно-политические события.

¹ Приказ Министерства образования и науки РФ от 15 июня 2017 г. № 555 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 41.03.05 “Международные отношения”» (с изменениями и дополнениями). Редакция с изменениями № 1456 от 26.11.2020.

1. Теоретический обзор

Традиционные методы обучения чтению на английском языке часто ограничиваются формальным анализом текста, не уделяя должного внимания его имплицитному пониманию – культурному контексту, историческим предпосылкам и авторской позиции. Однако этого недостаточно. С.А. Мирошниченко с соавторами утверждает, что аналитическое чтение, характеризующееся тщательной рецепцией читаемого текста и сопровождающееся анализом текста и его языковых характеристик, «следует рассматривать как один из основных аспектов обучения иностранному языку» [Мирошниченко и др., 2015, с. 147], а в исследований С.А. Ларюшкина с соавторами отмечается, что «задача адекватного прочтения иноязычного текста не только с целью выявления фактической информации, но и с целью установления коммуникативных стратегий и тактик автора текста, авторского замысла, пропозиции, подтекста в большей мере касается именно художественных и публицистических текстов, в том числе общественно-политической направленности» [Ларюшкин и др., 2022, с. 164].

Именно здесь на помощь приходит филологическая герменевтика – научная дисциплина, изучающая процессы понимания текста [Щедровицкий, 2005], которая позволяет глубже проникнуть в смысл текста, учитывая его исторические, культурные и индивидуальные особенности.

В контексте поиска эффективных методик обучения студентов-международников критическому анализу англоязычных новостных статей важно учитывать не только филологическую герменевтику, но и особенности развития критического мышления в различных культурных контекстах. Е.В. Воевода в своей работе «Критическое мышление как культурный феномен» отмечает существенные различия в понимании и применении критического мышления в отечественной и зарубежной образовательных традициях. Зарубежный подход, по мнению автора, зачастую акцентирует индивидуализм, независимость суждений и готовность к оспариванию авторитетов, в то время как отечественная традиция склонна к анализу уже существующих знаний и поиску взаимоприемлемых точек зрения [Воевода, 2012]. Игнорирование этих культурных различий может привести к некорректной интерпретации англоязычных новостных текстов, поскольку скрытые предпосылки, ценности и стратегии аргументации, заложенные в тексте, могут существенно отличаться от привычных студентам когнитивных моделей. Поэтому при обучении критическому анализу новостных статей важно учитывать эти культурные нюансы и формировать у студентов навыки адаптации критического мышления к различным культурным контекстам.

Проведенное исследование подтвердило эффективность применения герменевтических техник для повышения уровня понимания студентами публицистических текстов общественно-политической тематики. Для этого были определены и адаптированы специфические методы герменевтического анализа. Адаптация заключалась в переориентации классических герменевтических принципов на задачи критического анализа новостных текстов в условиях политической поляризации. В частности, техника «расклейивания конструктов» была дополнена элементами выявления пропагандистских нарративов, анализа риторических приемов и определения целей автора с учетом его культурной и политической аффилированности. Принцип рефлексивного мостика был расширен за счет включения компонента критической саморефлексии, направленной на осознание собственных предубеждений и культурных фильтров, влияющих на интерпретацию информации. Такой подход позволил не только углубить понимание студентами содержания статей, но и развить у них навыки критического мышления и межкультурной компетенции, необходимые для эффективной работы в сфере международных отношений. Эксперимент позволил выявить наиболее эффективные техники, способствующие успешному усвоению студентами особенностей публицистических текстов общественно-политической тематики.

В рамках обучения студентам были представлены основные принципы герменевтики, релевантные анализу новостных статей, и проведено обучение по использованию наиболее подходящих герменевтических техник, таких как техники усмотрения и построения смыслов, техники расклейивания смешанных конструктов и принцип рефлексивного мостика. Данные техники были выбраны, основываясь на специфике публицистического стиля статей общественно-политической тематики, понимание которых должно базироваться на трех принципах.

1. Медиатекст – это сложный поликодовый феномен, который понимается при помощи когнитивных механизмов, включая процессы понимания вербальной составляющей текста и осмысливания визуальных символов и знаков [Васильева, 2015]. Учитывая то, что СМИ выбирают языковые средства для воздействия на умы читателей, а общественно-политические статьи часто носят агитационный характер, для их адекватного понимания необходимо применение **техник усмотрения и построения смыслов**.

Техники усмотрения смыслов могут быть применены для анализа газетных статей, чтобы лучше понимать позиции автора и его аудиторию. Эти техники помогают выявить основные идеи, аргументы и убеждения автора, а также определить его отношение к различным событиям

и явлениям. Особенно полезными в учебных целях представляются следующие техники.

Анализ контекста: текст необходимо рассматривать в контексте, в котором он появился, что предполагает изучение политической обстановки, исторического фона и социокультурных факторов, которые могут влиять на смысл статьи. Большое значение имеет также источник и политическая ориентация газеты, т.к. это может повлиять на представленный в статье смысл и оценку событий. Например, спонсируемая британским правительством BBC с большой долей вероятности будет преподносить новости с точки зрения официальной позиции Соединенного Королевства [Jackson, 2011], в то время как статьи в The Observer скорее будут иметь либеральную или даже антиправительственную направленность.

Анализ ключевых слов и фраз: ключевые слова и фразы, используемые в статье, могут помочь определить важные темы и точки зрения, которые автор хочет передать. Необходимо обращать внимание на тон и эмоциональную окраску слов и фраз, т.к. это также может влиять на смысл статьи. Например, если в статье пишут про «аннексию» Крыма, то логично предположить, что автор статьи не считает присоединение Крыма к России легитимным, несмотря на возможную видимую объективность и непредвзятость статьи.

Искажение фактов: проверка достоверности фактов, представленных в статье, может помочь выявить возможные попытки автора манипулировать информацией или искажать реальность. Поиск альтернативных источников информации и сопоставление разных точек зрения может помочь оценить объективность статьи. К искажению фактов относится намеренная ложь, нерепрезентативность источников, использование неточных статистических данных, операторов *чаще/реже, больше/меньше, объединение* реальных и непроверенных фактов.

Анализ структуры: изучение структуры статьи, включая порядок представления информации, использование заголовков и подзаголовков, может помочь выявить акценты и приоритеты автора. Определение основной идеи статьи и прослеживание, как ее поддерживают или опровергают представленные факты, может также помочь понять скрытые намерения автора.

Применение этих техник помогает выявить возможные манипуляции искажением смысла в газетных статьях, а также обеспечивает более объективный анализ общественно-политической информации.

2. Интерпретация – это процесс переконструирования исходного текста. Воспринимая текст, мы создаем свой собственный текст, который может во многом отличаться от исходного. Текст всегда имеет множество

возможных толкований и может быть понят по-разному. Правильность интерпретации особенно актуальна сегодня, в рамках сложившихся в 2014–2015 гг. особых внешнеполитических условий, которые повысили значимость понимания информационного контекста, воспроизведенного зарубежными СМИ в отношении России. Таким образом, представляется необходимым использование **техник рас克莱ивания смешанных конструктов**.

«Рас克莱ивание» конструктов для анализа статей общественно-политической тематики – это метод, который обращает внимание на смешение смыслов в рамках одной статьи и путем анализа ее различных компонентов позволяет распутывать или «расклейт» содержание статьи. В ходе обучения использовались следующие техники данного типа:

- идентификация ключевых тем – текст делится на различные сегменты, чтобы определить, какие ключевые темы обсуждаются в статье; это помогает понять, какие идеи, факты или аргументы связаны друг с другом и как они смешиваются;
- анализ причинно-следственных связей – определение связи между различными фактами, идеями или событиями, описанными в статье, что позволяет понять, какие факторы или события приводят к определенным результатам и выводам;
- определение целей и интересов автора – важно изучить, какие цели у автора статьи; возможно, он старается передать определенную точку зрения или поддерживает определенные политические или общественные цели;
- различение фактов и мнений – определение разницы между фактами и мнениями, представленными в статье; СМИ часто выдают мнение отдельных лиц или организаций за неопровергимый факт [Bursztyn, 2022]; на самом деле, это не значит, что мнение, высказанное в статье, не является истинным; возможно, является, но в отличие от факта, истинность мнения нуждается в более тщательном анализе и проверке.

3. Понимание – это результат интерпретации, которая зависит от личностных характеристик интерпретатора и является результатом осознанной рефлексии [Collins et al., 1977]. Понимание может совпадать с замыслом автора текста или иметь собственное толкование, которое может отличаться от намерений автора. Таким образом, понимание текста – это результат интерпретации, которая может быть разной для каждого читателя. Использование **герменевтического принципа рефлексивного мостика** как процесса связывания новой информации со знаниями и опытом, которые уже имеются у человека, помогает лучше понять не только смысл статьи, но и ее значение для читателя.

«Рефлексия – фактор деятельности, от которого зависят, какие именно субъективные реальности (реальности сознания) будут усмотрены в тексте в условиях процесса смыслового понимания как момента освоения содержательности текста» [Богин, 1982, с. 28]. «Рефлексивный мостик» – процесс перехода от текста к читателю и обратно. Суть «рефлексивного мостика» заключается в том, что он служит инструментом для осмыслиения и понимания текста, а также для активации рефлексии читателя и его взаимодействия с текстом.

Перенос этого концепта на анализ газетных статей общественно-политической тематики может быть полезным для более глубокого понимания их смысла и контекста.

При чтении статей необходимо обратить внимание на свои собственные предвзятости и предположения, которые могут влиять на восприятие статьи. В процессе анализа текста необходимо актуализировать имеющийся когнитивный багаж, сформированный на основе предшествующего знания и опыта, и, одновременно с этим, проявлять открытость к новым интерпретациям и расширению смыслового поля исходного материала. Такой подход способствует преодолению субъективных предубеждений и повышению степени объективности в восприятии и понимании содержания текста.

Возможно применение «рефлексивного мостика» для сопоставления текста статьи с другими источниками информации. Сравнивая и сопоставляя различные точки зрения и аргументы, представленные в разных статьях, можно увидеть, какие мнения и факты могут быть важными или пропущенными.

Таким образом, базируясь на основных принципах общественно-политических материалов, к стандартной методике обучения реферированию [Ильичева, Махонина, 2015а] авторы добавили элементы ознакомления и обучения применению описанных выше герменевтических техник. Обучение было построено на основе анализа отобранных статей по изучаемым темам в рамках основного курса (выборы и международные организации) и с помощью открытых и закрытых вопросов, с одной стороны, контролировалось понимание прочитанного, с другой – акцентировалось внимание студентов на тех аспектах, которые важно учесть для понимания текста.

Особое внимание уделяли контексту, посредством сравнения с другими статьями по той же тематике, в других источниках или других авторов. А также с особым интересом рассматривались лингвистические аспекты содержимого статьи, таким как использование эвфемизмов, эмоционально окрашенной лексики, местоимений во множественном числе, ложных дилемм, преувеличенных эпитетов и других форм речевой манипуляции [Ильичева, 2019].

2. Методы исследования

Для оценки эффективности интеграции герменевтического подхода в процесс обучения студентов направления «Международные отношения» был использован комплекс методов исследования. Ключевым являлся экспериментальный метод, предполагавший формирование экспериментальной и контрольной групп.

В эксперименте участвовала группа из 14 студентов РАНХиГС третьего курса, обучающихся по специальности «Международные отношения», изучающие английский язык с первого курса в рамках общего и делового английского. Английский язык профессиональной деятельности вводится в 6 семестре, когда учащиеся впервые знакомятся с аутентичными текстами в оригинале из различных периодических изданий. Именно на этом этапе и проводилось исследование. Студенты экспериментальной группы имели уровень владения английским языком Intermediate. Они изучали основы герменевтического понимания текста в рамках факультатива учебной программы в размере 16 академических часов.

Контрольная группа состояла из 15 студентов с аналогичным уровнем английского языка (Intermediate), обучающихся по специальности «Международные отношения» по аналогичной программе с одинаковым количеством зачетных единиц. Студенты контрольной группы не проходили факультативный курс по герменевтическому анализу англоязычных новостных статей.

Эффективность обучения оценивалась посредством сравнительного анализа результатов работы обеих групп с англоязычными новостными статьями.

Для сбора данных были применены следующие методы: тестирование знаний студентов перед началом и после завершения факультативного курса, наблюдение за процессом обучения и анализом текстов, анализ результатов дискуссий и рефлексии студентов.

Для более глубокого понимания изменений в характере понимания текста, аргументации и критического мышления студентов применялся метод качественного контент-анализа выполненных ими заданий. Дополнительным методом являлось педагогическое наблюдение за процессом обучения, позволившие зафиксировать особенности применения герменевтических техник на практике и возникающие у студентов затруднения.

В рамках экспериментального обучения студенты осваивали три ключевые герменевтические техники, адаптированные для анализа англоязычных новостных статей, которые применялись комплексно, обеспечивая всесторонний анализ текста. Для практической отработки

каждой техники использовались специально отобранные статьи из BBC, The Guardian и Al Jazeera, представляющие различные идеологические позиции.

Методика анализа статей для студентов, используемая в рамках экспериментального обучения, строилась на последовательном и комплексном применении трех герменевтических техник, адаптированных для англоязычных новостных текстов.

1. Первичный анализ: техники усмотрения и построения смыслов.

Контекстуализация. На начальном этапе студентам предлагалось определить политический контекст, в котором была написана статья, анализировать исторический фон событий и учитывать политическую ориентацию СМИ, опубликовавшего материал. Это достигалось путем обсуждения текущих политических событий, изучения истории вопроса и анализа редакционной политики издания.

Лингвистический анализ. Далее студенты занимались выявлением ключевых слов и фраз, используемых в статье, обращая внимание на их эмоциональную окраску (позитивную, негативную, нейтральную). Особое внимание уделялось словам, которые могли иметь скрытый смысл или вызывать определенные ассоциации. Например, анализировалось использование метафор, эвфемизмов и других риторических приемов.

Проверка достоверности. Студентам предлагалось проверять факты, представленные в статье, с использованием альтернативных источников информации. Это включало поиск подтверждений в других СМИ, научных исследованиях или статистических данных. Студенты обучались распознавать возможные манипуляции с фактами, такие как умалчивание, искажение или вырывание из контекста.

Структурный анализ. Студенты анализировали структуру текста, выделяя основные аргументы, контраргументы и выводы автора. Особое внимание уделялось тому, как автор расставляет акценты и какие элементы информации выделяет как наиболее важные. Студентам предлагалось составлять схемы аргументации, чтобы визуализировать структуру статьи и выявить возможные логические ошибки.

2. Углубленный анализ: расклеивание смешанных конструктов.

Разграничение фактов и мнений. На этом этапе студенты учились четко разделять фактическую информацию, представленную в статье, от оценочных суждений и субъективных мнений автора. Это достигалось путем анализа формулировок, используемых автором, и выявления случаев, когда мнение выдается за факт.

Выявление причинно-следственных связей. Студенты анализировали причинно-следственные связи, представленные в статье, оценивая их обоснованность и логичность. Особое внимание уделялось выявлению случаев, когда причинно-следственные связи устанавливаются необоснованно или используются для манипуляции общественным мнением. Студентам предлагалось ставить под сомнение заявленные причинно-следственные связи и искать альтернативные объяснения.

Анализ целей и интересов автора. Студенты анализировали возможные цели автора и его связь с определенными политическими, экономическими или социальными группами. Это достигалось путем изучения информации об авторе, его аффилиации в предыдущих публикациях. Целью было выявление возможных скрытых мотивов, которые могли повлиять на содержание статьи.

Выявление смешения тем. Студенты анализировали статью на предмет смешения различных тем или вопросов, которые могут быть связаны между собой лишь поверхностно. Целью было выявление попыток автора манипулировать вниманием читателя, отвлекая его от сути вопроса или подменяя понятия.

3. Рефлексивная оценка: рефлексивный мостик.

Актуализация знаний. На заключительном этапе студентам предлагалось связать содержание статьи с уже имеющимися у них знаниями и опытом. Это достигалось путем обсуждения личных ассоциаций, воспоминаний и примеров, связанных с темой статьи.

Осознание предубеждений. Студенты анализировали собственные когнитивные фильтры и предубеждения, которые могли повлиять на их восприятие информации. Это достигалось путем самоанализа и обсуждения с другими студентами.

Сравнение источников. Студентам предлагалось сравнивать информацию, представленную в статье, с информацией из других источников, представляющих различные точки зрения. Целью было формирование объективного представления о проблеме и выявление возможных искажений в представлении информации.

Альтернативные интерпретации. Студентам задавались структурированные вопросы, направленные на поиск альтернативных интерпретаций событий и действий, описанных в статье. Это позволяло им расширить свое понимание проблемы и увидеть ее с разных сторон.

В процессе анализа статей студенты работали в группах, обмениваясь своими наблюдениями и выводами. Преподаватель выступал в роли модератора, направляя дискуссию и помогая студентам критически оценивать информацию.

3. Результаты

Результаты исследования показали значительную эффективность обучения студентов направления «Международные отношения» техникам герменевтического понимания англоязычных новостных статей.

3.1. Оценка эффективности факультативного курса

Тестирование, проведенное до и после факультативного курса, показало повышение уровня понимания текста, студенты экспериментальной группы были способны применять предложенные техники герменевтики при анализе текстов. В контрольной группе, не проходившей курс, значительных изменений в плане понимания и интерпретации текстов не наблюдалось.

Тестирование проходило в формате устного реферирования статей, предусмотренного программой основного курса. Студентам была выдана новостная статья политической тематики на английском языке и предложено критически проанализировать статью, выделяя ключевые факты, сформулировать мнение автора и аргументировать свое мнение по предложенной в статье теме. Данный формат тестирования был выбран на основании того, что реферирование «требует когнитивного умения синтезировать эксплицитно выраженную информацию с имплицитной, заключающейся в осмыслиении не фактов, содержащихся в тексте, а их значения, в контекст» [Леденева, 2020, с. 81].

Здесь следует отметить, что под классическим реферированием текста обычно понимается «вторичный текст, полученный в результате переработки первичного, оригинального текста, а также один из вариантов структурирования информации посредством ее сжатия» [Ильинцева, Махонина, 2015б, с. 135], что исключает оценочность переданной информации.

Однако в практике обучения иностранным языкам реферирование часто включает оценочную интерпретацию передаваемого текста. Так, О.В. Мальчевская отмечает, что учебное реферирование статьи студентами должен включать в себя введение, основную часть и заключение, которое должно содержать не только выводы автора, но и собственное мнение студента о проблемах, поднятых в статье, а также согласие или несогласие с автором [Мальчевская, 2018].

Данные по результатам тестирования до и после проведения факультативного курса по обучению применению герменевтических техник представлены в таблице 1.

Таблица 1

**Средний балл по результатам тестирования
(по 100-балльной системе)**
[Average score based on test results (on a 100-point scale)]

Группа [Group]	Средний балл [Average score]		Изменение среднего балла, % [Change in the average score, %]
	До курса [Before the course]	После курса [After the course]	
Экспериментальная [Experimental]	45	77	41,56
Контрольная [Control]	47	63	25,40

3.2. Оценка убедительности аргументации

Также было замечено, что особенное улучшение в ответах студентов получила последняя часть реферирования, где аргументировалась собственная позиция обучающегося. Студенты экспериментальной группы более эффективно аргументировали свою точку зрения и приводили доказательства из текста и контекста его создания, что свидетельствует о более глубоком понимании материала.

Обучающиеся эффективно использовали герменевтические техники, а именно учитывали авторскую позицию, контекст создания текста и исторические факторы, что позволяло им представлять более проработанные аргументы и убедительно отстаивать свою точку зрения. Студенты экспериментальной группы стали с большим уровнем критичности анализировать информацию из текста и отделять факты от мнений, что способствовало более точным и объективным аргументам.

Для оценивания была разработана следующая шкала уровней аргументации:

- отсутствует (0 баллов) – нет аргументов или аргументы не связаны с темой;
- начальный (1 балл) – простые утверждения, не подкрепленные доказательствами;
- развивающийся (2 балла) – некоторые аргументы, подкрепленные доказательствами из текста;
- сформированный (3 балла) – убедительные аргументы, подкрепленные доказательствами из текста и контекста его создания;
- экспертный (4 балла) – глубокие, проработанные аргументы, подкрепленные широким кругом доказательств.

Результаты оценки уровня аргументации собственной позиции демонстрируют заметное улучшение у студентов экспериментальной группы после прохождения факультативного курса по герменевтике (рис. 1).

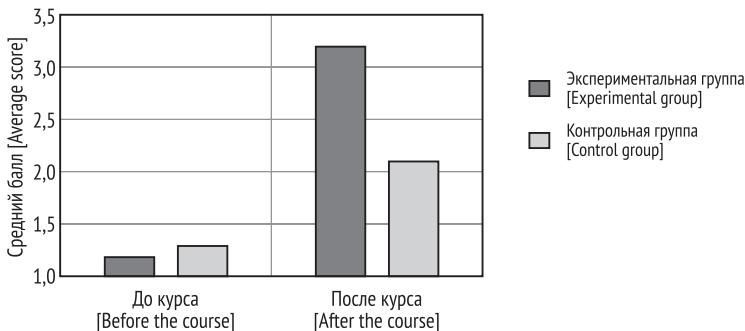

Рис. 1. Уровень аргументации студентами собственной позиции

Fig. 1. The level of students' argumentation of their own position

Следует отметить, что уровень аргументации определяется на основе качественного анализа устного реферирования студентов и может быть субъективным.

3.3. Оценка глубины рефлексии

В концепции Д.А. Леонтьева рефлексия рассматривается как важнейший инструмент, обеспечивающий смысловое осмысление окружающего мира и собственных действий [Леонтьев, 1999]. Процесс осмысления текста – это не просто чтение слов, а активная работа мысли. Когда читатель внимательно вглядывается в смысловые элементы текста, у него возникает рефлексия, направленная на понимание его глубинных смыслов [Сосновская, 2017]. Эта рефлексия может закрепляться на любых элементах текста: ярких образах, необычных словах, символах. Чем больше таких «точек фиксации» читатель находит, тем полнее и глубже становится его понимание текста [Сосновская, 2011].

Анализ рефлексии студентов экспериментальной группы продемонстрировал повышение способности сопоставлять свой собственный опыт с информацией из текста и формулировать более глубокие выводы о прочитанном материале.

Оценка изменения глубины «понимающей» рефлексии [Богин, 1982] была проведена путем анализа речи студентов при реферировании текста до и после проведения факультативного курса. Авторы выделили

параметры оценки продуктивной речи студента, основываясь на работе Э.Н. Меркуловой и Т.А. Ненашевой (2011).

Глубина рефлексии оценивалась на основе анализа речи студентов при реферировании текста до и после прохождения факультативного курса. Использовались количественные параметры, такие как частота упоминания авторской позиции, использование парофраза вместо простого пересказа, указание основной идеи статьи, ссылка на контекст и историческую предысторию событий, интерпретация данных, оценка предвзятости автора, выявление целей статьи и предъявление собственной позиции по отношению к тексту (табл. 2).

4. Обсуждение

Экспериментальная группа продемонстрировала повышение уровня понимания текста после прохождения факультативного курса по герменевтике в два раза по сравнению с контрольной группой, что, несомненно, говорит об эффективности проведенного обучения и необходимости внедрения техник герменевтического понимания текста в процесс обучения студентов.

Данные, полученные в результате эксперимента, показали, что активное использование техник усмотрения смыслов и расклеивания смешанных конструктов в процессе обучения студентов способствует более глубокому пониманию текстов и развитию навыков самостоятельного анализа информации, а использование техник рефлексии способствует более полному и глубокому пониманию информации.

Одной из наиболее эффективных техник можно назвать технику рефлексивного мостика. Для ее использования при анализе газетной статьи студентам необходимо задать себе следующие вопросы: «Что я уже знаю об этой теме? Какие факты или идеи уже присутствуют в моей голове? Как эти факты или идеи связаны с тем, что я читаю в статье? Какие аргументы или доказательства использует автор, чтобы подтвердить свои идеи? Каковы возможные контраргументы или доказательства, которые могут быть выдвинуты против аргументов автора? Какие выводы можно сделать на основе аргументов и контраргументов?»

Ответы на эти вопросы помогли связать новую информацию из статьи с уже имеющимися знаниями и опытом студентов и лучше понять смысл статьи. Кроме того, данная техника помогла оценить аргументацию автора и выявить в ней возможные слабые места.

В целом результаты эксперимента свидетельствуют о том, что обучение герменевтическому анализу текстов способствует развитию навыков критического мышления, анализу информации и аргументации собственной точки зрения студента-читателя.

Таблица 2

Оценка речи студентов экспериментальной группы при реферировании текста
[Evaluation of students' speech in the experimental group when reviewing a text]

Основные параметры (использованные ключевые слова и фразы) [Key parameters (key words and phrases used)]	До курса, % [Before the course]	После курса, % [After the course]	Изменение, % [Change, %]
Упоминание позиции автора [Mention of the author's position] (<i>The author argues/believes/contends/suggests/proposes that...</i>)	20,0	93,0	+73,0
Пересказ без paraphrase (текст оригинала) [Retelling without paraphrase (original text)]	86,7	20,0	-66,7
Пересказ с paraphrase [Retelling with paraphrase] (<i>In other words... / To put it simply... / The author suggests... / The text discusses... / This passage is about...</i>)	33,0	80,0	+47,0
Определение основной идеи статьи [Defining the main idea of the article] (<i>The main idea of the article is... / The author's main point is... / The article focuses on... / The article explores the idea of... / The article suggests that...</i>)	20,0	100,0	+80,0
Ссылка на контекст написания статьи [Link to the context of the article] (<i>In the context of... / against the backdrop of... / building on previous research into</i>)	0,0	40,0	+40,0
Упоминание исторического контекста – предыстория событий [Mention of historical context – background of events] (<i>The article examines the debate over... / the author's argument is particularly relevant in light of... / the author's perspective on...</i>)	0,0	53,3	+53,3

Интерпретация данных, указанных в статье [Interpretation of the data provided in the article] (<i>The author interprets the facts to suggest that... / the facts support the author's conclusion that... / the author draws the following conclusions from... / based on ...</i>)	13,3	93,3	+80,0
Оценка предвзятости автора [Author bias assessment] (<i>The author appears to be biased towards... / this article exhibits a clear bias in favor of... / the author's use of language suggests a strong preference for... / the author's choice of evidence suggests a particular viewpoint... / the author's personal opinions seem to influence their reporting of...</i>)	0,0	80,0	+80,0
Цели и основной посыл статьи [Objectives and main message of the article] (<i>The author aims to... / This article is intended to... / The author seeks to... / The author's objective is to</i>)	13,3	93,3	+80,0
Предъявление позиции студента по отношению к тексту [Presentation of the student's position in relation to the text] (<i>I agree/disagree with the author's point that... / I challenge the author's claim that... / The author's reasoning is flawed because... / I found the article informative and well-written</i>)	13,3	100,0	+86,7

В контексте современных образовательных практик, направленных на развитие критического мышления и глубокого понимания информации, актуальным становится изучение эффективности различных методических подходов к обучению чтению. Проведенное исследование было направлено на оценку эффективности герменевтического подхода к обучению чтению у студентов вуза. В ходе эксперимента было проведено сравнительное изучение уровня понимания текстов у студентов, принимавших участие в факультативном курсе по герменевтике, и студентов из контрольной группы, не проходивших специальное обучение.

Анализ данных, полученных в результате эксперимента, показал значительный прогресс в уровне понимания текстов у участников экспериментальной группы. Студенты, обучавшиеся с применением герменевтических техник, продемонстрировали двукратное увеличение уровня понимания текстов по сравнению с контрольной группой. Это свидетельствует о высокой эффективности герменевтического подхода к обучению чтению.

Исследование выявило, что ключевую роль в успехе герменевтического подхода играют специфические техники, такие как техники усмотрения и построения смыслов, рас克莱ивание смешанных конструктов и рефлексивный мостик. Применение техник усмотрения и построения смыслов помогает выявить возможные манипуляции искажением смысла в газетных статьях, а также обеспечивает более объективный анализ общественно-политической информации. Разбор смешанных конструктов помогает студентам вычленить ключевые идеи текста, определить их взаимосвязь и отделить факты от оценочных суждений. Применение рефлексивного мостика, который представляет собой систему вопросов, помогающих студентам связать новую информацию из текста с их предшествующими знаниями и опытом, способствует глубокому пониманию и критическому осмысливанию текста.

Результаты исследования также подтверждают, что герменевтический подход способствует развитию у студентов важных метакогнитивных навыков, таких как критическое мышление, аналитические навыки и умение аргументировать свою точку зрения. Это является несомненным преимуществом герменевтического подхода и позволяет сделать вывод о его значимости для подготовки студентов к успешной учебе и профессиональной деятельности.

Таким образом, результаты нашего эксперимента говорят в пользу внедрения герменевтических техник в обучение чтению, что может значительно улучшить качество обучения и развитие студентов в области интерпретации текстов.

5. Заключение

Можно утверждать, что герменевтический подход представляет собой перспективный инструмент для повышения уровня понимания и анализа англоязычных новостных статей студентами направления «Международные отношения». Результаты проведенного исследования подтверждают эффективность применения адаптированных техник герменевтического анализа в обучении.

Данные, полученные в результате эксперимента, показали, что активное использование техник усмотрения смыслов и расклеивания смешанных конструктов в процессе обучения студентов способствует более глубокому пониманию текстов и развитию навыков самостоятельного анализа информации, а использование техник рефлексии способствует более полному и глубокому пониманию информации.

Полученные данные позволяют рекомендовать включение герменевтического подхода в учебные программы по английскому языку для студентов направления «Международные отношения». Это позволит не только улучшить их языковую компетенцию, но и развивать критическое мышление, способность к анализу и интерпретации информации, что является ключевым фактором успешной профессиональной деятельности в сфере международных отношений.

Несмотря на достигнутые результаты, дальнейшие исследования в данной области необходимо продолжать. К сожалению, большинство предлагаемых и классифицированных Г. Богиным техник герменевтики практически не исследованы, а потому сложны в применении, и требуют серьезной работы ученых разных областей знаний по их дальнейшей интерпретации. Такие разработки могут помочь найти новые способы понимания не только публицистических статей, но и других видов текстов, от художественной литературы до научных трудов, а также в решении проблем межкультурного взаимопонимания и диалога.

Важно проанализировать применение герменевтических техник в других контекстах обучения, а также разработать более глубокие методические рекомендации по их внедрению.

Библиографический список / References

Богин, 1982 – Богин Г. Филологическая герменевтика. Калинин, 1982. [Bogin G. Filologicheskaya germenevtika [Philological hermeneutics]. Kalinin, 1982.]

Васильева, 2015 – Васильева В.В. Понимание как интерпретирующая текстовая деятельность // Методы понимания в журналистике и массовых коммуникациях: материалы научно-методического семинара «Методы и методики

понимания в журналистике и массовых коммуникациях» / отв. ред. С.Г. Коркуновенко. СПб., 2015. [Vasileva V.V. Understanding as interpretive textual activity. *Metody ponimanija v zhurnalistike i massovyh kommunikacijah: materialy nauchno-metodicheskogo seminara «Metody i metodiki ponimanija v zhurnalistike i massovyh kommunikacijah»*. S.G. Korkunosenko (ed.). St. Petersburg, 2015. Pp. 43–51. (In Rus.)]

Воевода, 2012 – Воевода Е.В. Критическое мышление как культурный феномен // Язык и коммуникация в контексте культуры: сб. ст. по материалам 7-й Международной научно-практической конференции, 21–22 мая 2012 г. / отв. ред. С.В. Лобанов, Е.В. Воевода. Рязань, 2012. С. 120–126. [Voevoda E.V. Critical thinking as a cultural phenomenon. *Iazyk i kommunikatsiya v kontekste kultury. Sbornik statei po materialam 7-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 21–22 maya 2012 g.* S.V. Lobanov, E.V. Voevoda (eds.). Ryazan, 2012. Pp. 120–126. (In Rus.)]

Ильчева, Махонина, 2015а – Ильчева Н.В., Махонина А.А. Рефериование общественно-политического текста. Воронеж, 2015. [Ilyicheva N.V., Mahonina A.A. Referirovanie obshchestvenno-politicheskogo teksta [Summarizing a socio-political text]. Voronezh, 2015.]

Ильчева, Махонина, 2015б – Ильчева Н.В., Махонина А.А. Рефериование иноязычного текста как один из способов развития общепрофессиональных компетенций студентов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 1. С. 133–136. [Ilyicheva N.V., Mahonina A.A. Summarizing foreign language texts as a means of developing general professional competencies in students. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i mezhkulturnaja kommunikacija*. 2015. No. 1. Pp. 133–136. (In Rus.)]

Ильчева, 2019 – Ильчева Н.В. Лингвистические особенности политического медиадискурса и его лингводидактический потенциал // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2019. № 2 (283). С. 215–218. [Ilyicheva N.V. Linguistic features of political media discourse and its linguodidactic potential. *Izvestija Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2019. No. 2 (283). Pp. 215–218. (In Rus.)]

Ларюшкин и др., 2022 – Ларюшкин С.А., Ворохобов А.В., Плисов Е.В. Чтение текста на занятиях по иностранному языку: проблемы, подходы, дидактический потенциал // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 75-4. С. 163–166. [Larjushkin S.A., Vorohobov A.V., Plisov E.V. Reading text in foreign language classes: Problems, approaches, and didactic potential. *Problemy sovremennoego pedagogicheskogo obrazovaniya*. 2022. No. 75-4. Pp. 163–166. (In Rus.)]

Леденева, 2020 – Леденева Т.В. Проблемы обучения современных студентов рефериованию иноязычного текста // Филологические науки в МГИМО. 2020. № 3 (23). С. 80–87. [Ledeneva T.V. Challenges in teaching modern students to summarize foreign language texts. *Linguistics & Polyglot Studies*. 2020. No. 3 (23). Pp. 80–87. (In Rus.)]

Леонтьев, 1999 – Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М., 1999. [Leont'ev D.A. Psichologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj realnosti [The psychology of meaning: The nature, structure, and dynamics of meaningful reality]. Moscow, 1999.]

Мальчевская, 2018 – Мальчевская О.В. Рефериование аутентичных статей на иностранном языке при формировании профессиональной компетенции у студентов неязыковых вузов // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты. Лингвометодические проблемы и тенденции преподавания иностранных языков в неязыковом вузе: материалы IV Международной научно-методической конференции. Омск, 2018. С. 189–192. [Malchevskaia O.V. Summarizing authentic articles in a foreign language for developing professional competence in students of non-linguistic universities. *Problemy modernizacii sovremennoego vysshego obrazovaniya: lingvisticheskie aspekty. Lingvometodicheskie problemy i tendencii prepodavanija inostrannyh jazykov v nejazykovom vuze: Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoy konferencii*. Omsk, 2018. Pp. 189–192. (In Rus.)]

Меркулова, Ненашева, 2011 – Меркулова Э.Н., Ненашева Т.А. Обучение чтению и рефериованию публицистического текста на английском языке // Иностранный язык в национальном исследовательском университете: новые задачи и ценностные ориентации: сб. ст. по материалам межвузовской научно-методической конференции, 2011 / отв. ред. Н.И. Смирнова. Н. Новгород, 2011. С. 73–82. [Merkulova E.N., Nenashева T.A. Teaching reading and summarizing publicistic texts in English. *Inostrannyj jazyk v nacionalnom issledovatelskom universitete: novye zadachi i cennostnye orientacii. Sbornik statej po materialam mezhyuzovskoj nauchno-metodicheskoy konferencii*, 2011. N.I. Smirnova (ed.). Nizhny Novgorod, 2011. Pp. 73–82. (In Rus.)]

Мирошниченко и др., 2015 – Мирошниченко С.А., Лесохина А.М., Лабазина Л.Н. Аналитическое чтение как средство формирования аналитической и интерпретационной компетенций у студентов языкового вуза // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 2. С. 147–151. [Miroshnichenko S.A., Lesohina A.M., Labazina L.N. Analytical reading as a means of developing analytical and interpretive competencies in language university students. *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. 2015. No. 2. Pp. 147–151. (In Rus.)]

Сосновская, 2011 – Сосновская И.В. Читательская рефлексия как условие понимания ценностных смыслов в художественном произведении // Литература в школе. 2011. № 5. С. 33–35. [Sosnovskaja I.V. Reader reflection as a condition for understanding value-based meanings in literary works. *Literatura v shkole*. 2011. No. 5. Pp. 33–35. (In Rus.)]

Сосновская, 2017 – Сосновская И.В., Ситникова Е.Р. Активизация механизма рефлексии школьников в процессе анализа художественного произведения как условие понимания смыслов. Ученые записки ЗабГУ. Серия: Педагогические науки. 2017. № 2. С. 141–147. [Sosnovskaja I.V., Sitnikova E.R. Activating the mechanism of reflection in schoolchildren during the analysis of literary works as a condition for understanding meaning. *Uchenye zapiski ZabGU. Serija: Pedagogicheskie nauki*. 2017. No. 2. Pp. 141–147. (In Rus.)]

Щедровицкий, 2005 – Щедровицкий Г.П. Мышление. Понимание. Рефлексия. М., 2005. [Shchedrovickij G.P. Myshlenie. Ponimanie. Refleksiya [Thinking. Understanding. Reflection]. Moscow, 2005.]

Bursztyn, 2022 – Bursztyn L. Opinions as facts. The review of economic studies, 2022.

Collins et al., 1977 – Collins A. et al. Inference in text understanding. Technical report No. 40. Bolt Beranek and Newman, Inc., 1977.

Jackson, 2011 – Jackson T. When balance is bias. BMJ, 2011.

Статья поступила в редакцию 05.02.2025
The article was received on 05.02.2025

Сведения об авторах / About the authors

Ефремова Ирина Владимировна – старший преподаватель кафедры английского языка № 2 общего академического факультета, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва

Irina V. Efremova – senior lecturer at the Department of English Language No. 2 of the General Academic Faculty, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-7003-7792>

E-mail: efremova-iv@ranepa.ru

Цымбал Анастасия Александровна – старший преподаватель кафедры международного сотрудничества факультета международных отношений и бизнеса, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва

Anastasia A. Tsymbal – senior lecturer at the Department of International Relations of the Faculty of International Relations and Business, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-1883-0621>

E-mail: luna-ka@mail.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи
All authors have read and approved the final manuscript

И.Б. Кирдей

Государственный университет просвещения,
105005 г. Москва, Российская Федерация

Формирование эмотивной компетенции на основе чтения текстов подростковой художественной литературы (на примере учащихся 5, 6, 9 классов)

В статье рассматривается проблема формирования эмотивной компетенции в процессе чтения иноязычных подростковых художественных текстов в основной школе. Теоретическая часть статьи посвящена обоснованию существования эмотивной компетенции как составной части иноязычной коммуникативной компетенции, а также вопросам чтения аутентичных художественных текстов в процессе изучения иностранного языка на этапе основного общего образования. Практическая часть направлена на выявление способности формирования вышеуказанной компетенции в рамках чтения отрывков подростковой художественной литературы и выполнения заданий на предтекстовом, текстовом и послетекстовом этапах.

Ключевые слова: основная школа, чтение, аутентичные тексты, подростковая литература, эмотивная компетенция

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кирдей И.Б. Формирование эмотивной компетенции на основе чтения текстов подростковой художественной литературы (на примере учащихся 5, 6, 9 классов) // Рема. Rhema. 2025. № 3. С. 125–139. DOI: 10.31862/2500-2953-2025-3-125-139

I. Kirdey

Federal State University of Education,
Moscow, 105005, Russian Federation

Formation of emotive competence based on reading young adult fiction (grades 5, 6, 9)

The article considers the problem of developing emotive competence in the process of reading foreign-language young adult fiction in secondary school. The theoretical part of the article is devoted to the substantiation of the existence of emotive competence as an integral part of foreign-language communicative competence, as well as issues in the field of reading authentic fiction texts in the process of studying a foreign language at secondary school. The practical part is aimed at identifying the ability to develop the above-mentioned competence in the context of reading excerpts from young adult fiction and completing assignments at the pre-text, text and post-text stages.

Key words: secondary school, reading, authentic texts, young-adult literature, emotive competence

FOR CITATION: Kirdey I. Formation of emotive competence based on reading young adult fiction (grades 5, 6, 9). *Rhema*. 2025. No. 3. Pp. 125–139.
DOI: 10.31862/2500-2953-2025-3-125-139

1. Введение

В рамках антропоцентрической парадигмы в иноязычном образовании, направленной в первую очередь на личность учащихся, невозможно не учитывать эмоции. Данное явление пронизывает все сферы жизни человека, и именно поэтому они играют не последнюю роль в процессе общения. Более того, эмоции, которые широко принято выражать в одной культуре, совсем не принято выражать в другой, а эмоциональные концепты носят различный характер (несмотря на универсальность эмоций). Например, польский лингвист А. Вежбицкая в своих работах

отмечала особую роль концептов «душа», «тоска», «судьба» в русской культуре и отсутствие тождественных понятий в других культурах [Вежбицкая, 1996, с. 33]. Соответственно, не все эмоциональные концепты совпадают по своему содержанию в той или иной культуре. С другой стороны, изучение эмоциональной сферы жизни представителей других культур открывает новый взгляд и на родную культуру, а также формирует важнейшие общечеловеческие ценности. В этом отношении особое место в школьном образовании занимает дисциплина «иностранный язык»: С.В. Чернышов пишет, что данный предмет «позволяет подготовить школьника к общению не только в родном лингвокультурном пространстве, но и в условиях диалога культур с учетом специфики выражения эмоций представителями других культурных сообществ» [Чернышов, 2023, с. 35]. В данной связи представляется необходимым изучение эмоциональной стороны общения на иностранном языке.

В качестве основного средства формирования эмотивных знаний и умений могут выступать тексты подростковой художественной литературы ввиду следующих факторов: во-первых, целью текстов художественной литературы является воздействие на эмоциональную сферу читателя; во-вторых, в текстах художественной литературы представлены ситуации аутентичного эмоционального общения, а также описаны средства выражения эмоций; в-третьих, тексты подростковой художественной литературы описывают сферу вопросов и проблем, интересующих учащихся основной школы, в связи с чем обеспечивается вовлечение учащихся в процесс чтения.

2. Теоретические основы исследования

Теоретическими основами настоящего исследования являются исследования в области психологии (С.Л. Рубинштейн, Л.С. Выготский, Е.И. Ильин), языкоznания (А. Вежбицкая, В.И. Шаховский), методики преподавания иностранных языков (Н.Д. Гальскова, З.Н. Никитенко, С.В. Чернышов).

Роль эмоций в жизни человека носит дискуссионный характер во многих областях знаний. «Вторичность» эмоций, их противопоставление разуму наблюдается в суждениях философов, считается, что начало такого разделения положил французский философ Рене Декарт [Плампер, 2018, с. 31]. Неудивительно, что и в различных областях знаний наблюдается подобное положение дел, ведь в начале каждой науки стоит философское обоснование.

В области психологии также нет единого мнения о природе эмоций, однако мы можем отметить важные, по нашему мнению, положения, характеризующие эмоции как явление, равносильное человеческому разуму. Американский психолог Джеймс Уильям указывал на недостаточность научного описания эмоций, считая, что «эмоции различаются и оттеняются до бесконечности», и по большей части представляют собой набор синонимов, в то время как произведения художественной литературы позволяют по-настоящему раскрыть природу эмоций: «мы читаем описания эмоций, будучи созданы для того, чтобы переживать их на себе» [Цит. по Гиппенрейтер, Фаликман, 2006, с. 93]. С.Л. Рубинштейн отмечал, что эмоции реализуют функции переживания и оценивания: человек «переживает то, что с ним происходит и совершается», «относится определенным образом» к окружающему его миру [Рубинштейн, 2009, с. 513]. Более того, ученый отмечает и то, что «эмоциональные процессы никак не могут противопоставляться процессам познавательным» [Там же], что опровергает господствующее положение о «вторичности» эмоций. Л.С. Выготский также рассматривал отношения эмоциональной и интеллектуальной сферы жизни человека не в виде противостояния, а в виде взаимодействия: «степень развития есть степень превращения динамики аффекта в динамику мышления» [Выготский, 1984, с. 252]. Иными словами, эмоции во многом поддерживают мышление человека. Причиной негативного отношения к проявлениям эмоций, по нашему мнению, является и то, что под эмоциями зачастую понимаются самые низшие их проявления, характеризующиеся активной жестикуляцией, – аффекты.

Е.И. Ильин рассматривал в качестве прикладных функций эмоций их роль в педагогическом процессе, опираясь на ряд работ педагогов и психологов (Я.А. Коменский, А. Бэн, Н.И. Новиков, К.Д. Ушинский, С.Л. Рубинштейн, Н.А. Леонтьев и др.). Рассмотрим некоторые из положений, выдвинутых ученым. Во-первых, отмечается «забвение чувственного направления в формировании личности ребенка»; во-вторых, деятельность по воспитанию приобретает значимость в том случае, если она подкрепляется «испытываемой ребенком эмоцией»; в-третьих, отмечается «эмоциональное неблагополучие» в процессе обучения, выраженное наличием скуки во время занятий [Ильин, 2001, с. 125–128].

Что касается методики обучения иностранным языкам, то эмоции никоим образом нельзя «убрать» на второй план, ведь эмоции реализуют несколько важных функций в процессе обучения. Во-первых, реализуется контактноустанавливающая функция: для этого необходимо создать благоприятный эмоциональный климат на уроке иностранного языка. Н.Д. Гальскова и Д.К. Бартош отмечают, что доброжелательная атмосфера позволяет учащимся легко входить в контакты [Бартош,

Гальскова, 2015, с. 6]. Во-вторых, эмоции играют роль «мотивационного катализатора общения», иными словами, благоприятный эмоциональный климат способствует появлению желания говорить, а возможность высказаться и обсудить что-либо на иностранном языке способствует появлению положительных эмоций, влияющих на внутреннюю мотивацию в обучении. В-третьих, эмоции обладают оценочным компонентом, что также необходимо учитывать при обучении и воспитании. В-четвертых, реализуется познавательная функция по причине того, что их выражение и распределение (т.е. частотность выражения тех или иных эмоций, отношение к проявлению определенных эмоций) различается в языках и культурах.

З.Н. Никитенко на примере младших школьников рассматривает формирование нравственной сферы учащихся как одну из основных целей изучения иностранного языка. Нравственные ценности возможно привить в случае эмоционального переживания, а не рационального осмыслиения ввиду того, что «ценности выражают отношения не между объектами, а между субъектом и объектом» [Никитенко, 2024, с. 99–100].

С.В. Чернышов указывает на недостаточное раскрытие эмоционального потенциала учащихся в ходе изучения иностранного языка, так, отмечается отсутствие «номенклатуры и описания видов рефлексии, участвующих в образовательном процессе по иностранному языку» [Чернышов, 2023, с. 197]. Также со ссылкой на исследование отмечается, что «лишь 41,8% детей в возрасте 10–14 лет обладают способностью легко выражать собственные эмоции...» [Там же].

Таким образом, представляется необходимым формировать эмотивные знания, навыки и умения общения в процессе обучения иностранным языкам.

Различие между эмоциональными и эмотивными знаниями состоит в способе их обретения: В.И. Шаховский отмечал, что эмотивная компетенция формируется «через средства научющей и художественной коммуникации», тогда как эмоциональная компетенция является продуктом социального взаимодействия [Шаховский, 2009, с. 9].

Отдельно стоит рассмотреть положение Н.Д. Гальской о текстах, используемых на уроках иностранного языка: для учащихся «интересным будет тот текст, который содержит новую/проблемную информацию, открывает “окно” в мир иной культуры, затрагивает... чувства и эмоции» [Гальская, 2003, с. 132].

Резюмируя вышесказанное, мы можем определить эмотивную компетенцию как способность производить общение на иностранном языке с учетом эмоциональных особенностей представителей культур, а также с учетом эмоционального фона ситуации.

Таблица 1

Связь эмотивной компетенции с другими иноязычными компетенциями в области чтения художественных текстов
[Connection between the emotive competence and other foreign language competencies in the field of reading literary texts]

Иноязычные компетенции [Foreign language competencies]	Связь с эмотивной компетенцией [Connection with the emotive competence]
Лингвистическая [Linguistic]	Эмотивность выражается на всех уровнях языка [Emotivity is expressed at all levels of language]
Дискурсивная [Discursive]	В текстах художественной литературы представлена человеческая речь в различных условиях [Fiction texts represent human speech in various situations]
Компенсаторная [Compensatory]	Описывают жесты и мимика, выражающие эмоции [Fiction texts describe gestures and facial expressions that express emotions]
Социокультурная [Sociocultural]	В текстах художественной литературы описываются нормы выражения эмоций определенных групп людей [Fiction texts describe the norms for expressing emotions for certain groups of people]
Учебно-познавательная [Educational and cognitive]	Чтение реализует потребность в познании, в результате чего учащиеся испытывают положительные эмоции [Reading satisfies the need for knowledge, resulting in positive emotions for students]

Одним из препятствий на пути формирования эмотивной компетенции является ее неопределенный статус, ведь формально она не входит в состав иноязычной коммуникативной компетенции, хотя ее компоненты тем или иным образом отражены в каждом субкомпоненте иноязычной коммуникативной компетенции. Такое положение было выдвинуто С.В. Першутиным, в рамках которого рассматривались лингвистическая, дискурсивная, социокультурная, социокультурная, компенсаторная учебно-познавательная субкомпетенции. Удалось установить следующие связи: лингвистическая компетенция – эмотивные единицы выражены на всех языковых уровнях; дискурсивная компетенция

выражается различными речевыми умениями в области выражения эмоций; социокультурная компетенция содержит знания о эмоциональных концептах той или иной культуры; компенсаторная компетенция связана с невербальными методами выражения эмоций; учебно-познавательная компетенция связана с удовлетворением интересов и потребностей учащихся [Першутин, 2017, с. 33]. Учитывая то, что эмотивные знания добываются через средства учебной и художественной литературы, целесообразно рассмотреть данные положения сквозь призму чтения (табл. 1).

Естественно, данные положения распространяются и на другие стили и жанры литературы, однако целью художественных текстов является эмоциональное воздействие на читателя, в связи с чем данные тексты обладают наибольшим потенциалом в области формирования эмотивной компетенции. Более того, художественные тексты содержат в себе аксиологический компонент, изучение которого позволит установить нравственные ориентиры.

3. Методы исследования

На основании вышеизложенных доводов мы можем установить, что одним из наиболее естественных способов получения эмотивных знаний является чтение иноязычных художественных текстов. С целью изучения способности восприятия эмотивного содержания художественных текстов учащимся были предложены тестовые задания, построенные на основе отрывков художественных текстов подростковой художественной литературы: для 5 класса был представлен отрывок из книги “Because of Winn-Dixie” американской писательницы Кейт ДиКамилло; для 6-х классов – отрывок из повести “Bridge to Therabithia” американской писательницы Кэтрин Патерсон; для 9-х – отрывок из повести “Tangerine” американского писателя Эдварда Блура.

В тестировании приняли участие 71 учащийся (30 учащихся 5-х классов, 22 учащихся 6-х классов, 19 учащихся 9-х классов).

Учащимся были предложены задания на предтекстовом, текстовом и послетекстовом этапах (табл. 2). Мы также можем отметить, что задания были направлены как на проверку распознавания эмотивных концептов, так и на выражение оценочных суждений.

Вопросы второго и третьего заданий для каждой группы учащихся представлены в таблице 3.

Таблица 2

**Задания для изучения способности восприятия
эмотивного содержания художественных текстов**
**[Tasks for studying the ability to perceive the emotive content
of literary texts]**

Задание [Task]	Цель задания [Objective of the task]
1. Прочитайте текст. Какие эмоции он вызывает: положительные/отрицательные/нейтральные? Подчеркните в тексте эмоциональные слова [Read the text. What emotions does it evoke: positive/negative/neutral? Underline the emotional words in the text]	Определить способность учащихся находить эмотивные лексические единицы с учетом их полярности [To determine the ability of students to find emotive lexical units taking into account their polarity]
2. Ответьте на вопросы [Answer the questions]	Определить уровень эмоционального понимания прочитанного текста [Determine the level of emotional understanding of the text read]
3. Напишите предложение, используя предложенную ситуацию и выражения [Write a sentence using the given situation and expressions]	Определить степень понимания эмотивной лексики и способности применять данную лексику [To determine the degree of understanding of emotive vocabulary and the ability to use this vocabulary]

4. Ход исследования

Мы будем рассматривать способность формирования эмотивной компетенции с нескольких позиций. С.В. Чернышов в качестве основных линий формирования эмотивной компетенции выделил «вербально-семантическую, деятельностную и ценностную» линии [Чернышов, 2024, с. 37]. В нашем исследовании данные направления реализуются следующим образом: первое задание реализует вербально-семантическое направление; второе – ценностное направление; третье – деятельностное.

Применительно к данному исследованию мы выделяем следующие навыки: вербально-семантическая линия – «способность описывать собственное эмоциональное состояние эмотивными средствами иностранного языка»; деятельностная линия – «способность симпатического и эмпатического включения в переживания других»; ценностная линия – «осознание эмоций и чувств как ценностей для решения широкого круга жизненных проблем» [Там же, с. 38].

Задания 2 и 3 (текстовый и послетекстовый этапы)
[Tasks 2 and 3 (text and post-text stages)]

5 класс [5th grade]	<p>Задание 2 [Tasks 2]:</p> <p>Why did Opal help Winn-Dixie? Describe Winn-Dixie. Is he a good dog? What was the father's reaction to Winn-Dixie? Would you take Winn-Dixie? Why/why not?</p> <p>Задание 3 [Tasks 3]:</p> <p>Describe your least favourite animal. Use the words: yappy, limping, matted-up fur, crooked teeth</p>
6 класс [6th grade]	<p>Задание 2 [Tasks 2]:</p> <p>Do you like Miss Edmunds as a teacher? Why? How is she different from other teachers? Does Jess's father support his hobbies? Why does Jess like Miss Edmunds? Would you like to have Miss Edmunds as your teacher? Why?</p> <p>Задание 3 [Tasks 3]:</p> <p>Describe your favourite actor or actress. Use the words: soft voice, gorgeous, swishy hair</p>
9 класс [9th grade]	<p>Задание 2 [Tasks 2]:</p> <p>How can you describe the boy? Is he a good player? What was his teammates' opinion about him before/after the game? What were the boy's expectation about joining the team? What was coach's reaction to giving the news to Paul? Do you agree with coach Walski? Why?</p> <p>Задание 3 [Tasks 3]:</p> <p>Imagine you need to decline an offer. Use the following phrases: "I'm sorry to tell you this, but..." "That's not the point", "There's no way I can..."</p>

Рассмотрим ответы учащихся 5-х классов. Большинство из них не смогли указать превалирующую эмоцию отрывка (21 человек); положительные эмоции – 4 человека; отрицательные эмоции – 1 человек; нейтральные эмоции – 4 человека. Степень понимания эмотивных концептов можно разделить на три категории: высокая степень, средняя степень и низкая степень понимания. В работах с высоким пониманием эмотивных концептов (3 работы) отмечается наличие эмотивных единиц различных языковых уровней (лексических, синтаксических, грамматических и т.д.); в работах со средним пониманием (6 работ) отмечены эмотивные единицы одного уровня или наблюдается некоторое количество неэмотивных единиц; в работах с низким уровнем понимания

(21 работа) отмечены неэмотивные языковые единицы, либо отсутствует ответ на задание. Работы первой категории содержали в себе междометия, эмотивные слова и эмотивные предложения:

- (1) “mmmmmm-hmmm”
- (2) “Daddy”, “loved”
- (3) “Could this Less Fortunate, could he stay with us for a while?”

Работы второй категории также содержат в себе меньший, по сравнению с предыдущей категорией, процент отмеченной эмотивной лексики и больший процент неэмотивной лексики, однако в них указаны единицы лексического и синтаксического уровней:

- (4) “well”
- (5) “daddy”, “bad”, “ugly dog”, “good”, “yappie”
- (6) “I loved him with all my heart”
- (7) “I found a dog. And I want to keep him”

Степень выполнения 2 и 3 задания можно разделить на категории «выполнены полностью» (4 работы) и «выполнены частично» (26 работ). Работы первой категории содержат ответы как на вопросы по тексту, так и на задание открытого типа. Приведем некоторые ответы на данные задания:

- (8) “She feels abandoned and found in dog a good friend”
- (9) “Yes, he is a good dog. Homeless, stinky, but a good dog”
- (10) “He didn’t want a Winn-Dixie and was shocked”
- (11) “I think no because I already have a dog”
- (12) “The dog hid and started yapping”

В работах второй категории, за исключением двух работ, были даны ответы на вопросы по тексту, однако они не были полными, а также не всегда соответствовали содержанию отрывка. Третье упражнение выполнили 19 учащихся, однако в их ответах не была использована лексика, предложенная в задании, что говорит о затруднениях в использовании эмотивной лексики.

Выделим особенности эмотивного понимания отрывка учащимися 5-х классов. После изучения эмотивных средств, отмеченных учениками, становится очевидным, что основное внимание концентрируется на элементарных средствах, таких как отдельные слова. Данная особен-

ность переходит и на деятельностный уровень ввиду недостатка средств выражения. С другой стороны, учащиеся смогли ответить на вопросы по тексту и выразить собственное мнение.

Рассмотрим работы учащихся 6-х классов. Учащиеся определили основные эмоции отрывка следующим образом: положительные – 9 человек, отрицательные – 1 человек, нейтральные – 8 человек, не указано – 3 человека. Понимание эмотивных концептов можно разделить на два уровня – средний и низкий. В работах со средним уровнем понимания были выделены эмотивные единицы синтаксического уровня (т.е. выделены предложения эмотивного содержания):

- (13) “He would show his drawings to his dad, but he didn’t care”;
 “they’d screech about wasted time, wasted paper, wasted ability”;
 “this was real and too deep to talk about, even to think about very much”; ‘lord, could they make a racket!'; “he was in love with her”

Степень выполнения заданий 2 и 3 можно разделить на три категории: выполнено полностью – 4 работы, выполнено частично – 9 работ, не выполнено – 9 работ. На задание 2 были даны следующие ответы:

- (14) “Yes I like her as a teacher because she is interested about her pupil’s hobbies and can always listen to him”
 (15) “Other teachers don’t like Jess’s hobby and they tell him that he just waste his time and waste a lot of paper. Miss Edmunds disagree with other’s opinion She is proud of little artist”
 (16) “Jess’s father doesn’t support his hobbies. His son would like to show drawings to him, but he doesn’t dare”
 (17) “Jess likes his music teacher Miss Edmunds because she talks to him and loves his creative mind. She is proud of Jess”
 (18) “Yes, I’d like to have Miss Edmunds as my teacher because it’s always good to talk with a human who can support you”

На задание 3 были даны следующие ответы:

- (19) “My favourite actress is Anna Peresild. She has soft voice and swishy hair. She is gorgeous”; “My favourite actress is Margot Robbie. She has soft voice and gorgeous figure”

В работах, выполненных частично, представлены ответы на задание 2, однако они не всегда соотносятся с содержанием текста. Задание 3 было выполнено лишь в одной работе данной категории.

Рассмотрев работы учащихся 6-х классов, мы можем выделить следующие особенности: во-первых, учащиеся данной группы обращают внимание на более сложные эмотивные единицы, такие как предложение. Это может говорить о беглости чтения и отсутствии необходимости дословного перевода, что говорит о развитых компенсаторных умениях, при которых, однако, упускается большой пласт эмотивных средств. Во-вторых, учащиеся демонстрируют более глубокое понимание эмотивной ситуации.

В работах учащихся 9-х классов (19 человек) наблюдается следующее: большинство участников не отметили основные эмоции текста (всего 5 человек указали отрицательные эмоции в качестве превалирующих). Наблюдаются следующие уровни понимания эмотивного кода текста: высокий уровень (5 работ), средний уровень (5 работ), низкий уровень (9 работ). В работах с высоким уровнем понимания эмотивного кода отмечены следующие эмотивные единицы: междометия, слова, связанные с выражением эмоций, слова, описывающие эмоциональные состояния, эмотивные предложения:

- (20) “Whoa!”; “Yow!”
- (21) “laughed”; “yelled”; “shouted”; “screamed”
- (22) “genuinely surprised”; “impressed”; “disappointed”; “sorry”; “pained”, “upset”; “crazy”
- (23) “I’m sorry to tell you this, but”; “What are you talking about – can’t play? I can play! I’m one of the best players here!”

Рассмотрим степень выполнения задания 2 и 3: в шести работах выполнены оба задания; в трех работах задания выполнены частично; в 10 работах задания не выполнены. На вопросы задания 2 были даны следующие ответы:

- (24) “Paul was a good boy with a big dream. He really was a good player”
- (25) “At first, teammates didn’t think that Paul was a good player, but after the game they changed their opinion to the positive way”
- (26) “actually, he didn’t have an expectation about joining the team but he had expectations about how he would become a famous goaltender”
- (27) “the coach was very upset and pained. It was hard for him to give the news to Paul”
- (28) “I think that coach Walski was right. It was his responsibility and he cared about all kids and people but I think that in this situation he can give Paul a chance to play”

На вопросы третьего задания были даны следующие ответы:

- (29) “I’m sorry to tell you this, but we can’t take you in our team. Don’t be upset and try another team”; “There’s no way I can allow you to play in our team. You have some serious physical problems and it will cause more serious problems to the insurance company”

Работы учащихся 9-х классов представляют противоречивые результаты: большинство учащихся не справились с поставленными задачами. В то же время ученики, которые выполнили упражнения, показали высокую степень понимания как эмотивных средств, так и эмотивного кода текста.

5. Результаты исследования и обсуждение

Рассмотрев ответы участников эксперимента, мы можем отметить, что эмотивное содержание текстов вызывает сложности у учащихся: это становится очевидным по причине того, что большинство учеников не смогли выделить эмотивно-окрашенные единицы. Что касается понимания эмотивных единиц, то учащиеся 5-х классов концентрируются на отдельных словах, тогда как учащиеся 6-х и 9-х классов выделяют более крупные единицы, такие как словосочетания и предложения. Это означает то, что многие эмотивные единицы выпадают из поля зрения учащихся, что в контексте чтения художественного текста может негативно сказаться на его понимании (т.к. в художественном тексте значение имеют и отдельные слова, которые могут носить нейтральное значение в иных контекстах). Непонимание эмотивных концептов связывается и на способности использования и комбинирования эмотивных единиц в ситуациях учебного общения. Представляется, что данную особенность (переход от отдельных слов до предложений) целесообразно использовать на разных ступенях обучения: на ранних этапах изучать отдельные эмотивные слова, тогда как на старших этапах – все возможные средства выражения эмоций, начиная с отдельных слов и заканчивая предложениями.

С другой стороны, нельзя не отметить, что учащиеся способны ответить и выразить свое мнение в вопросах, связанных с прочитанным текстом. Так, учащиеся 6-х и 9-х классов представили убедительные и в то же время эмоциональные ответы на задания с открытым ответом. Направленность и тематика текстов оказали положительное влияние на вовлеченность учащихся: несмотря на некоторое отсутствие выражительности в заданиях с открытым ответом, учащиеся смогли выразить собственное мнение с общечеловеческой точки зрения, что делает выбор текстов подростковой художественной литературы обоснованным на этапе основной школы.

6. Заключение

Обращение к эмоциям при изучении иностранного языка необходимо как при установлении доброжелательной атмосферы в классе, так и при формировании определенного отношения к тем или иным явлениям. Одним из основных средств получения эмотивных знаний являются художественные тексты – эталоны образа эмоционального мышления носителей иностранного языка.

Установлено, что именно эмотивный код текста вызывает наибольшие затруднения у учащихся ввиду недостаточности знаний эмоциональной культуры носителей языка и навыков распознавания эмотивных единиц в тексте, однако обращение к эмоциональному опыту учащихся способно нивелировать языковые трудности и вовлечь в работу больший круг учащихся.

Библиографический список / References

Бартош, Гальскова, 2015 – Бартош Д.К., Гальскова Н.Д. Эмоциональная культура учителя иностранного языка как компонент профессиональной культуры // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2015. № 2 (89). С. 5–10. [Bartosh D.K., Galskova N.D. Emotional culture of a foreign language teacher as a component of professional culture. *Izvestija Gomelskogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. Skoriny*. 2015. No. 2 (89). Pp. 5–10. (In Rus.)]

Вежбицкая, 1996 – Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. [Vezhbičkaja A. Jazyk. Kultura. Poznanie [Language. Culture. Cognition]. Moscow, 1996.]

Выготский, 1984 – Выготский Л.С. Собр. соч. в 6 т. М., 1984. Т. 5. [Vygotsky L.S. Sobranie sochinenij v 6 t. [Collected works in 6 volumes]. Moscow, 1984. Vol. 5.]

Гальскова, 2003 – Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам. М., 2003. [Galskova N.D. Sovremennaja metodika obuchenija inostrannym jazykam [Modern methods of teaching foreign languages]. Moscow, 2003.]

Гиппенрейтер, Фаликман, 2006 – Гиппенрейтер Ю.Б., Фаликман М.В. Психология мотивации и эмоций. М., 2006. [Gippenreiter Yu.B., Falikman M.V. Psihologija motivacij i jemocij [Psychology of motivation and emotions]. Moscow, 2006.]

Ильин, 2001 – Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб., 2001. [Ilyin E.P. Jemocii i chuvstva [Emotions and feelings]. St. Petersburg, 2001.]

Никитенко, 2024 – Никитенко З.Н. Иностранный язык в начальной школе. М., 2024. [Nikitenko Z.N. Inostrannyj jazyk v nachalnoj shkole [Foreign language in primary school]. Moscow, 2024.]

Першутин, 2017 – Першутин С.В. Методика обучения старших школьников эмотивной лексике на уроках иностранного языка: дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2017. [Pershutin S.V. Metodika obuchenija starshih shkolnikov jemotivnoj leksike

na urokah inostrannogo jazyka [Methods of teaching emotive vocabulary to high school students in foreign language lessons]. PhD dis. St. Petersburg, 2017.]

Плампер, 2018 – Плампер Я. История эмоций. М., 2018. [Plamper Ya. Istorija jemocij [History of emotions]. Moscow, 2018.]

Рубинштейн, 2009 – Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 2009. [Rubinstein S.L. Osnovy obshhej psihologii [Fundamentals of general psychology]. Moscow, 2009.]

Чернышов, 2024 – Чернышов С.В. Эмоциональная рефлексия как фактор повышения качества обучения иностранным языкам в школе // Наука и школа. 2024. № 2. С. 192–204. [Chernyshov S.V. Emotional reflection as a factor in improving the quality of foreign language teaching in schools. *Nauka i shkola*. 2024. No. 2. Pp. 192–204. (In Rus.)]

Чернышов, 2023 – Чернышов С.В Формирование иноязычного эмоционального опыта общения в основной школе // Иностранные языки в школе. 2023. № 9. С. 35–43. [Chernyshov S.V. Formation of foreign language emotional communication experience in primary school. *Inostrannye yazyki v shkole*. 2023. No. 9. Pp. 35–43. (In Rus.)]

Шаховский, 2009 – Шаховский В.И. Эмоциональная/эмодивная компетенция в межкультурной коммуникации (есть ли неэмоциональные концепты?) // Мир лингвистики и коммуникации. 2009. № 16. С. 7–14. [Shahovskiy V.I. Emotional/ emotive competence in intercultural communication (are there any non-emotional concepts?). *Mir lingvistiki i kommunikacii*. 2009. No. 16. Pp. 7–14. (In Rus.)]

Статья поступила в редакцию 06.11.2024

The article was received on 06.11.2024

Сведения об авторе / About the author

Кирдей Иван Борисович – аспирант кафедры лингводидактики факультета романо-германских языков, Государственный университет просвещения, г. Москва

Ivan B. Kirdey – postgraduate student at the Department of Linguodidactics of the Faculty of Romano-Germanic Languages, Federal State University of Education, Moscow

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-1537-3557>

E-mail: ivan.kirdey@gmail.com

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

Rhema. Рема

2025.3

Сайт журнала: rhema-journal.com
E-mail: rhema.pema@gmail.com

Авторы статей несут полную ответственность за точность
приводимой информации, цитат, ссылок и списка литературы.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале,
невозможна без письменного разрешения редакции.

Подписано в печать 29.09.2025.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Liberation Serif».
Объем 8,75 п. л. Тираж 1000 экз.